

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 1, 2019**

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Алексеева Лариса Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Безукладников Константин Эдуардович – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Бартош Дана Казимировна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Мишланова Светлана Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семенов Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)

Файзинова Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Шутемова Наталия Валерьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Платонова Елена Анатольевна – ответственный секретарь, кандидат филологических наук (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Плюснина Екатерина Михайловна – ответственный за сайт, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Карзенкова Елена Петровна – технический редактор, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Магелланас Фернандо Латас – доктор филологических наук, профессор (Испания, г. Мадрид, университет Complutense, факультет немецкой филологии, г. Севилья, Институт германистики)

Мирчевска-Бошева Биляна – ассоциированный профессор (Македония, г. Скопье, университет им. Св. Кирилла и Мефодия)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нишнева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Табидзе Манана Шотаевна – доктор филологических наук, профессор, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, филологический профессор (Грузия, г. Тбилиси, Грузинский университет им. св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузии)

Травински Беата – доктор филологических наук, профессор (Германия, г. Маннгейм, Институт немецкого языка)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Шавхелишвили Бела Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент (Грузия, г. Тбилиси, Сухумский государственный университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор Научно-исследовательского института зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета, постдоктор Хэйлуцзянского государственного университета КНР (Китай, г. Аньхой, Аньхойский университет)

Яхьяпур Марзи – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

© Редакционная коллегия, 2019

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».
Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Подписано в печать 20.05.2019. Дата выхода в свет 24.05.2019.
Формат 60 × 84/16. Усл. печ. л. 17,67. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Территория распространения – Российская Федерация.
Договор с НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКОЙ:
№ 422-10/2017 от 26 октября 2017 г. Научный журнал теоретических и прикладных исследований. Издается с 2017 года.
Периодичность: с 2018 г. 4 раза в год. Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редколлегией.

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL**
№ 1, 2019

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD**Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)**Larisa M. Alekseeva** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Konstantin E. Besukladnikov** – Grand Ph.D. (Education), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)**Dana K. Bartosh** – Grand Ph.D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow City University, Institute of Foreign Languages)**Tamara I. Zelenina** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)**Aza D. Ioseliani** – Grand Ph.D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Yulia A. Komarova** – Grand Ph.D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)**Boris V. Kondakov** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana L. Mishlanova** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Boris M. Proskurnin** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Natalia N. Semenenko** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)**Nelly A. Trofimova** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, St.-Petersburg, National Research University Higher School of Economics)**Galina V. Faizieva** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)**Natalia V. Shutuyomova** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena A. Platonova** – Executive Secretary, Ph.D. (Philology) (Russia, Perm, Perm State University)**Ekaterina M. Plusnina** – Executive Secretary, Ph.D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena P. Karzenkova** – Technical Reviewer, Lecturer (Russia, Perm, Perm State University)**INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD****Irina N. Ivashkevich** – Ph.D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)**Fernando Magallanes Latas** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Spain, Madrid, Complutense University of Madrid; Seville, University of Seville)**Biljana Mirchevska-Bosheva** – Grand Ph.D. (Philology), Associate Professor (Macedonia, Skopje, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje)**Mekhriniso B. Nagzibekova** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)**Natalya N. Nizhneva** – Grand Ph.D., Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)**Manana Sh. Tabidze** – Grand Ph.D. (Philology), Professor, Member of New York Science Academy (Georgia, Tbilisi, Georgian University. St. Andrey of the First-Called Patriarchate of Georgia)**Beata Travinski** – Grand Ph.D. (Philology), Professor (Germany, Mannheim, Institute of German Language)**Gulchehra M. Hodzhimatova** – Grand Ph.D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)**Bella A. Shavhlishvily** – Ph.D. (Philology), Associate Professor (Georgia, Tbilisi, Sukhumi State University)**Shi Hongsheng** – Grand Ph.D. (Philology), Professor, Director of the Center for the Study of Russia, Postdoc of Heilongjiang State University of China (China, Anhui, Anhui University)**Yahyapur Marziye** – Ph.D. (Philology), Professor (Iran, Teheran, Teheran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ.....	4
<i>Боговлянская Ю.В.</i> ПАРЦЕЛЛОГРАФЕМА И ПАРЦЕЛЛЯТНАЯ СЕТКА: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.....	4
<i>Ивашкевич И.Н.</i> К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА, ПЕРЦЕПЦИИ, ПРОСТРАНСТВА.....	11
<i>Корлякова А.Ф.</i> МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ СОЦИУМЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА <i>MODESTY СКРОМНОСТЬ</i>).....	18
<i>Ремяникова Д.О., Мишиланова С.Л.</i> МЕТАФТОНИМИЯ КАК МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ.....	25
<i>Podgaets A.M., Solovyova E.I.</i> LEXICAL CONSEQUENCES OF THE FOREIGN INVASIONS IN THE HISTORY OF ENGLISH.....	30
<i>Сюткина Н.П.</i> МЕЖДОМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СИТУАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ.....	38
ДИСКУРСОЛОГИЯ.....	44
<i>Пустовалов А.В., Михеева Е.И.</i> ПРОБЛЕМАТИКА «СРЕДНЕГО» ГОРОДА В МЕСТНЫХ МЕДИА КУНГУРА.....	44
<i>Пустовалов А.В., Некрасова Л.И.</i> МЕДИАКОНТЕНТ ВЕРЕЩАГИНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ.....	52
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ.....	58
<i>Красноборова Л.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ПЕРЕВОДА (ESIT) УНИВЕРСИТЕТА ПАРИЖ III (НОВАЯ СОРБОННА).....	58
<i>Пинягин Ю.Н.</i> ФОНОВАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА.....	64
<i>Хрусталева М.А., Афанасьева А.А.</i> ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РУССКИХ ЭРГОНИМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....	71
<i>Шутёмова Н.В.</i> ДИДАКТИКА СТИЛИСТИКИ: ДИЗАЙН ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (СТИЛИСТИКА РЕСУРСОВ)».....	76
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	86
<i>Бячкова В.А., Проскурнин Б.М.</i> СТАНОВЛЕНИЕ И ДИНАМИКА АНГЛИЙСКОГО РЕАЛИЗМА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ КАФЕДРЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 1970–1990-Х ГГ.....	86
<i>Новокрещенных И.А.</i> ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В РАБОТАХ Е.О. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ.....	96
<i>Чагина А.П.</i> АВТОРСКИЕ СНОСКИ В СИСТЕМЕ РОМАНА МАНУЭЛЯ ПУИГА «ПОЦЕЛУЙ ЖЕНЩИНЫ-ПАУКА».....	104
ЛИНГВОДИДАКТИКА.....	108
<i>Андросова С.В.</i> ПОДГОТОВКА ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЫ С ВИДЕОСЮЖЕТОМ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ.....	108
<i>Карзенкова Е.П., Попок Л.Е., Карзенкова О.С.</i> ГЕЙМИФИКАЦИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЁ ПРИМЕНЕНИЯ В ПРОЕКТИРОВАНИИ.....	114
<i>Красноярова А.А., Чивиленко С.В.</i> ТИПОЛОГИЯ УПРАЖНЕНИЙ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	122
<i>Лучникова А.В., Тутынина Т.И.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....	130
<i>Родионова Е.В.</i> CLIL И ДРУГИЕ ПОДХОДЫ К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И УЧЕБНОГО ПРЕДМЕТА: СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ.....	134
<i>Утехина А.Н.</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИДАКТИЧЕСКИХ ОСНОВ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	138
<i>Филиппова А.А.</i> ОБУЧЕНИЕ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ЗАОЧНОМ ОТДЕЛЕНИИ В РАМКАХ БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ.....	145
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ.....	150
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ.....	152

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'367

Богоявленская Юлия Валерьевна

Доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков,
Уральский государственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
Тел.: 8(343)2357659
E-mail: jvbog@yandex.ru

ПАРЦЕЛЛОГРАФЕМА И ПАРЦЕЛЛЯТНАЯ СЕТКА: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Настоящая статья посвящена проблеме парцелляции, рассматриваемой с позиций когнитивно-семиотического подхода. Автор сосредотачивает внимание на анализе функционирования парцеллографем, под которыми понимает финальные синграфемы, используемые для операции парцелляции. Выделяются две модели парцеллянтной графики: единая и комбинированная парцеллянтные сетки. Сопоставительный анализ французско-русского корпуса позволяет установить, что из четырёх типов единой парцеллянтной сетки во французском корпусе представлены только два типа.

Ключевые слова: парцелляция, парцеллографема, парцеллянтная сетка, сопоставительная лингвистика, корпусная лингвистика.

Введение

Современной лингвистикой накоплен значительный объём знаний о парцелляции, но её рассмотрение и интерпретация осуществляется преимущественно сквозь призму системно-структурного подхода. Анализ научного опыта позволяет выделить основные подходы к исследованию парцелляции: синтаксический [Ванников, 1965; Combettes, 2007; Gautier, 2010], риторико-стилистический [Сковородников, 1981; Noailly, 2002], прагматический [Хаймурзина, 2008]. Фрагментарно были описаны особенности и дискурсивные функции парцелляции [Кууитсиуан, 2009], её восприятие [Зелепукин, 2007], когнитивные особенности [Sanford&al., 2006] и диахроническая динамика [Литвиненко, 1984]. Несмотря на устойчивый интерес, который удерживается в зарубежной¹ и отечественной лингвистике более 70 лет, многие вопросы, связанные с сущностью парцелляции, её природой, механизмами построения и функционирования, ещё не получили должного освещения.

Представляется, что решение данных вопросов возможно при рассмотрении парцелляции в когнитивно-семиотическом ракурсе, который можно отнести к актуальным направлениям когнитивно-дискурсивной парадигмы. Заявленный подход позволяет изучить этот феномен с опорой на данные экспериментальной и когнитивной психологии. В частности, эксперименты, проведенные в лаборатории А. Сенфорда (Университет Глазго), позволили учёным определить парцелляцию как одно из средств «захвата внимания», обеспечивающее управление вниманием читателя и запоминанием [Sanford&al., 2006, p. 109].

Исследование, представленное в данной статье, выполнено на материале французско-русского объектно-ориентированного корпуса² газетных статей, построенного и аннотированного при помощи компьютерной программы Linguistica (Свидетельство о государственной регистрации № 2014660349 в Роспатенте от 06.10.2014).

¹ Обзор исследований парцелляции во французской лингвистике (см. [Богоявленская, 2018, с. 202–212]).

² Под объектно-ориентированным корпусом понимаем корпус текстов, предназначенный для изучения конкретного лингвистического феномена. Более подробно о характеристиках корпуса (см. [Богоявленская, 2016, с. 37–38]).

Основная часть

В научных работах по проблеме парцелляции для обозначения расчленённых на части предложений используются конкурирующие термины «парцеллированные высказывания (предложения)», «парцеллированные структуры», «парцелляции» или «парцеллированные конструкции», каждый из которых акцентирует внимание на структурном или структурно-семантическом аспекте явления. Исследуя парцелляцию с позиций когнитивно-семиотического подхода, мы не можем не признать, что данные термины не имеют достаточной объяснительной силы и не отражают тех специфических смыслов, которые проявляются при рассмотрении парцелляции с когнитивно-семиотической позиции. В связи с этим предлагается использовать термин «парцеллема», под которой понимается сложный гибридный знак, план выражения которого сплетён из элементов вербальной (словесной) и невербальной семиотической систем (парцеллографемы), взаимодействующих друг с другом в вербальной коммуникации и взаимодополняющих. Переплетение двух семиотических систем, смешение свойств их знаков позволяет адресанту передавать сообщение в компактной форме, а адресату – распознавать широкий диапазон контекстуально-обусловленных смыслов. Парцеллема содержит в своем составе особый элемент, который и делает её парцеллемой – *парцеллографему*, то есть финальную синграфему, используемую для операции парцелляции.

Введение данного термина оправдано, на наш взгляд, как с точки зрения упорядочения лингвистической терминологии, используемой в работе, так и в связи с необходимостью функционального разграничения финальных синграфем, выступающих в своей первичной функции, и парцеллографем как операторов парцелляции.

Как было установлено, парцеллографема является знаком, значение которого в языке можно сформулировать как «наиболее важное, новое в текущем выражении». Это – стабильная часть семантики данного знака. Попадая в «когнитивный котел»¹ – дискурс, где и происходит смыслообразование, лингвосемиозис, парцеллографема приобретает конкретные дискурсивные смыслы (переменная часть семантики знака), связанные с актуализацией её языкового значения и дискурсивной интерпретацией. Дискурсивные смыслы – бесконечное множество интерпретаций, которые невозможно каталогизировать, в каждом конкретном случае, содержание этих смыслов и возможность их выявления зависят от интерпретатора, его фоновых знаний, опыта, компетенции и т.д.

Материально-графическое воплощение парцеллемы получает благодаря парцелляции – *специальной визуально-графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конститuentы*. Результатом парцелляции является *трехчастная структура, включающая основу парцеллемы, парцеллографему, создающую визуальный разрыв между основой и третьим конститuentом – парцеллятом*, начинающимся с заглавной буквы. Финальная синграфема в роли парцеллографемы и заглавная буква являются устойчивыми маркерами предложения и в данной конфигурации становятся экзогенным фактором (внешним стимулом), управляющим распределением внимания адресата посредством смещения фокуса на парцеллят.

Используемая в письменной речи, парцеллографема вступает в отношения интеграции с графическими вербальными знаками, что позволяет ей участвовать в организации пространственно-смыслового континуума текста. «Поведение» финальных синграфем в функции парцеллографем в действительности выглядит вполне предсказуемым и связано со спецификой пунктуационной системы, к которой они относятся, её функционально-адаптивным характером, то есть способностью к самонастраиванию, под которым Н.Л. Шубина понимает приспособление системы к условиям функционирования путём изменения самой своей структуры [Шубина, 2006, с. 38].

Парцеллятная конфигурация текста максимально приспособлена к конкретной коммуникативной ситуации и намерениям отправителя текста. Устранение парцеллографемы или замена её на другую синграфему неизбежно сокращает информационный объём сообщения и приводит к смещению фокуса внимания.

¹ О дискурсе как о «когнитивном котле» (см. [Алефиренко, 2008, с. 77]).

Инвентарь парцеллографем включает знаки – символы конца предложения: *точку, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие* и допускает их комбинации. В конструировании парцеллемы участвуют, как минимум, два знака: левосторонний знак после основы (парцеллографема) и правосторонний, постпарцеллятный знак. В случае двухпарцеллятных и полипарцеллятных построений, соответственно, количество знаков увеличивается. Парцеллографемы вкупе с постпарцеллятными знаками образуют *парцеллятную сетку*, накладывающуюся на вербальные знаки, влияющую на их иерархизацию и регулирующую их восприятие.

Анализ корпуса позволил выявить различные типы *парцеллятной графики*, которые можно объединить в две группы:

- 1) случаи функционирования парцеллем с единой парцеллятной сеткой (далее ЕПС): 4 типа;
- 2) случаи с комбинированной парцеллятной сеткой: 7 типов.

Выделенные типы были аннотированы во французско-русском корпусе. Анализ показал, что в обоих подкорпусах доминирует единая парцеллятная сетка: 90,92 % и 87,55 % от общего числа парцеллем (см.: Таблицу 1). В настоящей статье рассмотрим особенности функционирования именно этой группы в сопоставительном аспекте.

Отличительной чертой группы парцеллем с единой парцеллятной сеткой (далее ЕПС) является единообразная, бесконфликтная с точки зрения целевого назначения и эмоциональной окраски аранжировка парцеллемы (точками, многоточиями, восклицательными или вопросительными знаками).

Тип 1. ЕПС с синграфемой «точка». Как и следовало ожидать, данный тип является наиболее частотным типом. Приведем примеры:

- *La règle antidopage doit venir de l'AMA, c'est elle qui doit fixer la liste des produits interdits. Pour tous et tous les sports.* (L'Humanité, 23.07.2002)
- *Ils pourraient presque convoquer le souvenir du chef-d'oeuvre méconnu Descente à Paradise. Mais c'est bien ainsi. A cause du paysage et du casting.* (Libération, 19.11.1997)
- *Парень лежал в гробу, как живой, настолько хорошо его загримировали. При всех регаллях, аксельбантах и в парадной форме.* (Московский комсомолец, 09.05.2002)
- *Попытался сбежать – наказывать. Нудно объясняя, что фильм гениален.* (АиФ, 29.10.2014)

Реже встречаются пунктуационные парцеллятные сетки восклицательных или вопросительных знаков, многоточий, которые маркируют коммуникативные перспективы частей парцеллемы. К языковому значению парцеллографемы «наиболее важное, новое в текущем выражении» добавляются значения, кодируемые этими знаками. Назовём их «специализированными», поскольку каждый из них является носителем дополнительной информации об определённом спектре значений, которые в дискурсе «разворачиваются» во множество смыслов. Восклицательный знак кодирует эмоциональную окраску предложения, «выливающаяся» в восклицательную интонацию, свидетельствующую о непосредственно переживаемой и сопровождающей конкретное высказывание яркой эмоции. Диапазон кодируемых эмоций широк, и их декодирование напрямую зависит от контекста и поддерживается другими кодами: лексическими, синтаксическими и метаграфическими. Сказанное во многом справедливо для вопросительного знака и многоточия, с той лишь разницей, что вопросительный знак кодирует целевое назначение предложения – вопрос, в случае парцелляции чаще всего риторический, нередко сопровождающийся теми или иными эмоциями. Код многоточия несёт информацию о недосказанности или переживаниях субъекта.

Специализированные синграфемы создают определённый, нетипичный графический «рельеф», что не может пройти незамеченным для реципиента. Их использование должно быть уместным, то есть знаки действительно должны соответствовать кодируемой информации, иначе они вызовут сбой в восприятии.

Применение ЕПС данного типа, как и комбинированных ПС, ещё более явно очерчивают присутствие субъекта конструирования, его отношения к описываемому объекту / положению дел и высокую степень вовлечённости в ситуацию. Полагаем, что тот эмоционально-экспрессивный заряд, который несут подобные парцеллятные сетки, направлен на создание эффекта непосредственной, спонтанной «живой разговорной речи», а значит, выполняют фатическую функцию, успешность реализации которой обеспечивает в итоге более высокий перлокутивный эффект, столь востребованный в массмедиа.

Перейдём к анализу типов ЕПС со специализированными синграфемами.

Тип 2. ЕПС с синграммой «вопросительный знак». Данный тип ЕПС накладывается на достаточно разнородные парцеллемы, часто встречается в вопросах риторических, делиберативных, оформляет авторские размышления, но также может передавать богатую палитру разнообразных эмоций: неудовольствие, возмущение, растерянность, раздражение, иронию, удивление, пренебрежение и т.д., что способно оказывать эмоционально-психологическое воздействие на получателя сообщения.

В следующем примере автор возлагает ответственность за военные действия в Турции сначала на общество и его руководителей, но затем корректирует свою позицию в парцелляте: ответственность переносится на самих жителей Турции, постоянно провоцирующих внутренние военные конфликты: *C'est la faute à la société, à ses dirigeants ? Ou à eux-mêmes ?* (Le Monde, 26.06.2013)

Аналогичный механизм запускается и в следующем примере: Что за этим снижением стоит: удобство для поражения цели? Или это потребовалось, чтобы развести его с каким-то другим бортом, который в тот момент инырлял рядом? (Московский комсомолец, 21.07.2014)

В двух- и полипарцеллятных конструкциях происходит расщепление фокуса внимания, что может привести к некоторой модификации назначения вопросительной парцеллятной сетки. В нижеследующем примере вопросительная парцеллятная сетка призвана объединением ряда парцеллятов подчеркнуть значимость каждого из них. Вопросительная интонация сопровождает каждый сегмент, отмеченный этим знаком: *Va-t-il écrire un roman? Des Mémoires? De la science-fiction?* (Le Monde, 25.07.2013)

Автор гадает, что же именно будет создавать писатель, и вовлекает в процесс выдвижения гипотез адресата. Совсем не обязательно, что это будет «science-fiction», размещённый в последнем парцелляте. Здесь автору важно равномерно распределить внимание адресата «наведением» фокуса на все три предположения. Таким образом создается эффект интриги, которая утрачивается при депарцелляции: * *Va-t-il écrire un roman, des Mémoires, de la science-fiction?*

Элиминация парцеллограммы изменяет ритм и интонацию высказывания: из прерывистой, повышающейся в конце каждого отрезка, она переходит в плавную, перечислительную. Повышение тона касается только конечной части высказывания. Значимость сегментов *un roman? Des Mémoires?* снижается. Вопрос в депарцеллятной аранжировке задаётся ко всему высказыванию. Основной фокус сдвигается к «*va-t-il écrire*». Таковы последствия снятия вопросительной парцеллограммы.

Аналогичные эффекты наблюдаются в следующих примерах: Я воевал? Вынес командира из-под огня? Подорвал вражеский танк подручными средствами? (АиФ, 06.05.2014)

Риторические вопросы часто становятся проводниками тех или иных эмоций, например:

– растерянность по поводу дальнейших действий:

- Что же делать нашим соотечественникам-католикам, которые разбросаны по всей нашей необъятной родине? Переходить в православие? Или в протестантизм? (Московский комсомолец, 09.05.2002)

– возмущение:

- Неужели лидеры еврогосударств хотя бы из любопытства, а не по должности не заглянули ни разу в хранилища ядерных зарядов? *Не ужаснулись возможному?* (АиФ, 17.09.2014)

Довольно частотны парцелляты, сужающие, уточняющие или (реже) расширяющие семантику лексем, на которые первоначально наводится фокус внимания в основе:

- *Est-ce la France qui était visée? Ou tout simplement un lieu de liberté de création très prisé d'une frange de la jeunesse?* (Le Monde, 12.12.2014)

- А своих детей вы видите в будущем музыкантами? *Готовите к профессиональной музыкальной карьере?* (АиФ, 26.04.2013)

Как и во всех остальных случаях, интерпретация каждого конкретного случая опирается как минимум на локальный контекст, но часто захватывает и глобальный контекст, дающий более полную информацию для декодирования.

Тип 3. ЕПС с синграфемой «восклицательный знак». Выявленный вариант парцеллятной графики обнаружен только в русском корпусе:

(1) Его создала сама любовь! *И архитектор Анатолий Андреев!* (Российская газета, 06.09.2003)

(2) Государство вам поручило! *Доверило!* (АиФ, 09.07.2014)

(3) Теперь на Земле ты будешь сидеть в психушке! *Или даже в тюрьме! Будешь сидеть!* (АиФ, 06.03.2014)

(4) А он сам скоро туда придёт! *Потому что даже у него терпение лопнет!* (АиФ, 13.11.2013)

Восклицательная парцеллятная сетка кодирует сильный эмоционально-экспрессивный заряд. На первый план выводится эмоциональное возбуждение говорящего. В приведённых примерах кодируются такие эмоции как восхищение (1), негодование (2), гнев, сопровождающийся угрозой (3), возмущение (4). Дублирующийся восклицательный знак способствует передаче и других разнообразных ярких эмоций, чаще негативных, нежели позитивных: радости, сомнения, удивления, недоумения, осуждения, в том числе иронического, возмущения, ярости и т.д. Замечено, что довольно часто проявление эмоций, кодируемое восклицательной парцеллятной сеткой, сопровождается восходящей градацией в парцелляте (примеры 2 и 3).

Тип 4. ЕПС с синграфемой «многоточие». Данный тип, как и предыдущий, является специфической чертой русского корпуса; во французском корпусе не представлен.

Парцеллемы, построенные с использованием многоточий, обогащаются рядом разнообразных смыслов, чаще всего эмоциональных. Н.С. Валгина справедливо называет многоточие знаком эмоционального, психологического напряжения, «позволяющим скрыть мысль, не дать её обнажённо, и вместе с тем наметить перспективы в восприятии и осмыслении текста» [Валгина, 2003, с. 128]. Многоточия способны передавать недосказанность мысли, указывают на эмоциональное состояние говорящего, а также на многозначительность сказанного, на контраст, на другой – скрытый – смысл, о котором нужно догадаться и т.д. В нашем корпусе эта модель встречается довольно редко. Имеющиеся примеры реализуют значения эмоционального состояния «горе по поводу утраты близкого человека» и другие. Например: *Умер... В реанимации... Слово сама жизнь противилась его уходу. Но его не стало* (Российская газета, 04.02.2014). В данном примере парцеллографема «многоточие» создаёт прерывистый характер речи, эксплицирует её затруднённую, вызванную эмоциональными переживаниями по поводу смерти известного композитора.

В следующем примере парцеллятная сетка с многоточиями передаёт те смыслы, которые говорящему уже трудно выразить словами:

- Я стараюсь жить так же... *Но до силы духа бабушки мне карабкаться и карабкаться...* (АиФ, 09.05.2013)

Результаты аннотирования корпуса обобщены в следующей сводной таблице 1.

Таблица 1

Частотность парцеллем с различными парцеллятными сетками
во французском и русском подкорпусах

Типы парцеллятных сеток	Французский подкорпус, %		Русский подкорпус, %	
	по отношению к родительской ветке	от общего кол-ва (100%)	по отношению к родительской ветке	от общего кол-ва (100%)
<i>Единая парцеллятная сетка (ЕПС)</i>	90,92		87,55	
ЕПС с синграфемой «точка»	98,44	89,5	96,54	84,52
ЕПС с синграфемой «вопросительный знак»	1,56	1,42	1,64	1,44
ЕПС с синграфемой «восклицательный знак»	0	0	1,55	1,36
ЕПС с синграфемой «многоточие»	0	0	0,27	0,24
<i>Комбинированная парцеллятная сетка (КПС)</i>	9,08		12,45	

Анализ корпусных данных позволяют заключить следующее: 1) преобладающим типом ЕПС в обоих корпусах является ЕПС с синграфемой «точка» (89,5 % и 84,52 % от общего количества парцеллем; 98,44 % и 96,54 % в рамках ЕПС); 2) ЕПС с синграфемой «точка» в обоих корпусах представлены примерно в равной степени (98,44 % и 96,54 %); 3) тот же вывод релевантен и для ЕПС с синграфемой «вопросительный знак» (1,56 % и 1,64 %); 4) в зоне ЕПС с восклицательными знаками и многоточиями наблюдаем значимые расхождения между языками и их специфику: французский язык не допускает подобные ЕПС, в русском – количество ЕПС с восклицательными знаками соотносимо с ЕПС с вопросительными знаками (1,55 % и 1,64 %), а случаи ЕПС с многоточиями составляют самую малую подгруппу в группе ЕПС.

Заключение

В данной статье были рассмотрены типы единой парцеллятной сетки, включающей парцеллографему и постпарцеллятную финальную синграфему. Данная модель парцеллятной графики характеризуется единообразной, бесконфликтной с точки зрения целевого назначения и эмоциональной окраски аранжировкой парцеллемы точками, многоточиями, восклицательными или вопросительными знаками. Под парцеллографемой нами понимается финальная синграфема, используемая для операции парцелляции. Корпусный анализ позволил выявить четыре типа ЕПС. Наиболее представленным в обоих подкорпусах, как и можно было предсказать, оказался тип ЕПС с синграфемой «точка», наиболее распространённой синграфемой в обоих языках.

Выявлено, что специализированные синграфемы в составе ЕПС кодируют речь эмоциональную, напряжённую, динамичную, и их использование связано с авторским намерением сохранить аналогичный непротиворечивый интонационно-ритмический рисунок во всех частях парцеллемы. Зафиксированы значимые различия: во французском корпусе отсутствуют ЕПС третьего и четвертого типа (с синграфемами «восклицательный знак» и «многоточие»). Объяснить этот факт можно различиями в пунктуационных системах французского и русского языков, строящихся на основе различных принципов и имеющих разные прагматические и дискурсивные возможности. Интерес представляет анализ комбинированной парцеллятной сетки в двух языковых корпусах, в которых, как представляется, также можно обнаружить сходства и различия в функционировании различных комбинаций синграфем. Подобное исследование позволит глубже осмыслить потенциал обеих пунктуационных систем, их роль в конструировании имплицитных смыслов.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник Вятский государственный гуманитарный университет. 2008. № 2 (1). С. 75–78.
2. Богоявленская Ю.В. Проблема парцелляции во французской лингвистике: этапы и направления исследований // Политическая лингвистика. 2018. № 1(67). С. 202–212.
3. Богоявленская Ю.В. Объектно-ориентированный корпус в сопоставительных исследованиях // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 26–30.09.2016). Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2016. С. 37–38.
4. Валгина Н.С. Теория текста. Москва: Логос, 2003. 280 с.
5. Ванников Ю.В. Явление парцелляции в современном русском языке. Дис. ... к. филол. н. Москва, 1965. 529 с.
6. Зелепукин Р.О. Экспериментальное психологическое исследование восприятия парцелляции // Вестник МГОПУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2007. № 1. С. 34–39.
7. Литвиненко Е.В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов (опыт диахронического исследования). Дис. ... д. филол. н. Киев, 1984. 401 с.
8. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования. Томск: Изд-во «Томский университет», 1981. 255 с.
9. Хаймурзина А.З. Прагматические аспекты парцеллированных конструкций в художественном тексте (на материале короткого рассказа). Автореф. дис. ... к. филол. н. Москва, 2008. 27 с.
10. Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка. Москва: Академия, 2006. 256 с.
11. Combettes B. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels / B. Combettes // Parcours de la phrase / M. Charolles & al. eds. Ophrys, 2007. P. 119–131.
12. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection? // Travaux de linguistique. 2010. № 60. P. 91–107.
13. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? / A. Kuyumcuyan // Les linguistiques du détachement / D. Apothéloz & al., (éds.). Berne: Peter Lang, 2009. P. 30–50.
14. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique ? / M. Noailly // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 131–145.
15. Sanford A.J.S., Sanford A.J., Molle J., Emmott C. Shallow processing and attention capture in written and spoken discourse // Discourse Processes. 2006. № 2 (42). P. 109–130.

Bogoyavlenskaya Yu. V.

Grand Ph.D. (Philology),

*Associate Professor of the Chair of the Romance Languages,
Ural State Pedagogical University*

PARCELLOGRAPHEME AND PARCEL NETWORK: CORPUS STUDY

The article is devoted to the problem of parcelling, examined in terms of the cognitive-semiotic approach. The author focuses on the analysis of the functioning of the parcellographeme which means the final syngrapheme used for the operation of parcellation. Two models of parcel graphics are distinguished: single and combined parcel networks. The comparative analysis of the French-Russian corpora allows one to establishing only two types of a single parcel of four types represented in French corpus.

Key words: parcelling, parcellographeme, parcel network, comparative linguistics, corpus linguistics, cognitive-semiotic approach.

УДК: 81, 811.111

Ивашкевич Ирина Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английского языка гуманитарных специальностей,
Белорусский государственный университет
220000, г. Минск, ул. Ленинградская, 20.
Тел.: + 375172095762
E-mail: ivash@tut.by

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА, ПЕРЦЕПЦИИ, ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена изучению проблемы взаимосвязи языка, перцепции и пространства с точки зрения философии, психологии и когнитивной лингвистики. Автором подчёркивается необходимость междисциплинарного исследования пространства и акцентируется внимание на роли языка в когнитивных процессах. Объектом исследования выступают английские имена существительные, репрезентирующие категорию «Природные пространства», значения которых рассматриваются как результат концептуализации мира человеческим сознанием.

Ключевые слова: перцепция; пространство; когнитивная лингвистика; перцептивный признак; природные пространства; языковое сознание.

Введение

В центре внимания когнитивной лингвистики, которая на современном этапе её развития объединяет усилия специалистов таких областей научного знания, как философия, социология, антропология, когнитивная психология, нейробиология, моделирование искусственного интеллекта, находятся проблемы познания мира, реализующиеся в когнитивных процессах его концептуализации и категоризации. В интерпретации В.И. Постоваловой, интенсивные контакты лингвистики с другими областями знания и духовной деятельности человека способствуют усилению роли «внутрилингвистической рефлексии в науке о языке», осознанию необходимости снова и снова обращаться к вопросу о том, что такое лингвистическое познание как таковое, «откуда оно является» и «куда ведёт», в чём неповторимость современного этапа становления лингвистического знания, какое место занимает это знание в системе общечеловеческого знания, культуре, жизни человека и мира [Постовалова, 1995, с. 343]. Такая междисциплинарная интеграция научных усилий исследователей неслучайна, поскольку главной целью когнитивной лингвистики, по определению Е.С. Кубряковой, является «получение данных о деятельности разума» [Кубрякова, 2004, с. 13].

На современном этапе развития лингвистического знания, рассматриваемого с когнитивных позиций, которые вскрывают многообразные связи человека с его восприятием, разумом, языком, со всеми познавательными процессами, структурами и механизмами, что лежат в их основе, проблема взаимосвязи восприятия, познания и интерпретации мира в языке находится в центре исследовательского внимания когнитологов. Отметим, вслед за А.Е. Кибриком, что в основе когнитивного подхода к языку, лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Эта реконструкция опирается на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру [Кибрик, 2004, с. 23]. Появление когнитивной лингвистики, как утверждает Н.Н. Болдырев, ознаменовано поиском и активной разработкой различных методов анализа соотношений ментальных и языковых структур, принципов их организации и представления, то есть методов исследования когнитивной функции языка во всех её проявлениях. При

этом особое внимание уделяется моделированию связей между языковыми единицами и категориями и единицами знания [Болдырев, 2006, с. 34].

Подводя промежуточные итоги развития когнитивной лингвистики, ученые фокусируют внимание на роли **языка** в человеческом обществе. Новый взгляд на язык как важнейшую «когнитивную составляющую человеческого мозга», во многом изменил основные методы, цели и задачи лингвистических описаний, в которых проводится идея о том, что понять природу языка можно лишь исходя из представлений о человеке и его мире. В связи с этим языковые проблемы рассматриваются в тесной связи с изучением восприятия, мышления и практической деятельностью человека, с позиций антропоцентризма (философское воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания). Данный принцип, провозглашенный ещё в трудах великого немецкого ученого В. фон Гумбольдта, таков: изучение языка подчинено цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя.

В настоящее время антропоцентризм в лингвистических работах трактуется двояко: (1) в онтологическом ракурсе, в соответствии с которым антропоцентризм есть свойство языка, его структуры и содержания, и (2) в методологическом аспекте, согласно которому антропоцентризм представляет собой способ описания и моделирования языка. Разумеется, данные точки зрения не противоречат друг другу и находятся в отношениях дополнительности, более того, именно антропоцентрическое устройство языка привело лингвистов к осознанию необходимости разработки антропоцентрического способа описания языка [Беседина, 2010]. Таким образом, опора на принцип антропоцентризма в когнитивно ориентированных лингвистических исследованиях, который знаменует «переориентацию» в парадигме научного знания, позволяет эксплицировать в языковых системах стоящие за ними сложнейшие структуры знания.

В качестве одного из базовых когнитивных феноменов, участвующих в обработке сенсорной информации, поступающей к человеку по разным перцептивным каналам, постулируется категория **пространство**, в которой находит своё отражение общая онтология и эпистемология мира. Как известно, **пространство** как основная онтологическая и гносеологическая категория является фундаментальной для человеческого опыта, связанного с глобальной проблемой познаваемости мира. Это вполне закономерно, поскольку в координатах пространства и времени человек воспринимает, осмысляет и интерпретирует всё, доступное его восприятию и осмыслению. Как эмпирические данности **пространство и время** привлекали исключительное внимание человека уже на ранних стадиях развития. «К проблемам пространства и времени постоянно приходилось обращаться в связи с чисто практическими целями, поскольку эти категории отмечали границы, в которых развёртывалась вся человеческая жизнь» [Топорова, 1994, с. 15].

Фундаментальность понятий **пространство и время** на определенной ступени развития культуры, в древних мифологических, религиозных и философских системах исследователи определяли как «генетическое начало мира». Данные понятия, по мнению В.Д. Ахундова, и в дальнейшем не теряли своей сопричастности к основам мироздания: в античных материалистических доктринах они выступают как одно из начал мира (пустота Демокрита); в объективно-идеалистических учениях пространство интерпретируется как чувствилище бога; в субъективно-идеалистических системах кантианского толка пространство и время возносятся в ранг априорных форм созерцания, наконец, в диалектическом материализме пространство и время рассматриваются как всеобщие формы существования материи [Ахундов, 1982].

Философское понятие **пространство** (И. Кант, Г. Гегель, Г. Гельмгольц, Д. Юм, Л. Фейербах и другие) получает своё развитие в философско-культурологическом аспекте, которое представлено в работах В. фон Гумбольдта (идея о существовании особого, языкового мировидения), в исследованиях Э. Кассирера, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, П.А. Флоренского, М. Мерло-Понти (феноменология восприятия) и многих других. Способы концептуализации пространства и пространственных отношений в культурологическом ас-

пекте разрабатывались в исследованиях Н.А. Бердяева, А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана, Р. Арнхейма, К. Леви-Стросса, М. Фуко и других. Они раскрывают механизмы взаимосвязи пространства с культурой, историей, традициями и экологией определенного этноса. Так, А.Я. Гуревич, описывая категории средневековой культуры, относит пространство наряду со временем, причиной, числом, отношением частей к целому к универсальным понятиям, которые связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту сетку координат, при посредстве которой люди воспринимают действительность и «строят» образ мира [Гуревич, 1984, с. 30]. Важным представляется положение о том, что каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира.

В многочисленных лингвистических работах последнего времени, связанных с пространственной проблематикой, исследуются формы и способы концептуализации пространства в разных языках, изучаются пространственные картины мира, выявляются образы пространства в различных лингвокультурах и отдельных видах дискурса и т.д. Актуальность нашего исследования определяется его включённостью в круг современных работ, направленных на изучение содержательной стороны языковых единиц с пространственной семантикой. Изучение проблем репрезентации перцептивного, пространственного и других типов знания в языке совпадает с общей тенденцией современных когнитивных исследований в лингвистике, ориентированных на анализ различных видов взаимодействия когнитивных и языковых структур и на осмысление вопроса о соотношении языка, перцепции и пространства. Научная новизна исследования заключается в самом обращении к проблеме вербализации перцептивных знаний в широком смысле, в исследовании роли восприятия в познании мира и организации мышления человека. Это, в свою очередь, связано с необходимостью изучения взаимодействия двух фундаментальных категорий (перцептивности и пространства) и отражения результатов этого взаимодействия в языковых формах.

Основная часть

Мы опираемся на постулат о том, что познание пространства начинается с его чувственного восприятия. Проблема **пространственной основы чувственного уровня сознания** находится в центре внимания как философских (гносеология, эпистемология, логика и другие), специальных (когнитивная психология, теория искусственного интеллекта, нейронауки и другие), так и когнитивно ориентированных лингвистических дисциплин, методологической базой которых является материалистический тезис о познаваемости мира. В настоящее время широко распространена концепция структурной организации чувственного познания, основными элементами которой являются ощущения, восприятия и представления. Б.Ф. Ломов, исследуя специфику становления в сознании человека образа окружающей действительности, выделил три уровня психического отражения. Исходным уровнем в системе отражения служит сенсорно-перцептивный, который в системе отражения является базовым. Он возникает в условиях непосредственного воздействия предметов на органы чувств. Следующий этап развития познавательных процессов – это представления <...>. На основе многократного восприятия предметов одной и той же категории происходит селекция их признаков: одни усиливаются, другие редуцируются, то есть происходит схематизация образа. Заключительным этапом системы отражения считается речемыслительный уровень или вербально-логическое, понятийное мышление. В процессе понятийного мышления человек оперирует абстракциями и обобщениями, зафиксированными в знаках и знаковых системах, то есть в языке [Ломов, 1984, с. 165].

Как известно, простейшими элементами перцептивно-пространственного опыта человека – элементарной формой познания пространства – являются ощущения как «атомарные единицы опыта», возникающие в результате отдельных воздействий реальности на органы чувств. Исследуя особенности чувственного познания мира, исследователи отмечают, что ощущение как начальный акт познавательной деятельности, является отражением наиболее простых внешних признаков предмета, находящегося в пространстве. Мы разделяем мнение

о том, что чувственное восприятие окружающего мира и впечатления, которые получает человек о нём и о себе самом, имеют пространственную и временную определенность. Та или иная вещь слышится, видится, осязается субъектом слева или справа, вверху или внизу, спереди или сзади (направление и локализация), на большем или меньшем расстоянии от него или других элементов ситуации (абсолютное и относительное расстояние), имеет для наблюдателя определённые очертания (форма), величину и объём. Воспринимаемые местоположение, расстояние, форма и величина элементов ситуации сосуществуют в одном и том же акте отражения и взаимосвязаны. Совокупность этих характеристик выражает перцептивное пространство индивида [Барабанщиков, 2002, с. 88].

Объектом нашего исследования являются английские предметные имена, репрезентирующие категорию «Природные пространства», значения которых рассматриваются как результат концептуализации мира человеческим сознанием, в котором, в свою очередь, представлены определенные структуры перцептивного, пространственного и других структур знания. Данная пространственная категория, представляет собой «когнитивную матрицу», которая объединяет в себе архаические, мифологические, культурные, научные и наивные представления о пространстве, обобщающие коллективный опыт представителей английского социума. Особый интерес представляет для нас концептуальное содержание, репрезентируемое лексемами с пространственным значением, конституирующих категорию «Природные пространства» как базовую категорию, отражающую онтологию и результаты познания представителями английского социума – знание конкретных предметов (природных объектов) и их когнитивных характеристик.

С помощью компонентного и концептуального методов анализа выделен общий набор перцептивно воспринимаемых и других признаков для данной семантической категории (рассматриваемой как часть физического пространства), который представлен в семантике имён (форма, величина, размер, протяженность, положение в пространстве, наличие/отсутствие границ, вертикаль/горизонталь, локативность, движение, масса и другие) и является релевантным для характеристики восприятия объектов. Данные перцептивные и пространственные характеристики, равно как и временные характеристики, являются первичным типом знания об обозначаемом и формируют ядро обыденного сознания. Это подтверждает мысль о том, что одной из основных форм отражения пространства в сознании человека, наряду с понятийной, является так называемая чувственная форма. В языке она получает различное выражение и образует «эмпирический компонент» лексического значения, основу которого составляют определенные перцептивные свойства (форма, размер, цвет, положение в пространстве и другие).

Как показывает проведённый анализ, следующие базовые структуры знания (в первую очередь, это информация, воспринимаемая с помощью зрения), выделенные английским языковым сознанием, репрезентированы в семантике английских субстантивов, которые номинируют природные пространства:

1. Перцептивная пространственно-градуальная категория **размера** (*large, small, wide, extensive, vast* в значении 'обладающий протяжённостью', 'громадный', 'обширный' либо 'незначительный по величине'), что имеет вполне конкретное научное объяснение. Перцептивные признаки размера, как важнейшие пространственные параметры, восприятие которых осуществляется, прежде всего, «с помощью самого информативного из органов чувств – зрения, являют собой наиболее наглядные и понятные наблюдателю, фиксирующему наивную картину мира, физические величины» [Рябцева, 1995, с. 117]. Данная перцептивная категория является одним из основных факторов формирования значения английских природных пространств, актуализирующая «исходность» пространства и пространственных отношений в процессе познания окружающей действительности. Ср. *Adjacent to Caliban to the west, but separated by a small ravine which prevented direct access from one property to the other, was a house Vertigo. She stared crossly out of the carriage window at the big mountain on the far side of*

the valley. They would have to go west through the narrow river valley that separated Leyte from Samar. The ship entered an area of shallow marshes and river deltas [BNC].

2. Перцептивная категория **формы**. Мысль о том, что любое природное тело имеет некую форму, не нова. Отметим, что исследователи относят форму к чрезвычайно сложному визуальному параметру объектов, в восприятии которого важную роль играют не только зрение, но и осязание. По данным нашего исследования, в семантике единиц, номинирующих природные объекты, визуально-пространственный признак формы, обладающий богатым семантическим потенциалом, представлен наиболее информативно. Многочисленные репрезентации категории 'форма', вербализованные в семантике первичных наименований природных реалий, представлены, в первую очередь, прототипическими геометрическими формами, такими как **линия** (*palisade 'a line of bold cliffs'*), **точка** (*spring that forms the starting point of a stream*); **полукруг** (*bay 'a wide semicircular indentation of a shoreline, esp. between two headlands or peninsulas'*); **вертикаль** (*waterfall a cascade of falling water where there is a vertical or almost vertical step in a river*) etc. Тем не менее, данный пространственный параметр отнюдь не сводится только к фиксации прототипических геометрических форм. В значении английских природных реалий, по данным нашего исследования, вербализованы и различные негеометрические виды, которые создаются в результате уподобления самым разнообразным предметам и явлениям окружающей действительности, сравните: *shaped like a bell (pipe, kidney, bag), in the form of a tablet (ball, crystals)* и другие.

Следует упомянуть о том, что, по Н.Д. Арутюновой, географический континуум членится <...> по своей конфигурации: гора, холм, пригорок, долина... и прочие (см.: [Арутюнова, 1999]). Сравните: *beyond the crest of the headland, hazy with distance, the shape of a hill, smooth and symmetrical, like a drawn-up knee. Antrim, manifests itself at the surface as a roughly circular depression with a much deeper hole in one part of the area* [BNC]. (О концептуализации перцептивной категории формы и типологии данного признака в значении английских природных пространств см. подробнее: [Ивашкевич, 2016]).

Изучение когнитивных тенденций вербализации визуальных признаков в семантике английских природных реалий свидетельствует о том, что данные признаки «скоррелированы» между собой в определённых перцептивных кластерах. Наибольшей репрезентативностью отмечена гетерогенная комбинация 'размер+форма', с помощью которой происходит схематизация природного объекта как обладающего определенной топологией. На связь формы и размера указывает Е.В. Рахилина: охарактеризовать, например, как *глубокий*, мы можем только объект определённой формы, ибо определяя размер, мы одновременно описываем и форму предмета. То же относится и к другим размерам (в частности, к высоте) [Рахилина, 2000, с. 118]. Сравните: *Beyond this great semicircular space was a massive train concourse above the tracks, again decorated by mosaics. It's here that this particular burn springs a surprise, cutting a deep and narrow, zig-zag ravine through rock, beckoning you to explore around the next corner. A short distance from the village, beside a steep and narrow hill, there is a tall wooden crucifix. This is in the grounds of Painsthorpe* [BNC].

3. Перцептивная категория **цвета**. По наблюдению А.А. Уфимцевой, понятия и категории есть всего лишь «сокращенный опыт», абстракция от предметного ряда вещей и явлений, которая совершается путём **чувственного восприятия последних**. Поэтому в знаковое значение слова с предметно-вещественным характером его семантики не могут быть включены элементы чувственного восприятия: зрительного, слухового и пространственного представления вещей и предметов [Уфимцева, 1986, с. 89]. В отличие от перцептивно-пространственных признаков размера и формы, представленных в семантике наименований природных реалий во всём своём разнообразии, перцептивный признак **цвет** идентифицирован лишь в отдельных лексемах. В основном – это ахроматический цвет, вербализованный в наименованиях волн. Сравните: *breaker 'a large wave covered with white bubbles that is moving towards land'* (бурун – большая волна с пенистым гребнем,двигающаяся по направлению к суше). Цвет с помощью прилагательного *foamy* имплицитно представлен в семантике *white*

water 'a stretch of water with a broken **foamy surface**, as in rapids' (участок водного пространства с нарушенной плавностью течения и пенящейся поверхностью, как например, в порогах реки, стремнине). *Foamy* (пенный) 'resembling, consisting of, or covered with foam' (пена – беловатая непрозрачная и легкая пузырчатая масса, образующаяся на поверхности): *foamy top of a wave* – пенный гребень волны. *Whitecaps (or white horses)* 'a wave with a **white broken crest**' – волна с белыми неровными гребнями.

Бедно представленный в семантике первичных природных пространств, визуальный признак цвета в сочетании с другими перцептивными признаками репрезентирован во всём богатстве цветового спектра в функциональном аспекте. Сравните: ... *road rolled over a hill and curled down among **flesh-pink dunes**. At the back window, the oaks and the steep **brown hill** looked wonderfully romantic in the deluge. The hills fall to the sea in gentle contours, exactly as they should; there is woodland and cliff, and part of the outline of Euboea across a **blue strait**. In the distance, the adventurers can see a **green hill**, and the rays of a rising sun on the other side. ... and eerie came over me as we passed directly below Benbulbin, that strange **grey-green mountain**, chief link in the chain that guarded Ulster* [BNC].

Заключение

Следовательно, из всего многообразия связей и отношений лишь те признаки, что являются когнитивно значимыми для практической жизнедеятельности человека, получают комплексное обозначение в семантике английских имён существительных. Идентификация объектов природного происхождения в пространстве происходит по целому ряду визуальных признаков, которые коррелируют друг с другом в определённых кластерах, что свидетельствует о перцептивной интеграции ощущений (в первую очередь, от зрительно-воспринимаемых объектов).

Зрительные и другие признаки как концептуальная основа семантики природных объектов вербализуются в качестве результатов пространственной когниции, способствуя пространственной организации перцептивного образа природных реалий. Установление количественных и качественных особенностей комбинаторики перцептивных и пространственных признаков в лексических значениях природных пространств, вербализованных в перцептивных парадигмах и перцептивных реестрах атрибутов, позволяет сделать определённые выводы о специфике восприятия пространства и того бесконечного множества перцептивно-пространственных свойств природных пространств, которые избирательно воспринимаются и категоризируются языковым сознанием.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: Истоки. Эволюция. Перспективы. Москва: Наука, 1982. 223 с.
3. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002, 512 с.
4. Беседина Н. А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике // Научные ведомости: Логика, методология и философия науки. 2010. № 20 (91). Вып. 14. С. 31–38.
5. Болдырев Н.Н. Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во «Тамбовский университет», 2006. С. 33–37.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1984. 350 с.
7. Ивашкевич И.Н. Геометрическая vs. негеометрическая форма как концептуальная основа семантики природных объектов // Евразийский вестник гуманитарных исследований, 2016. С.56–60.
8. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Первая Российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. Казань: Изд-во «Казанский университет», 2004. С.110–111.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 557 с.

10. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. Москва: Наука, 1984. 226 с.
11. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX в. / Под ред. Ю.С. Степанова. Москва: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 1995. С. 342–420.
12. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. Москва: Русские словари, 2000. 413 с.
13. Рябцева Н.К. Язык и искусственный интеллект. Москва: Academia, 1995. 640 с.
14. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. Москва: Радикс, 1994. 192 с.
15. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. Москва: Наука, 1986. 240 с.
16. BNC – British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 09.09.2015).

Ivashkevich I.N.

*Ph.D. (Philology), Head of the Department of English for the Humanities,
Belarusian State University*

**TO THE ISSUE OF CORRELATION BETWEEN LANGUAGE,
PERCEPTION AND SPACE**

The article deals with correlation of language, perception and cognition from the point of view of philosophy, psychology and cognitive linguistics. The author pays a special attention to the importance of a joint enterprise in studying space and emphasizes the specific role of language in these cognitive processes. The object of study is English nouns that constitute the category 'Natural objects' the meanings of which are examined as a result of the outer world conceptualization by our consciousness

Key words: perception; space; cognitive linguistics; perceptual feature; natural space; language consciousness

ЦЕНТР ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Факультет современных иностранных языков и литератур
Кафедра лингводидактики

Поддержка студентов, молодых ученых и преподавателей!
Демонстрируйте свои самые актуальные инновационные технологии и
творческие проекты, пробуйте лучшие новые идеи, обучайтесь и
совершенствуйтесь!

<http://zentrpedagoginn-psu.blogspot.com>

УДК 81.111-26

Корлякова Алла Фирсовна

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Тел.: 8 (342) 2396833

E-mail: southstar@inbox.ru

**МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ СОЦИУМЕ
(НА ПРИМЕРЕ СЛОВА *MODESTY* СКРОМНОСТЬ)**

Статья посвящена результатам лингвистического эксперимента, целью которого была характеристика морально-этических представлений, закреплённых в семантике слова «скромность» в английском социуме. Результаты эксперимента позволили нам частично реконструировать картину мира англичан и выявить различные типы оценки, отражённые в значении исследуемого слова.

Ключевые слова: семантические компоненты, оценка, картина мира, морально-этические ценности.

Введение

В современной научной парадигме язык рассматривается как когнитивный инструмент осознания мира, хранения и репрезентации культурного опыта и ценностей народа. Одной из важных составляющих языковой картины мира является категория оценки – система ценностей общества и личности, объективированная в единицах языка.

Существуют различные подходы к рассмотрению национально-культурной специфики языковой картины мира. Так, лингвокогнитивное направление исходным компонентом объ-являет язык и анализирует установленные факты межъязыкового сходства или расхождения сквозь призму языковой системности (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев и другие); лингвокультурологическое направление в качестве доминанты рас-сматривает языковое сознание членов определенной лингвокультурной общности (А. Вежбицкая, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.).

Одной из важных составляющих языковой картины мира является категория оценки – система ценностей общества и личности, объективированная в единицах языка.

Вопросы формирования оценочного значения изучаются на разных языковых уровнях, тем не менее, национальная специфика категории оценки до сих пор недостаточно изучена. Поскольку оценочные компоненты значения в картине мира являются теми координатами, на базе которых строится мировоззрение человека и конфликт которых приводит к невозможности или сложности понимания коммуникантами друг друга, особенно если это пред-ставители разных культур, исследование оценочного компонента значения и его варьирова-ния в разных социумах представляется весьма актуальным. Нами проведён лингвистический эксперимент, целью которого была характеристика морально-этических представлений, за-креплённых в семантике слова *скромность* в английском социуме.

Некоторые ученые считают категорию оценки настолько важной для языкового сознания, что наряду с языковой картиной мира отдельно выделяют ещё и ценностную картину мира как наиболее существенные для данной культуры смыслы, совокупность которых и образует определённый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик, 2004, с. 141–142]. Исследованию категории оценки посвящены работы многих лингвистов (смот-рите, например: [Арутюнова, 1988; Вольф, 1979, 2006; Маркелов, 1995, 1996; Телия, 1986; Трипольская, 1985, 1999, 2000] и другие). Изучаются вопросы формирования оценочного значения на разных языковых уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом),

функционирование оценочных единиц в тексте и дискурсе, ведётся поиск связей языковой оценки и различных характеристик личности (гендерных, национальных, психологических). Тем не менее, национальная специфика языкового выражения категории оценки до сих пор недостаточно изучена. В аспекте задач нашего исследования особый интерес вызывают морально-этические представления и ценностные установки социума, а также их закрепление в лексических значениях отдельных слов морально-этической направленности, таких как *добро*, *зло*, *гнев*, *стыд*, *совесть*, *скромность*, *любовь*, *ненависть*, *гордость*, *терпимость*. Анализ значений такого рода слов и их вариантов в разных национально-культурных общностях позволит существенно дополнить результаты изучения языковой картины мира и языковой оценки в целом.

Основная часть

В данной статье будут рассмотрены результаты лингвистического эксперимента, целью которого было выявление национально-специфических особенностей значений и личностных смыслов, закреплённых за словом *скромность* (*modesty*) в морально-этических представлениях английского социума. Анализ результатов эксперимента позволил реконструировать фрагмент картины мира представителей русской культуры и выявить оценочный аспект данного явления.

Материалом исследования послужили толкования слова *скромность*, полученные от английских информантов, а также данные словарей. В эксперименте участвовало 48 информантов. Выборка информантов была сбалансирована по социобиологическим факторам.

Полученные в результате эксперимента толкования слова *скромность* были проанализированы с точки зрения выявления семантики. Выделение сем в толкованиях слов, на наш взгляд, является эффективным методом изучения отношения говорящих к толкуемому явлению. При этом толкования рассматриваются как «частично вербализированный внутренний когнитивный контекст языкового и практического опыта испытуемых, который даёт представление о том фрагменте индивидуального знания, которое актуализировалось в процессе установления его значения «для себя» [Залевская, 2001, с. 116]. Полученные семы объединялись нами в семантическое поле значения слова. Распределение частот реакций информантов позволило выделить следующие три зоны в семантическом поле каждого слова. Первая зона включает самые частотные реакции, определяющие семы, которые, как правило, встречаем в словарных дефинициях. Вторая зона – зона актуальных смыслов; в ней отмечаются важные для информантов смыслы с достаточно высокой частотой реакций. И третья зона – зона индивидуальных реакций, в которых выделяемые семы каким-либо образом уточняют актуальные смыслы слова. Таким образом, в семантическом поле каждого слова выделенные семы имеют различную степень значимости и выстраиваются в зависимости от частоты встречаемости в определённую иерархию в толкованиях.

Распределение сем по зонам позволяет выявить актуальные семантические компоненты в понимании слов, отражающих морально-этическую оценку. Границы зон определялись нами в соответствии с перепадами на графиках распределений.

Актуальные семантические компоненты слов были проанализированы с точки зрения оценки. За основу бралась классификация оценок, предложенная Н.Д. Арутюновой, которая была дополнена и доработана в соответствии с нашим материалом. В результате рассматривались следующие виды оценок: 1) эмоциональные, включающие предикаты хорошей / плохой, а также все семантические признаки, связанные с выражением чувственного опыта; 2) интеллектуальные, при которых происходит осмысление мотивов оценки и делается шаг в сторону рационализации; 3) утилитарные, рациональные оценки, связанные с практической деятельностью и повседневным опытом человека; 4) нормативные оценки, при которых оцениваемое явление соотносится с неким стандартом и связано с некоторой положительной точкой отсчета; 5) теологические, критерием которых является соответствие Божье-

му закону, заповедям; 6) этические, ориентированные на этическую норму, соблюдение нравственного кодекса; 7) эстетические, связанные с удовлетворением чувства прекрасного.

Рассмотрим понимание слова *скромность* в английском социуме. В «Oxford English Dictionary» представлена такая дефиниция слова *скромность* (английское *modesty*): 1) *the quality or state of being unassuming in the estimation of one's abilities with typical modesty he insisted on sharing the credit with others* (качество или состояние, проявляющееся в непритязательной оценке своих способностей); 2) *the quality of being relatively moderate, limited, or small in amount, rate, or level* (способность довольствоваться относительно малым ограниченным количеством); 3) *behavior, manner, or appearance intended to avoid impropriety or indecency* (поведение, манеры или внешний вид, направленные на то, чтобы избегать непристойности и неуместности).

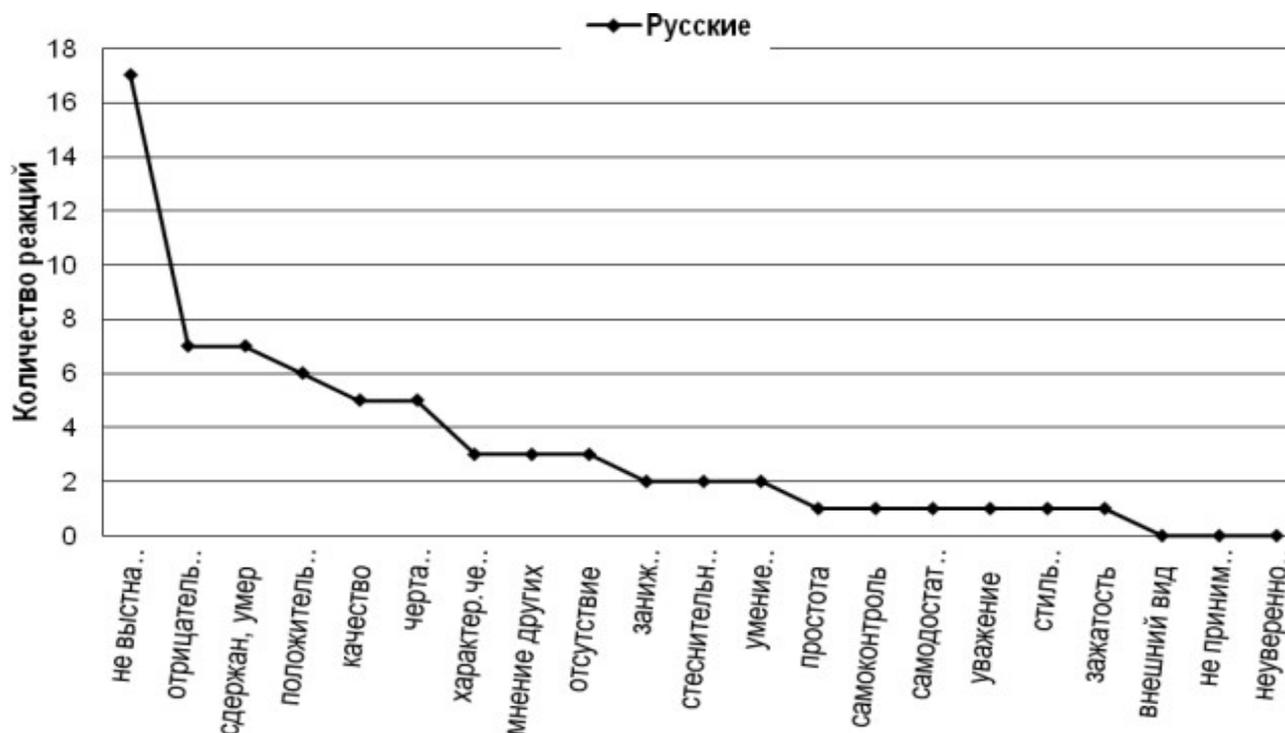
Рассмотрим понимание слова *скромность* (*modesty*) английскими информантами. Для того чтобы представить распределение частот сем, выделенных в процессе анализа толкований информантов, рассмотрим табл. 1, которая демонстрирует выделенные семы и типы оценок в английских толкованиях. Общее количество сем, выделенных методом семного анализа толкований, – 21, частота встречаемости – 69 реакций. Графики распределения частоты встречаемости сем в толкованиях слова *скромность* в группе английских информантов показаны на рис. 1.

Таблица 1

Количество сем, выделенных из толкований информантов, отражающих типы оценок в слове *скромность* (*modesty*)

Семы	Национальность	Типы оценки			
		Эмоц.	Интел.	Этич.	Норм.
	Англичане	А	А	А	А
Невыставление напоказ достоинств	15	0	15	0	0
Сдержанность, умеренность	15	15	0	0	0
Внешний вид	12	0	0	0	12
Характеристика через качества	7	7	0	0	0
Отрицательное	2	2	0	0	0
Заниженная самооценка	6	0	6	0	0
Положительное	1	1	0	0	0
Качество	1	0	0	0	1
Мнение других	3	0	0	3	0
Черта характер	1	1	0	0	0
Отсутствие	0	0	0	0	0
Умение вести себя	1	0	0	0	1
Уважение	2	2	0	0	0
Стеснительность	0	0	0	0	0
Не принимать комплименты	2	0	2	0	0
Стиль поведения	0	0	0	0	0
Неуверенность	1	1	0	0	0
Самоконтроль	0	0	0	0	0
Зажатость	0	0	0	0	0
Простота	0	0	0	0	0
Самодостаточность	0	0	0	0	0
ВСЕГО	69	29	23	3	14

Графики распределения частоты встречаемости сем в толкованиях слова *скромность* (*modesty*) в группе английских информантов представлены на рис. 1.

Рассмотрим распределение сем, полученных при исследовании толкований слова *скромность* (*modesty*) английскими информантами, по семантическим зонам.

В первой зоне выделены следующие семы: невыставление напоказ своих достоинств (15 реакций), сдержанность, умеренность (15 реакций), внешний вид (12 реакций). Во второй зоне находятся семы: характеристика через качество (7 реакций), заниженная самооценка (6 реакций). В третьей зоне расположены семы: мнение других (3 реакции), отрицательное (2 реакции), уважение (2 реакции), умение вести себя (1 реакция), не принимать комплименты (2 реакции), положительное (1 реакция), неуверенность (1 реакция), уважение (2 реакции), черта характера (1 реакция).

Для английских информантов скромность (*modesty*) – это невыставление напоказ своих достоинств (15 реакций): *Humility, the characteristic of not boasting about oneself putting others first* (скромность характеризуется тем, что ты не хвалишь себя, думая о других); *Intentionally not drawing attention to those things which set you above others* (то есть умышленное непривлечение внимания к тем вещам, которые ставят тебя выше других людей).

Часто информантами для толкования слова *скромность* использовалось слово *humility*, которое при переводе на русский язык означает *смирение*. А. Вежбицкой в книге «Moral Concepts» (Wierzbicka 1992), в частности, рассмотрено противопоставление русского слова *смирение* и английского *humility*. В английском слове акцент ставится не на готовности человека принять чью-либо волю, подчиниться ей, а на том, что человек предпочитает быть на последнем месте, не хочет, чтобы его считали лучше других людей, то есть отказ от пустого тщеславия. Этот тезис подтверждается и данными нашего эксперимента.

Скромность проявляется в сдержанности и умеренности (15 реакций): *keeping a step or two back from overriding somebody or something, the greatest power of real intelligence and love* (не выставлять напоказ свои достоинства, великая сила воспитания и любви).

Многие информанты подчеркивают, что скромность проявляется во внешнем виде (12 реакций): *Someone who doesn't seek a high profile – as to not wear revealing clothes* (кто не стремится выделять, скажем, носить откровенные одежды); *Conservative dress (clothing) that*

covers one's body and downplays sexuality (консервативная манера одеваться, которая скрывает тело и не показывает сексуальность).

При толковании слова *modesty* информантами давалась характеристика и через другое качество (7 реакций): *Not prideful or arrogant (негордый, невысокомерный); Opposite of extrovert (противоположно экстраверту); Not prideful or bragging (негордый, нехвастливый); Opposite of boastfulness (противоположно хвастливости); Not prideful or arrogant (негордый, невысокомерный).*

Скромность также понимается, как низкая самооценка (6 реакций): *Having humble or moderate estimate of one's own merit (иметь низкую, недостаточную оценку своих достоинств); Underrated (недооцененный); Humility. Recognition of one's fallibility (пониженная самооценка, признание своей несостоятельности).*

Часто информантами использовалось слово *humble*: – *humble person is not proud and does not believe that they are better than the other people (CCED)*. Оно означает ‘быть скромным и негордым’, ‘не верить в то, что ты лучше других’.

При толковании этого слова информантам важно подчеркнуть значимость мнения других людей о человеке, его поведении (3 реакции): *Being aware and careful of how you are seen by others: how you dress, act, and how others respond to that (постоянно осознавать, как ты выглядишь в глазах других; как ты одеваешься, поступаешь и как другие реагируют на это).*

Дается и отрицательная оценка скромности (2 реакции): *All ways encouraged when I was young but not much appreciated in California where I lived for a long while this was something to think about (то, что поощрялось, когда я была юной, но не ценилось, когда я жила долго в Калифорнии и у меня было над чем подумать).*

Заключение

Как видно из проведенного анализа, понимание слова *скромность (modesty)* английскими информантами совпадает с дефиницией, представленной в словаре, однако англичане дополняют существующее определение семей ‘заниженная самооценка своих личных достижений’. Для них оказывается важным подчеркнуть сдержанность, умеренность в обращении и поведении (15), важно также проявление скромности во внешнем виде (12 реакций).

Рассмотрим распределение типов оценки, выделенных нами в ходе исследования толкований информантами слова *скромность (modesty)* (см.: табл. 1).

В английской группе информантов основной оказалась эмоциональная оценка, выраженная в 29 реакциях. Например: *скромность – сдержанность, умеренность, отрицательное, положительное, неуверенность, черта характера*. Интеллектуальная оценка определена в 23 случаях: *скромность – невыставление напоказ достоинств, заниженная самооценка, не принимать комплименты*. Нормативная оценка отражена в 14 реакциях: *внешний вид, умение себя вести*; этическая – в 3: *мнение других*.

Сравнительный анализ выделенных типов оценок показывает, что в толкованиях слова *скромность* в английской группе информантов в большем количестве представлены эмоциональная и интеллектуальная оценки. Нормативная оценка менее многочисленна. Это можно объяснить тем, что скромность как моральное качество личности характеризуется с психологической стороны, т. е. оно связано с чувствами и эмоциями человека. Тем не менее, этическая сторона нормативной оценки также присутствует, когда человек соотносит свои действия и поступки с неким стандартом, нормой и это связано с некоторой положительной точкой отсчета.

Результатом нашего исследования является модель структуры морально-этических представлений, которая показывает отражение оценки в интерпретации толкуемого явления в русской культуре. Мы считаем, что в рамках лингвокультурологического, семантического исследования морально-этические представления русского социума можно трактовать как особую форму хранения знаний и оценок в языковом сознании.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
3. Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 130–274.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Ч. 7: Национальная специфика языковой картины мира. Москва: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
5. Вежибцкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
6. Вежибцкая А. Язык. Культура. Познание /пер. с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Москва: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
8. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Москва: Наука, 1985. 228 с.
9. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. Москва: Гнозис, 2007. 284 с.
10. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: Тверь: Изд-во «Тверской государственной университет», 2011. 240 с.
11. Зализняк А.А. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Языки русской культуры, 2000. 448 с.
12. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
14. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов. Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. С. 3–16.
15. Карасик В.И. Язык социального статуса. Москва: Гнозис, 2002. 333 с.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
17. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. Волгоград: Перемена, 2002. 277 с.
18. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
19. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиотика // Языковая номинация. Общие вопросы. Москва: Наука, 1977. С. 294–358.
20. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Автореф. дис. ... д. филол. н. Волгоград, 2004. 39 с.
21. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 144 с.
22. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. 1 оптический компакт-диск. [Электронный ресурс]
23. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте. Автореф. ... д. филол.н. Санкт-Петербург, 1999. 37 с.
24. Шмелёв А.Д. Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка. Языки этики. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 380–390.
25. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. Москва: Просвещение, 1964. 244 с.
26. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва: Либрком; ЛКИ; КомКнига, 2008. 280 с.
27. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва: Наука, 1973. 280 с.
28. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Москва: Просвещение, 1977. 335 с.
29. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Москва: Гнозис, 1994. 344с.
30. Collins, Н. Cobuild English Dictionary // Электронный словарь ABBY Lingvo ×3. // URL: <http://www.lingvo.ru/> (дата обращения: 26.02.2019)
31. Oxford English Dictionary // Электронный словарь ABBY Lingvo ×3 // URL: <http://www.lingvo.ru> (дата обращения: 26.02.2019)
32. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. AnnArbor: Karoma, 1992. 368 p.

33. Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. N.Y.: Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. 496 p.

34. Wierzbicka A. Semantics: primes and universals. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. 256 p.

35. Wierzbicka A. Across-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.

Korlyakova Alla Firsovna

*Ph.D. (Philology), Associate Professor of English
for Professional Purposes Department,
Perm State University*

**MORAL AND ETHICAL CONCEPTION IN ENGLISH SOCIETY
(IN TERMS OF THE WORD MODESTY)**

The article considers the results of a linguistic experiment aimed at finding shades of meaning and personal implications correlated with the word modesty moral and ethical conception of English society. The analysis of the experiment results allowed us to partially reconstruct the world picture of the English culture representatives and reveal the phenomenon assessment aspect.

Key words: sems, moral and ethical conceptions, assessment aspect, the language world picture.

© Пресс-служба Пермского государственного национального исследовательского университета

УДК 81'42

Ремянникова Дарья Олеговна

Аспирант кафедры лингводидактики,
преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396 477
E-mail: dasharemyannikova94@mail.ru

Мишланова Светлана Леонидовна

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396 477
E-mail: mishlanovas@mail.ru

**МЕТАФТОНИМИЯ КАК МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ
В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ**

Данное исследование выполнено в рамках когнитивной парадигмы современной лингвистики. В исследовании проводится анализ, позволяющий определить способы взаимодействия метафоры и метонимии (метафтонимии). В качестве материала послужили русскоязычные рекламные слоганы ресторана быстрого питания McDonald's. В ходе исследования используются метод идентификации метафоры (MIPVU), «пятишаговый» анализ метафоры и критический анализ метафоры.

Ключевые слова: метафтонимия, метафора, метонимия, рекламный дискурс

Введение

В современных исследованиях, всё чаще обращается внимание на то, что для анализа сложных языковых феноменов требуется комплексный методологический подход. Современная научная и, в частности, лингвистическая парадигма диктует необходимость не взаимоисключения разных подходов к анализу, а их взаимодействия [Хахалова, 2011; Steen, 2007; Tendahl, 2009].

В отличие от принятого в риторике подхода к раздельному описанию метафоры и метонимии, в данном исследовании мы предлагаем комплексный подход к анализу метафтонимии, поскольку данный языковой феномен представляет собой сложную организацию множества ассоциативных, функционально-прагматических и семантических связей.

Основная часть

Критический анализ метафтонимии (critical metaphonymy analysis) позволяет рассмотреть данный феномен не только как вторичную номинацию, но и как механизм формирования, накопления и репрезентации знаний «в дискурсе».

В виду того, что метафтонимия является сложным языковым феноменом, подход к её анализу должен быть интегративным, объединяющим в себе сразу несколько методов.

В ходе исследования формируется оригинальная методологическая система, основывающаяся на семантических, когнитивных и коммуникативно-прагматических методах. Схема 1 иллюстрирует алгоритм выполнения критического анализа метафтонимии.

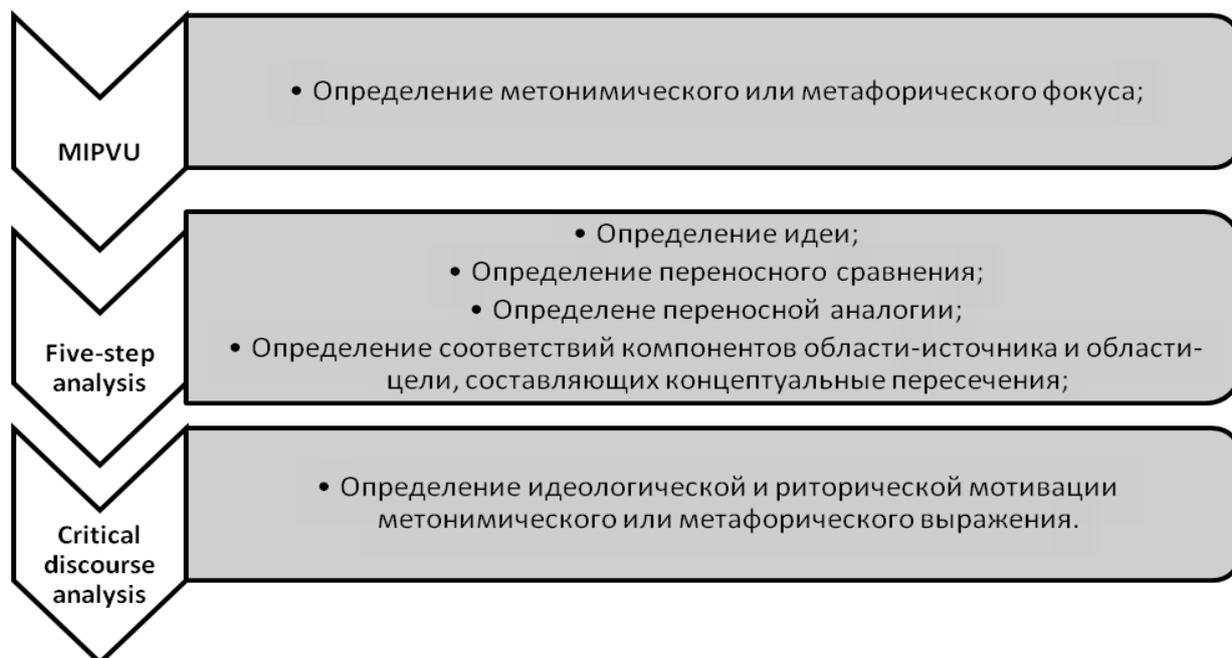

Схема 1. Алгоритм проведения критического анализа метафтонимии

В качестве примера для проведения критического анализа метафтонимии рассмотрим слоган ресторана быстрого питания McDonald's: «*Не прости настроение*». На первоначальном этапе, применяя процедуру идентификации метафоры (MIPVU), необходимо определить фокус [Black, 1962]. Для этого следует произвести анализ контекстуальных и базовых значений лексем, входящих в состав слогана McDonald's «*Не прости настроение*» на основе «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1999] (смотрите: таблицу 1).

Таблица 1

Идентификация метонимии

Лексическая единица (ЛЕ)	Базовое значение	Контекстуальное значение
(1) Не (частица)	Служит для выражения отрицания при разных членах предложения.	Служит для выражения отрицания при глаголе « <i>проспать</i> ».
(2) Проспать (гл.)	Пробыть некоторое, обычно длительное, время в состоянии сна.	Находясь в состоянии сна пропустить что-либо; упустить возможность; пропустить «счастливые часы» завтрака в McDonald's (с 7:00 до 10:00).
(3) Настроение (сущ.)	Внутренне состояние, когда вы готовы делать что-либо определенным образом.	Завтрак в McDonald's, от которого зависит на работу в течение дня.

Как видно из таблицы 1, в случаях (2) и (3) контекстуальные и базовые значения не совпадают, следовательно, нужно рассматривать данные лексические единицы как метонимические, а поскольку они представлены на фоне группы лексических единиц с буквальным значением, то можно сделать вывод, что *проспать*, *настроение* являются метафорическими фокусами (F1 ПРОСПАТЬ), (F2 НАСТРОЕНИЕ).

Далее проведём пропозициональный анализ, позволяющий выявить идею, содержащуюся в слогане. Пропозиция понимается нами как минимальная смысловая единица идеи, представляющей концептуальное содержание лингвистического выражения. Результатом данного этапа является иерархически выстроенный и организованный ряд пропозиций.

Из проведённого пропозиционального анализа можно сделать вывод, что здоровый сон и хорошее настроение – неразделимые понятия. Правильное начало дня – залог хорошего настроения и самочувствия, а так как за пробуждением следует завтрак, то именно он задаёт тон всему дню.

Кроме того, настроение поднимает не только хороший завтрак, но и деньги, сэкономленные при покупке завтрака со скидкой в сети ресторанов быстрого питания McDonald's. Для того чтобы сэкономить деньги и вкусно позавтракать потребителю необходимо проснуться в период с 7:00 до 10:00 и успеть на утренние часы в McDonald's, поскольку именно в этот промежуток времени в ресторане предлагаются особые цены на различные блюда и напитки, представленные в меню.

В данном слогане при помощи метонимии кодируется событие завтрака, включающее процесс сна, утреннее пробуждение, трапезу после утреннего пробуждения и настроение, которое будет зависеть от выполнения или не выполнения перечисленных пунктов. Таким образом, кодируется целая сеть пропозициональных составляющих, объединённых одним тематическим классом.

Исходя из вышесказанного, выстраивается следующая цепочка метонимий:

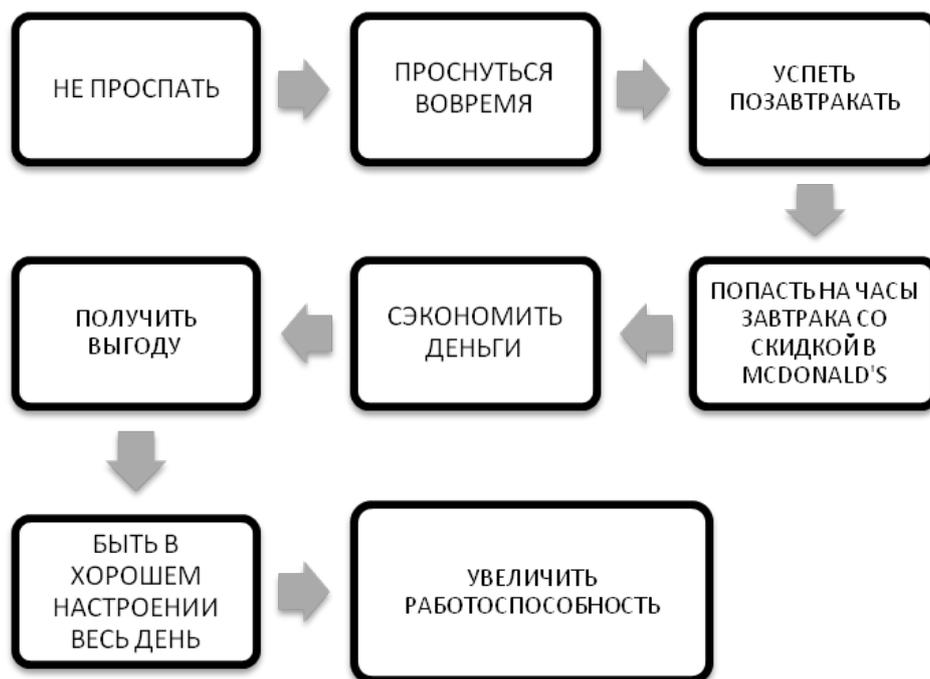

Схема 2. Метонимическая цепочка слогана «Не проспай настроение»

На следующем шаге определяется переносное сравнение, в ходе анализа которого необходимо реконструировать концептуальную основу сравнения с определением незаполненных смысловых слотов. Ввиду того, что перед нами метафтонимия, состоящая из цепочки метонимий, данный шаг проводится столько раз, сколько метонимий было выявлено на предыдущих этапах исследования, следовательно, переносное сравнение определялось восемь раз, для каждой метонимии в отдельности.

Следующий этап заключается в определении переносной аналогии, направленной на заполнение пустых слотов предполагаемыми концептами (пустые слоты обозначены перемен-

ными величинами F, a). Заполнение слотов области-источника и области-цели основывается на результатах ранее выстроенной пропозициональной цепочки.

На заключительном шаге, на основании аналогии формируется перечень соответствий компонентов области-источника и области-цели, составляющих концептуальные пересечения. Результатом данного этапа является таблица, в которой прослеживается цепочечная связь метонимий, при которых область-цель одной метонимии становится областью-источником для каждой последующей.

Таблица 2

Концептуальные пересечения

	Область-источник	Область-цель
(1)	Пребывать в неактивном состоянии утром	Пропустить завтрак со скидкой в mcdonald's
(2)	Проснуться в период с 7:00 до 10:00	Поесть вовремя
(3)	Не проспать до обеда	Успеть на завтрак в mcdonald's
(4)	Проснуться вовремя	Получить скидку
(5)	Получить скидку	Обрести выгоду
(6)	Успеть на завтрак в mcdonald's	Быть в тонусе весь день
(7)	Сэкономить деньги	Увеличить работоспособность
(8)	Не проспать часы завтрака в mcdonald's	Быть в хорошем настроении

Заключение

Таким образом, в результате проведённого анализа было выявлено, что идея, содержащаяся в слогане «*Не прости настроение*», интерпретируется следующим образом: «*Приобретая больше еды, за меньшие деньги, клиент не только экономит денежные средства, но и заряжается энергией на весь день, удовлетворяя свои потребности, для того чтобы работать в течение дня ещё больше, активнее, интенсивнее, выполнять работу более качественно и заработать ещё больше денег, чтобы вновь вернуться в McDonald's за очередной порцией хорошего настроения. Таким образом, клиент экономит сразу по двум позициям, сокращая расходы, он получает лучшие результаты при минимуме затрат*».

Для извлечения максимально полного количества имплицитных смыслов, заключённых в слогане и, как следствия, для раскрытия идеологии на последнем этапе исследования применяется критический дискурс-анализ.

По закону о бизнесе, государство, осуществляя расходы, оказывает прямое воздействие на ресторан быстрого питания. Использование бюджетных средств нацеливает на то, чтобы не разменивать их по многочисленным направлениям и программам, а определять приоритеты и концентрировать средства на чётко сформулированные цели, сокращать расходы и получать высокие результаты при минимуме затрат. Стоит отметить, что и потребители тоже живут по законам бизнеса, ибо вполне естественно и логично желание человека, социализированного в среде потребителей, получить как можно больше, но за меньшие деньги [Ильин, 2005].

Список литературы

1. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность. Москва: Изд-во: Мир России, 2005. Т. XIV. № 2. С. 6–40.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. URL: <http://slovari.ru/> (дата обращения: 04.11.2018).
3. Ремяникова Д.О., Мишланова С.Л. Метафтонимия в рекламных слоганах // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 39–43.
4. Хахалова С.А. Метафора: техника и идеология // Вестник ИГЛУ. Филология. 2011. № 2. С. 126–131.
5. Black M. Models and Metaphors. Studies in language and philosophy. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1962. P. 25–47.

6. Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis. A multidisciplinary introduction. London: Sage, 1997. P. 258–284.
7. Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 2007. P. 1–39.
8. Steen G.J. From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps. In Gibbs, R.W. jr, & Steen, G.J. (eds), *Metaphor in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 55–77.
9. Steen G.J. *Finding Metaphor in Grammar and Usage*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. 431 p.
10. Tendahl M.A. *Hybrid Theory of Metaphor*. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 282 p.
11. Toffler A. *Future shock*. New York: Bantam Books, Inc., 1971. 540 p.

Remyannikova D.O.

*Post-graduate student, Linguodidactics Department,
Lecture, Department of English Professional Communication,
Perm State University*

Mishlanova S.L.

*Grand Ph.D., Professor,
Head of Department of Linguodidactics,
Perm State University*

***METAPHTONOMY AS THE MECHANISM OF KNOWLEDGE REPRESENTATION
IN THE ADVERTISING DISCOURSE***

This study is carried out within the framework of the cognitive paradigm of modern linguistics. The study conducts an analysis to determine the way of interaction between metaphor and metonymy (metaphtonymy). The material of the research is advertising slogans of fast-food restaurant McDonald's. The methods used in the study are Metaphor Identification Procedure (MIPVU), Five-step metaphor analysis and Critical metaphor analysis.

Key words: metaphtonymy, metaphor, metonymy, advertising discourse

УДК 81'373.47

Podgaets Anna Markovna

Ph.D. (Philology),
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University
614990, Perm, ul. Bukireva, 15.
Tel.: 89128886552
E-mail: annapodgaets@yandex.ru

Solovyova Elizaveta Igorevna

Department of Linguistics and Translation,
Perm State University
Tel.: 89824378622
E-mail: soloveliz@yandex.ru

**LEXICAL CONSEQUENCES OF THE FOREIGN INVASIONS
IN THE HISTORY OF ENGLISH**

The paper researches the linguistic consequences on the English word stock after the intruders from overseas conquered the British Isles. Assuming the various nature of the language reflection the study explores the results of the cultural divergences.

Key words: foreign conquest, linguistic consequences, invasion, borrowing, loan words, doublets, etymology, lexicon.

Introduction

English as a West Germanic language tracing back to the Indo-European language family, is now the first language of about 400 million people, the second language for over 400 million speakers and another foreign tongue for over 700 million, thus meaning that every 6th person in the world speaks English.

Modern English, a product of the longlasting historical development has gone through different changes as a structured system caused by either intra linguistic or extra-linguistic factors. The evolution of the linguistic features depends on a number of specific reasons that evoke and stimulate the changes in vocabulary, morphology and syntax, phonetics, orthography.

The current research deals with the impact of five main conquests on the English lexicon and studies the aftereffects of the foreign invasions on the linguistic situation. The Celtic, the Roman, the Anglo-Saxon, the Danish, the Norman conquests are commonly considered the main source of vocabulary increase, and each conquest has specifically affected the original language.

Therefore, the aims set in this paper focus on:

- thorough study of the borrowed words from every language conqueror to identify the field, the main sphere of life together with the reasons why exactly each area has become predominant;
- systematizing the found data by analyzing and classifying the loan words as well as the productive affixes in modern English.

Before presenting the analysis of the material studied, it is necessary to define the term borrowing and its role in lexicon development. A borrowing or a loan word is a word taken over from another language and modified in phonemic shape, spelling, paradigm or meaning according to the standards of the native language [Arnold, 1986, p. 252]. Borrowings enter a language due to various historical reasons, including social, economic and political. Some borrowed words depict the items and the concepts that were not yet present in society and, consequently, in the language. Other loan words enter the language gradually through the communication with the people who speak other languages. For the most part, these contacts have always been trade, military conflicts,

household or family and even art related. According to the calculations, there are around 70 per cent of words in English that were once borrowed from several of different languages [Ibid, p. 253].

Loan words usually have more than one classification scheme. They can be distinguished by various criteria, such as: the source of borrowing (the language from which the word was borrowed into English); the origin of borrowing (the language to which the origin of a word can be traced); the degree of assimilation; the aspect which is borrowed.

In the present research the English word-stock has been analyzed and classified according to the entries from the source languages, thus making up five sections: Celtic, Latin, Anglo-Saxon, Old Norse and Norman-French. With the view on the degree of assimilation following Arnold I.V, the borrowed words are split into three main parts or categories: completely assimilated, (found in all the layers of older borrowings), partially assimilated and unassimilated loan words. Considering the fact that all of the foreign conquests took place in the so-called classical era and the Middle Ages, and all the borrowed words fully infiltrated English by the end of the Medieval period, a significantly larger part of them had been completely assimilated. The borrowings follow all morphological, phonetical and orthographic standards, being pretty frequent and stylistically neutral, they might occur as dominant words in different synonymic groups [Ibid, p. 256].

Though the loan words are taken from one of the conquering languages, they are modified to fit into the patterns of the receiving language. E. Haugen, who has made a huge impact in the study of borrowings, suggests that foreign words come into the language in three steps:

- A bilingual introduces a new word in a phonetic form close to the model. In this case monolingual can only rely on the pronunciation of the word.

- If the monolingual person or a group of people have occasion to repeat the word and take to using it, native elements of the foreign word will be substituted to fit the structure of the receiving language.

- If monolinguals continue to use the foreign word, a total or practically total substitution will be made. [Haugen, 1950, p.212].

The practical analysis of the history of words, their origins, and how their form and meaning have changed over time is usually based on etymology, the term meaning the origin of a particular word. To check all the etymological data of the words in this work, we used The Online Etymology Dictionary created by Douglas Harper in 2000. The dictionary contains more than 30.000 words together with their origins and historical development. The access to the website is free via the link <http://www.etymonline.com>.

The important topic of etymology covers the so-called doublets or etymological twins, those two or more words in the same language that have differences in pronunciation but the same etymological root. Majority of these words have got similar but not identical meanings. These subtle differences contribute greatly into the richness of modern English vocabulary.

The changes a loan word has to undergo depending on the date of its penetration, are the main cause of appearance of the so-called etymological doublets [Arnold, 1986, p. 259]. In this work we will treat the doublets, which appeared in English through Old Norse due to the variation of “sh” and “sc”. However, a larger part of doublets will be considered in the chapter dedicated to the Norman Conquest. These paired doublets show “the influence of the language or dialect systems which they passed before entering the English vocabulary” [Ibid, p. 260].

The main part

Historically **the Celts** come first, so our study starts with the Celtic trace in the English language. Around 10th century B.C. the first wave of the Celtic migration took place, then in 700-750 B.C. the Celts began to arrive from Northern Europe.

At the beginning they were the Gaels – in the North – and then the Bryttons – in the South-West and West – in the fourth century. Since that time up to the 1st century A.D. parts of the British Isles were inhabited by the people who came to be known as great warriors, sailors, traders, farmers and craftsmen.

The Insular Celtic languages have coexisted with English for 1,500 years, making it obvious that a number of the borrowings can be found even in the Modern English. But considering the fact that majority of the ancient Celtic history did not keep up to nowadays, we can only speak about the Goidelic substrate (the hypothesis refers to the hypothesized language or languages spoken in Ireland before the Iron Age arrival of the Goidelic language). Despite the fact that the Celts were not one people but were made up of a number of tribes fighting a great deal among themselves, they had one important thing in common: their language, fundamentally the same language. The descendants are Welsh, Cornish, Gaelic, Irish called Old Celtic but the Celts maintained a high level of life, economy and culture. Their influence on the English is visible in different spheres of life, social, spiritual, material, ethical and moral. The Celtic warriors rapidly expanded their territories; they farmed, looked after the cattle, lived in small communities, were skilled metal workers, established trade routes with Europe – all of it led to a necessity of giving the names to the geographical places. Therefore, the Celtic toponyms remain today the biggest mark on the map and the English language. In order to show the influence of the Celts we offer some examples of the geographical entities, including toponyms, the names of the cities and the villages, hydronyms for a body of water, and oronyms for a mountain or a hill.

The 1st category includes the place names (cities, towns, villages) in Britain presenting the Modern English variant of the name with its Celtic origin and meaning: BéalFeirsde > Belfast (ford at the sandbank), Cornovii > Cornwall (foreigners), Dumnonii > Devon (deep ones), dubh + linn > Dublin (black pool), glas cu > Glasgow (green hollow).

The second group of loanwords is oronyms: Celtæ > Chiltern Hills (high places), moel-bryn > Malvern (bare hill), monith > Mendip (mountain).

The last category covers hydronyms: abona > Avon (river), Derwentio > Derwent (clear water), is ca > Esk (river), loch > Loch (lake).

To sum everything foresaid up, the Celts as a people did not manage to leave a big mark on the English language in the area of lexicon, apart from geographical landmarks. The Celts were the first people who explored the countryside of the British Isles, the conquest itself bore rather a discovering character. Consequently, the first geographical names were conveyed from one generation to another and had been stipulated strong enough to have survived up to modern times and Contemporary English.

In 55 B.C. a Roman army of 10,000 men crossed the Channel and invaded Britain. But the Celts rose against them and **The Romans** had to return to Gaul. The next year Caesar came again, the Celts were fighting bravely for their independence but Caesar's army was bigger and stronger. So the Celtic chiefs promised to pay tribute to Rome and the Romans left Britain again. Only in 43 A.D. the Romans conquered South-East part of Britain, during the reign of Emperor Claudius. The Celts did not give up easily and continued to fight back the invaders. Therefore, it took another 90 years before the whole of England and Wales was pacified, with Hadrian's Wall forming in the northern frontier of the empire.

During the period from 43 to 449 A.D. the Romans settled down to leave a decent print on the English language. To better analyze the cultural consequences of the Roman conquest, we need to distinguish between the periods for better characterization of the nature of the borrowings. Following Bahurova E.P. we accept three main periods:

- The period of continental borrowing (Before the Anglo-Saxons settled down in Britain).

Germanic tribes used to have trading relations with the Romans before any of them settled down in Britain. Even though their relationships were not always peaceful, with the time they developed into a nice partnership, the Germans joined the Roman army and started families with the Romans and by that developed their lexicon.

According to Hogg, it is estimated that about 170 lexical items were borrowed during the continental period. From these, roughly 30 per cent denote plants and animals, 20 per cent food, vessels, household items, 12 per cent buildings, building material, settlements, 12 per cent dress, 9

per cent military and legal institutions, 9 per cent commercial activities, 3 per cent miscellaneous other phenomena [Williams 1975:57 in Hogg 1992, p. 302]. The major lexical groups are:

a. Words connected with trade, including animals, plants, foods, e.g., *butyrum* > butter, *caseus* > cheese, *cerasus* > cherry, *moneta* > monet, *pondo* > pound, *vinum* > wine;

b. Words connected with war and therefore with the process of building, e.g., *campus* > camp, *vallus* > wall, *strata* > street;

c. Words connected with domestic and household items, e.g., *cappa* > cap, *discus* > dish, *catillus* > kettle, *pulvinus* > pillow, *soccus* > sock, *tabula* > table.

– The period of Celtic transmission (1st–5th AD).

The period of Latin influence occurred during the settlement period ca. 1st AD until the end of the Roman occupation of Britain in ca. 410. Only a few loanwords remained from this period, including: *portus* > port, *vicum* > village, *milia* > mile, *montanus* > mountain;

– The period of Christianization of Britain.

It is evident, the major impact of the Romans on the English language was visible in the religious sphere. Christianity first became legal in Rome in 325, right in the time when the Romans have already settled in Britain, that's why the borrowings have been coming into the English language since the 3rd A.D up to the end of Old English in the 11th century. The impact of Christianization was so significant that we have to stream the loanwords from this period into three categories:

a. Words connected with religion and church, e.g., *altus* > altar, *angelus* > angel, *apostolus* > apostle, *candela* > candle, *martyr* > martyr, *nonna* > nun, *presbyter* > priest, *scrinium* > shrine, *talentum* > talent, *templum* > temple;

b. Words connected with education and learning, e.g., *magister* > master, *schola* > school, *historia* > history, *grammatical* > grammar;

c. Words denoting plants, herbs and trees, e.g., *gingiber* > ginger, *lilium* > lily, *pinus* > pine, *planta* > plant, *rosa* > rose.

Even though the mostly marked influence on English by Latin was in lexis, the structural precepts can be detected as well. It is especially seen on the example of Old English where there were defined five noun cases of Nominative, Vocative, Accusative, Genitive and Dative; a full conjugation of verbs with three genders and singular/plural number forms.

However, in the beginning of the 5th century A.D. the Romans suffered frequent attacks from the Barbarians and in 407 Roman legions had to leave the British Isles. Hardly have the Romans left Britain when in 449 A.D. Germanic tribes, **the Angles, the Saxons** and the Jutes from Denmark and Germany began to visit the east coast. The Celtic Britons put up fierce resistance and it took over 150 years of fighting for the Anglo-Saxon invaders to take over most of England.

The Anglo-Saxons were pagans who believed in many gods and used to identify Roman gods with the names of Germanic deities; this process is called *Interpretatio germanica*. The so commonly used names of the days of the week in fact are the example of this process as they have a Germanic origin. Modern English names of the week go back to the names of the German deities; moreover the analogues of the Roman gods are presented: *Sunno* > Sunday (Sun's day, analogue to *Sol Invictus*), *Mōna* > Monday (Moon's day, analogue to *Luna*), *Tīw* > Tuesday (the day of *Týr*, god of war, analogue to *Mars*), *Wōden* > Wednesday (the day of *Odin*, god of travelers and eloquence, analogue to *Mercury*), *Þunor* > Thursday (the day of *Thor*, god of thunder, analogue to *Jupiter*), *Frīg* > Friday the day of *Frīg*, goddess of love, analogue to *Venus*), *Sætarn* > Saturday (the day of the Roman god *Saturn*).

In the year 559 St Augustine sent by the Pope to convert the Anglo-Saxons in the spread of the Christianity brought important changes into the life of the people. Hundreds of churches and monasteries were built, thousands of books were written by the monks, the most famous writer from that time, Bede the Venerable, wrote his *Ecclesiastical History of the English People*. And it is from this book that we learned much of what had happened in the earliest centuries.

Anglo Saxon, or Old English was a complex language compared to Modern English as its nouns and pronouns were declined to 3 genders and 5 cases, besides the nouns had strong, vocalic and

weak, consonantal stem declension, the adjectives could have up to 11 forms by changing with the nouns they modified. The verbs conjugated depending on their list of categories, like gender, number, tense and person. Numerous prosaic manuscripts still keep the scholars' interest in exploring the Charters, the Psalms, the philosophical treatise, the World History, translations made under the rule of king Alfred the Great and other rich examples of Wessex literary heritage. A bright evidence of the vividness of Old English vocabulary is the famous poem "Beowulf". Numerous studies of this heroic poem prove that the Old English language, apart from specific poetic features of the German versification tradition, was deeply based on the enormous number of synonyms and subtleties of meanings, for example, the poem displays 36 different words for the 'hero', 20 for "man", 12 for "battle" and 11 for "ship" [The history of English, website].

As many researchers believe, it was exactly the Anglo-Saxons who set to motion the essential British culture. Therefore, majority of the words of Germanic origin that have come into the English Language are the most fundamental and commonly used words, e.g., water, house, food, night, man, wife, child, son, daughter, brother, friend, sun, moon, earth, ground, wood, field, house, home, people, family, horse, fish, farm, water, time, eyes, ears, mouth, nose, word, strong, blind, gray, green, to live, to fight, to make, to use, to love, to like, to look, to drink, to eat, to sleep, to sing, to work, to come, to go, to be, to find, to see, to look.

During our research we found it also interesting to include some information about swear words and their origins as they make up the core of the written and oral speech up to these days. As it is commonly believed, the curse words start to appear in the language right at the very basis, when the cultural traits of a particular nation are being formed. In case with the English language, the Anglo-Saxons are considered to be the first people to shape the British national character, so it is not a surprise that majority of cuss words actually have the German origin, e.g., *ferzan*>fart, *fokken*>fuck, *skit* >shit, *turdam*>turd, *arsoz*>arse, *kunton*> cunt.

With the ongoing interest to the roots of the native language the scholars estimated that about 85% of the 30,000 or so Anglo-Saxon words gradually died out under the cultural onslaught of the Vikings and the Normans, the invaders who would come in the later centuries leaving a total of only around 4,500. This represents less than 1% of modern English vocabulary [Ibid].

From 750 to 1000 **the Viking** raids brought another period of disruption and war. These raids were followed by the invasion of the Danes who took over northern and eastern territories of England. However, king Alfred the Great was leading a strong resistance and, in 878, a treaty between the Anglo-Saxons and the Vikings established the Danelaw, splitting the country along a line roughly from London to Chester, giving the Norsemen control over the north and east and the Anglo-Saxons the south and west. Obviously, the Vikings have been known for their violent behavior and dedication to war and battles. No wonder their violent culture found its way into the English language. Nowadays in Modern English there are plenty of words borrowed from Old Norse which are connected to warfare and battles: *anгр*> anger, *deyja*> die, *gunn*> gun, *hitta*> hit, *kikna*> kick, *kvelja*> kill, *rannsaka*> ransack, *skaða*> scathe, *slatra*> slaughter, *skirra* > scream [The Scandinavian Influence on the English Language English Language Essay, 2018].

Old Norse and Old English were sister languages and shared a lot of words of the same root thanks to the origin from Common Germanic. But due to various linguistic changes, such as the first consonant shift and frequent variations of "sc" and "sh" etymological doublets appeared: scabby (ON) – shabby (OE), scar – share, screech – shriek, shirt – skirt [Arnold, 1986, p. 259].

Eventually, Old Norse started to merge into the English language and around 1000 Scandinavian words can still be found in Modern English, among them are some of the most fundamental words of everyday language, being: flat, meek, rotten, tight, odd, rugged, ugly, ill, sly, wrong, loose, happy, awkward, weak, skull, skin, leg, neck, freckle, sister, husband, fellow, wing, bull, seat, root, bloom, bag, gap, dirt, kid, link, gate, sky, egg, cake, skirt, band, bank, birth, skill, thrift, window, gap, law, trust, silver, to score, to gasp, to call, to crawl, to lift, to get, to give, to have, to take, to mistake, to want, to guess, to smile, to hug.

As the languages of the Anglo-Saxons and the Vikings were pretty much similar they could easily understand each other, the closeness facilitated by the intermarriages and close social contacts. Even though the percentage of the borrowed words from Old Norse is low in nowadays English, these words are of the most fundamental and commonly used ones.

The Anglo-Saxon kingdom of England was just settling down when there happened another foreign intrusion. In 1066, William, Duke of Normandy, with a large mercenary army invaded England, defeated the last Anglo-Saxon king, Harold, at the battle of Hastings and claimed the English throne.

The victorious Normans made up the new aristocracy while the Anglo-Saxons became their subordinates. The Normans spoke a Norman dialect of French, a tongue of a mixed Latin origin and earlier Northmen, who earlier settled on the northern coast of France during the Viking raids. For more than three centuries two different languages have been spoken across the country at the same time. Norman-French has become the official language of the ruling class, nobility, spoken at court; all the official documents were written either in French or Latin. Moreover, writing was completely in the hands of the French speaking scribes who introduced various characters, new diagraphs in spelling. Majority of population all over the country got used to speak two languages at a time according to the needs of communication until English gained its predominance as the national language of the consolidated people under one monarch.

However, it is already established that the Norman loanwords differ severely from the ones treated above. Considering the fact that French has become the official language of people in power, it is not hard to understand that major changes happened in the language of the court, the government, the church, the army and the law. Thus the major groups of loanwords are ‘Government and administration’ with such examples as assembly, authority, chancellor, council, country, court, crown, exchequer, government, nation, office, parliament, people, power, servant; ‘Military terms’ – aid, armour, arms, army, battle, captain, command, company, courage, defeat, destroy, enemy, escape, force, guard, lieutenant, navy, obedience, obey, regiment, sergeant, serve, siege, soldier, troops, vessel, victory; ‘Titles, ranks, feudal relations’ – address baron, count, countess, duke, duchess, feudal, manor, marquis, noble, peer, prince, viscount; sir, madam, mister, master, sovereign, mistress; ‘Law and jurisdiction’ – accuse, arrest, attorney, case, cause, condemn, court, crime, damage, defendant, false, felony, guilt, heir, injury, interest, judge, jury, just, justice, legal, marriage, money, penalty, plead, poor, poverty, prison, prove, rent, robber, session, sentence, traitor, verdict; ‘Architecture’ – arch, castle, cellar, chimney, column, couch, curtain, cushion, lamp, mansion, mirror, palace, pillar, porch, table, wardrobe; ‘Art and entertainment’ – art, beauty, colour, design, figure, image, ornament, paint, chase, card, dance, dice, leisure, pleasure, poet, sport, tournament, question. [Maček, 2007: 30-31 in Tintor, 2011].

The period of the Norman reign is marked by a plenty of doublets that appeared in the language mostly connected with the social relations which is vividly demonstrated by the names of animals and their flesh. The poor Anglo-Saxon villagers who raised and looked after the cattle used the words of Germanic origin to name their animals; however, these words found their etymological doublets of French origin, once the meat dishes were served to the noble Normans: calf (A-S) – veal (OF), cow – beef, sheep – mutton, swine – pork.

Also there are lots of corresponding words for the same subjects and actions. For example, to give up – to abandon, to give in – to surrender, to come in – to enter, to begin – to commence, to go on – to continue, motherhood – maternity, child – infant, fight – battle, freedom – liberty, work – labour, wish – desire, shut – close, ask – demand, wood – forest, yearly – annual, smell – odour, forgive – pardon. Over time, many synonyms acquired subtle differences in meaning, adding to the precision and flexibility of the rich English vocabulary.

During the reign of the Norman King Henry II, many more words from standard Old French came into the English language. These words entered as doublets because they appeared later than the initial Anglo-Saxon counterparts from Norman French. They shared the same meaning, however pronunciation and spelling differed significantly, e.g., catch (A-N) – chase (OF), car – chariot,

castle – chateau, hostel – hotel, reward – regard, warden – guardian, warranty – guarantee. Summing up, the Norman Conquest changed English dramatically in a variety of areas, lexis, phonetics and spelling. All the language alterations have been proceeding against the background of the radical social transformation which made the cultural and linguistic results of the conquest the most far reaching in consequences.

Conclusion

Having analyzed the loan words which have entered English after five foreign conquests the selected data have been systematized and the following conclusion have been made:

– The Celtic borrowings left the biggest mark in the area of toponymy. As the Celts were the first people to expand the territory of initial Britain a lot of place names have Celtic origin. The names of landscape scenes including bodies of water (rivers, lakes, streams, ponds) were of the first priority due to substances and religious reasons. The names of hills and valleys were important for hunters and farmers. Often a town or a settlement was named after its function, (e.g.: farm, fort, etc.) after the tribe's leader or after the name of tribe itself.

– The impact of Latin through the influence of the Roman Empire was considerably significant. Out of all the studied groups of loan words the most relevant and large ones are the words connected with trade (including animals, domestic items, plants, herbs and foods), as it was one of the most important crafts of the Romans through which a lot of new names for the frequently used things came into the word stock followed by the words related to Christianity and later on to learning and education.

– The Anglo-Saxon conquest of Britain and the tribes' settlement led to the beginning of what is known today as British culture. The language the Anglo-Saxons spoke was the initial form of English; consequently, a lot of words absorbed after this conquest became the most fundamental and commonly used ones.

– The loan words which entered English after the Danish conquest were characterized by their relation to the warfare. But most importantly, as Old Norse and Old English were the languages originating from the Proto-Germanic, the borrowings from the Viking period appear to be basic and frequent in everyday language. In the book by E.L. Thorndike and I. Lorge. (1944) where they estimated the most commonly used English words, around 80% of the first 500 are of Old Norse and Old English origin.

– The Norman Conquest brought about the major changes into English. A high per cent of all the borrowings entered the language exactly after this conquest. As Norman-French was mostly the native language of the Norman nobility, the higher layer of society, most of loan words of the period could be found in the vocabulary pertaining to government and administration, military ranks and terms, feudal relations including titles and status, areas of law and jurisdiction and also in the spheres of art and entertainment.

References

1. Arnold I.V. The English Word. Лексикология современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1986, 254 с.
2. Бахурова Е.П. The Significance of Latin Borrowings in the Modern English Language and Its Practical Interest // Филология и лингвистика в современном обществе. Материалы III Международной научной конференции (г. Москва, ноябрь 2014 г.). Москва: Буки-Веди, 2014. С. 43–50. URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/136/6548/> (дата обращения: 06.11.2018).
3. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
4. Essays, UK. (November 2018). The Scandinavian Influence on the English Language English Language Essay. Retrieved from <https://www.ukessays.com/essays/english-language/the-scandinavian-influence-on-the-english-language-english-language-essay.php?vref=1> (дата обращения: 06.11.2018).
5. Harper Douglas. Online Etymology Dictionary. URL: www.etymonline.com
6. Haugen Einar. The Analysis of Linguistic Borrowing // Language Vol. 26, No. 2 (Apr. – Jun., 1950), pp. 210–231.

7. Hogg R. M. The Cambridge History of the English Language, Vol L: The Beginnings to 1066, Cambridge, Cambridge University Press. 1992.
8. Sven Tintor. Toponyms as Evidence of Linguistic Influence on the British Isles. Diploma work 2011. URL: <https://repozitorij.ffos.hr/islandora/object/ffos%3A2757/datastream/PDF/view> (дата обращения: 06.11.2018).
9. The History of English. URL: https://www.thehistoryofenglish.com/history_old.html (дата обращения: 06.11.2018).
10. Zaitseva S.D. Early Britain. Англия в далеком прошлом. Москва: Просвещение, 1975, 254 с.
11. The Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxforddictionaries.com>

Подгаец Анна Марковна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Соловьева Елизавета Игоревна

Студентка кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАВОЕВАНИЙ
В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматриваются лингвистические последствия военных вторжений на Британские острова на английский словарный состав. Предполагая различный характер завоеваний, данная работа исследует отражение результатов последствий культурных различий.

Ключевые слова: завоевание, лингвистические последствия, вторжение, заимствования, заимствованные слова, дублиеты, этимология, словарь.

УДК 811.112.2

Сюткина Надежда Павловна

Старший преподаватель кафедры лингводиластики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, Букирева, 15.
Тел.: 8(342)2396417
E-mail: nad975@yandex.ru

**МЕЖДОМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В СИТУАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ**

Междометия принято разделять на первообразные, состоящие из одного или двух-трех звуков, и производные, образованные из полнозначных слов, которые утратили номинативную функцию. Мы обратились ко второй группе – производным междометиям. Границы этого класса на настоящий момент не определены лингвистами окончательно, ряд ученых относят к этому классу междометные фразеологизмы – десемантизированные словосочетания, выступающие в функции междометий, которая заключается в выражении эмоций. С точки зрения структуры предложения междометные фразеологизмы, как все междометия, не обладают грамматическими признаками и не являются членами предложения. В настоящей статье рассматриваются междометные фразеологические единицы в ситуации каузации эмоциональной модификации на материале русского и немецкого языков. Междометные фразеологизмы могут актуализировать каузацию положительных или отрицательных эмоций. К положительной семантике относятся успокоение и одобрение. Междометные фразеологизмы, актуализирующие отрицательную модификацию эмоционального состояния, реализуют значение предостережения и угрозы.

Ключевые слова: эмотивные каузативы, междометия, производные междометия, междометные фразеологизмы, ситуация каузации эмоциональной модификации, десемантизация, прагматикализация.

Введение

Отличительной чертой междометий является то, что они не имеют определённой предметной соотнесённости, то есть в полной мере не обладают номинативной функцией, так как являются только речевыми знаками, словами-сигналами, употребляемыми для кратчайшего выражения реакции человека на различные события реальной действительности, а также для выражения требования, желания, повеления. Особенностью междометий как класса языковых единиц является то, что они «не имеют постоянного, закреплённого денотата», а имеют только эмоциональное значение – коннотацию [Холодионова 2016, с. 160].

Основная часть

Междометия принято разделять на две группы: (1) первообразные и (2) производные. К первообразным относятся междометия, состоящие из одного или двух-трех звуков; иногда они двукратно или трехкратно повторяются: *А! Ух! Ба! Гм! Ай-ай! Ой-ой-ой!* и другие. К производным – междометия, образованные из полнозначных слов, которые утратили номинативную функцию и приобрели ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску, например: *Боже мой! Господи боже мой! Так тебе и надо! Батюшки! Скажи на милость!* и другие [Словарь-справочник лингвистических терминов, эл. ресурс].

Обратимся к характеристике производных междометий. Вопрос о границах данного класса междометий лингвистами окончательно не решён. Многие исследователи (см.: [Квеселевич, Сасина, 2001; Коминэ, 1999а, б; Кунин, 2005; Куклина, 2006; Яковлева, 2016, 2017] и другие) относят к классу междометий и так называемые междометные высказывания: «свободные словосочетания и другие единицы, утратившие первоначальное значение и высту-

пающие в функции междометий» [Коминэ, эл. ресурс]. В этом случае весьма важную роль играет процесс десемантизации: «одним из самых продуктивных способов пополнения системы вторичных составных релятивов и междометий служит в любом языке переосмысление единиц различных уровней языка (свободных словосочетаний, предложений), претерпевающих трансформацию и десемантизацию с параллельной актуализацией контекстуального и ситуативного значения и создающих тем самым новые устойчивые знаки эмотивных ситуаций» [Яковлева, 2017, с. 20]. При этом «в результате экспрессивного переосмысления междометные фразеологические единицы превращаются в обобщённые выразители эмоций и волеизъявления, а иногда и того, и другого вместе, вследствие чего значение подобных междометных образований является немотивированным» [Кунин, 2005, с. 420].

Междометные фразеологизмы выполняют ту же функцию, что и междометия – выражают эмоции. Как и междометие, они не являются членами предложения, занимая обособленную позицию. Общими категориальными признаками междометных фразеологических единиц являются их «специфическая синтаксическая функция в качестве самостоятельных интонационно оформленных нечленимых фраз и общее значение реакции на соседнюю реплику или ситуацию» [Русская разговорная речь, 1983, с. 92–93].

Фразеологизмы как особый класс языковых единиц отличаются следующими свойствами: целостностью значения, воспроизводимостью в речи (в высказывании) и устойчивостью. «Устойчивость фразеологических единиц проявляется в их способности воспроизводиться, но не организовываться в процессе речи» [Шишимер, 2016, с. 125]. Междометные фразеологизмы соединяют в себе два свойства: (1) обладают формальными признаками фразеологизмов (это грамматический аспект) и одновременно (2) представляют собой средство актуализации эмоционального отношения (это функциональный аспект). Как утверждает, в частности, А.В. Кунин, «отражённое сознанием обобщенное выражение эмоции, эмоционального состояния является сигнификатом междометия», при этом «компоненты эмотивности (экспрессивность, интенсивность, оценочность) составляют коннотативный аспект междометия» [Кунин, 2005, с. 420], а «соотнесение» «междометия в каждом отдельном случае контекстной реализации с экстралингвистической ситуацией» представляет собой «денотативный аспект междометной семантики» [Там же].

То, что «междометные фразеологизмы представляют собой особый разряд фразеологии русского языка» связано с тем, что «они устойчивы в языке, воспроизводимы в речи, обладают целостным значением, придают речи живость и образность» [Шишимер, 2016, с. 128]. И «в то же время, грамматическая форма» их «неизменяема, семантика специфична, поскольку отличается выразительной эмоциональной насыщенностью» [Там же].

С точки зрения структуры предложения междометные фразеологизмы, как все междометия, не обладают грамматическими признаками и не являются членами предложения. Как пишет А.А. Шахматов: «Междометие означает слова, являющиеся выразителями внешних и внутренних ощущений, а также звукоподражаний и вызывающие представления о грамматических категориях только постольку, поскольку они употребляются как эквиваленты глаголов [Шахматов, 2001, с. 423]. «Значение фразеологизмов междометного характера связано с экспрессивно-эмоциональной, волевой сферой поведения человека, непосредственным выразителем которой они являются, и не вытекает из номинативных значений слов, входящих в их структуру. Междометные фразеологизмы представляют сочетания полнозначительных слов, в которых лексико-грамматические связи имеют значение только как средство внешней организации» [Куклина, 2006, с. 66].

Многие учёные подчёркивают, что междометные фразеологизмы, как и фразеологизмы вообще, носят «этноспецифический характер». «Междометные и релятивные конструкции, вербализующие особую эмотивную составляющую в текстах различных функциональных стилей, представляются комплексными, организованными этноспецифическими, культурологическими структурами» [Яковлева 2016, с. 218].

Междометные фразеологические единицы «составляют самобытность любого языка: они отражают специфику языка, стратегии общения между людьми, уровень эмоциональности носителей того или иного языка» [Литовкина 2005, с. 3].

В.Ю. Меликян отмечает тенденцию к увеличению количества нечлененых предложений, объясняя это стремлением языка «к конвенциализации, устойчивости, системности, регулярности и объясняется такими наиболее характерными свойствами нечлененых синтаксических построений, как экономность, эмоциональность и высокой степени экспрессивность» [Меликян, 2004, с. 57]. Такие предложения «выступают в качестве одного из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивной экспликации коммуникативного смысла» [Там же]. Л.И. Ройзензон также говорит о том, «подобно междометиям, такие фразеологизмы выражают волеизъявления, чувства, выступая как отдельные нерасчлененные предложения» [Ройзензон 1977, с. 115].

К междометным фразеологическим конструкциям, актуализирующим положительную семантику, относятся, в немецком языке: *Kopf hoch! Immer Mut! Nur Mut! Hals- und Beinbruch! Dieses Wort in Gottes Ohr! Ruhig Blut! Immer mit der Ruhe! Immer sachte! Fassen Sie Mut! Nehmen Sie allen Ihren Mut zusammen! Halte die Ohren steif! Nur keine Schwäche zeigen! Keine Angst! /Keine Bange! Immer zu! /Nur zu! Lass den Mut nicht sinken! Mach dir nichts daraus! Abwarten und Tee trinken! Es wird schon wieder werden! Die Welt wird nicht gleich aus den Angeln gehen. Das wird den Kopf nicht kosten. Das kann den Hals nicht kosten. Deshalb wird man dich nicht gleich auffressen. So was kommt in den besten Familien vor. Es ist noch nicht aller Tage Abend. Es geht den Menschen wie den Leuten. Ende gut, alles gut.*

«**Keine Bange**, wir wollen keine Spende», sagte er freundlich und zeigte seine Dienstmarke (Ngram).

Da habe ich doch gestern bei den Brauers ein Glas Rotwein quer über die Decke gekippt. – Das kommt in den besten Familien vor! Mach' dir deswegen keine übertriebenen Vorwürfe! (WDRK)

Was meinst du, wann werden wir die Unterlagen endlich kriegen? – Abwarten und Tee trinken, Gerd! Ich habe mir schon abgewöhnt, mit bestimmten Daten zu rechnen; damit macht man sich nur nervös. Wenn sie fertig sind, sind sie fertig. (WDRK)

В русском языке: *Ни пуха, ни пера! Твои бы слова да Богу в уши. Собери все мужество в кулак! Держи хвост пистолетом! Еще не вечер! Еще не все потеряно! Только без паники! Только не показывай слабости! Не бойся! Не робей! Не принимай близко к сердцу. Не унывай! Не наводи панику! Не оторвут же за это голову. Поживем – увидим. Все образуется. Ничего страшного! Подумаешь, дело! Пустяки! Все перемелется, мука будет. Выше голову! Что ни делается, всё к лучшему. Век живи, век надейся. Терпи, казак, атаманом будешь. Будет и на нашей улице праздник. Чему быть, тому не миновать.*

Это Ирка, – сказал он, обращаясь к Лерайскому. – Вот видишь, мы еще и на звонке сэкономили. Держи хвост пистолетом, Влад, и все будет пучком. Он нажал кнопку соединения и поднес аппарат к уху (Ngram).

Он никогда не поддавался страху, но сейчас ему стало жутко, и, закуривая, он сам видел, как дрожат в руке зажигалка и сигарета. – Только без паники, – бормотал он, двигаясь в потоке (Ngram).

Провожая меня в школу, она ласково помахала мне на лестнице: – Ну, ни пуха ни пера! (Ngram)

Хватит ныть, выше голову! (Ngram)

Ради Бога, – кричала она мне в трубку, – не принимай близко к сердцу! (Ngram)

Модификацию отрицательного эмоционального состояния актуализируют следующие междометные немецкие фразеологизмы: *Na, warte! Wir sprechen uns noch! Ich werde dich Bescheidenheit lehren! Ich werde dir gleich! Den werde ich mir mal greifen/langen! Dem werde ich's versalzen! Gnade dir Gott! Das wollte ich dir auch geraten haben! Das ist die letzte Warnung! Das darf nicht wieder vorkommen! Das werden Sie noch bereuen! Ich werde dir schon noch Manieren beibringen! Jetzt wirst du was erleben! Dir werde ich es zeigen! Dem werd' ich's versalzen! Dem werd' ich die Suppe versalzen! Er soll mir nur kommen! Wir sprechen uns noch! Du wirst mich noch kennenlernen! Das Maß ist voll! Du kriegst eins/was hinter die Löffel!*

Na warte, das werde ich Mutter sagen, dass Du Dich versteckt hast!“, schimpfte ich, war innerlich aber froh, sie gefunden zu haben (Ngram).

Er sagte, wir dürften nicht mehr befreundet sein, und das sei eine offizielle Warnung. Die letzte Warnung (Ngram).

Das hättest du wohl gern, du intrigante Erbschleicherin! Glaub ja nicht, dass du damit durchkommst. Ich werde für Jette und Heinz kämpfen. Du wirst mich noch kennenlernen! (Ngram).

„Sie wissen wohl nicht, was sich gehört, Mann, **wir sprechen uns noch.**“ Der Mann reißt die Hacken zusammen, aber er grinst. Der grinst einfach, und mir wird klar, dass ich mich ihm gegenüber falsch verhalten habe (Ngram).

Was, auch noch patzig werden, du kriegst gleich was hinter die Löffel! (Ngram).

Aber diese Suppe werde ich ihnen versalzen. Mit Riesensätzen eilte er hinter den Banditen her (Ngram).

Mag sein, dieser Autor will bei uns von vornherein abgelehnt werden und dann gleich drüben ins Geschäft. Wenn Sie mich fragen, werde ich ihm das versalzen. Wenn schon, dann nur mit uns (Ngram).

В русском языке: *Я это ещё припомню! Ну, погоди же! Не жди пощады! Я тебя научу вежливости! Вот я тебя! Чтобы этого больше не было! Доберусь я до тебя! Я тебе задам! Это последнее предупреждение! Вы об этом ещё пожалеете! Я ему ещё покажу кузькину мать! Уж я ему устрою! Я тебе покажу! Сейчас ты у меня узнаешь! Я тебе покажу, как надо себя вести! Пусть он мне только попадётся! Ты меня ещё узнаешь! Мы ещё встретимся! Кончилось моё терпение! Сейчас как врежу! Хорошего понемножку!*

Ну, Катенька, ну, удружила... Погоди, мы ещё встретимся! Мужчина стряхнул с себя остатки образов (Бориса? Олега?) и, шагнув в тень арки, растворился в уличной суматохе (Ngram).

Если я появлюсь, он пустит в меня мою же стрелу, – подумал Май. – Надо возвращаться в селение. Я загрызу эту сволочь, пусть только попадётся он мне на глаза» (Ngram).

Виноват, отработаю, – привычно загнул Слага, и, придав лицу серьёзность, клятвенно добавил: – Пусть он мне только попадетсЯ этот Толик Колесников, замочу! (Ngram).

Злыдня! – зашипел сбоку Тагерт. – Надо было сказать, что кусты здесь не к месту. Я это ещё припомню, когда эльф отправится к тебе! (Ngram)

Ладно, коллеги мои добрые, я вам это ещё припомню... Если, конечно, не забуду; надо такие вещи записывать... (Ngram).

Междометные фразеологизмы положительной семантики могут актуализировать успокоение, одобрение и тому подобное.

Успокоение:

„Gott beschütze das arme Kind“, murmelte er hinauf in den grauverhangenen Himmel von Oxford. – „Dein Wort in Gottes Ohr“, sagte Margaret Tuckett bange (Ngram);

Also, Hals und Beinbruch, Fran. Denken Sie an das, was ich Ihnen gesagt habe. Verhalten Sie sich völlig natürlich (Ngram);

Aber Du brauchst Dir keine Sorgen zu machen, wir halten bestimmt durch. Unser ganzes Denken gilt ja nur Dir und ich bitte Dich, lass Deinen Mut nicht sinken. Es ist zwar leichter gesagt als getan, aber ich weiß, daß Du durchhalten wirst (Ngram).

„Wird schon werden, Susi“, tröstete er Schulter klopfend töricht (Noack S.84).

Ободрение:

Also Kopf hoch, Jungs, bis zur nächsten Weltmeisterschaft ist nicht mehr viel Zeit (Corpora);

Keine Angst, wir holen dich da raus! (dwds);

Über Maschinenlärm hinweg brüllten sie «Tschüs» und «Halt die Ohren steif» (dwds);

Mit einem "Gute Fahrt und Hals und Beinbruch" überließ er mich schließlich meinem Schicksal, das nun seinen Lauf nehmen sollte (Corpora).

Er strich Susi über die verschwitzte Wange. „Mach’s gut, Mädchen. Halt die Ohren steif.“ (Noack S. 33)

Междометные фразеологизмы, актуализирующие отрицательную модификацию эмоционального состояния, реализуют значение предостережения и угрозы.

Предостережение:

Kopf oben, mein Sohn! Und halte die Ohren steif, da die Tage gekommen sind, die nur Wenigen gefallen wollen (Corpora);

Na, warte, das wirst du noch bereuen! (Ngram);

Hier sind die Vorratskammern voll Korn und Fleisch. Weshalb sollen die Kinder der Gerechten hungern und die Übeltäter im Überfluß leben? Jetzt aber ist ihre Zeit vorbei. Das Maß ist voll, Kavalier! (Ngram)

Угроза:

„*Na warte, das werde ich Mutter sagen, dass Du Dich versteckt hast!*“, schimpfte ich, war innerlich aber froh, sie gefunden zu haben (Ngram); *Die Freude, die könnte Euch arg versalzen werden* (Ngram);

Aber diese Suppe werde ich ihnen versalzen. Mit Riesensätzen eilte er hinter den Banditen her. Es dauerte auch nicht lange und er bekam sie ins Visier (Ngram).

Заключение

Основные черты междометий заключаются в их побудительной и эмотивной функции, которая реализуется в каузативной ситуации эмоциональной модификации [см., например, Шустова, Ошева, 2015; Шустова, 2018, 2018а, 2018б]. Междометные обороты свойственны живой речи. Они функционируют как более экономные, краткие и эмоциональные формы выражения отношения говорящего к объективному миру. Междометные фразеологизмы выполняют функции эмотивных каузативов, при этом происходит усиление эмотивного компонента за счёт образности фразеологического оборота. В результате происходит увеличение степени проявления иллюкативной силы высказывания.

Междометные фразеологизмы в той же мере выполняют функции эмотивного каузатива, как и лексический или аналитический каузатив, однако здесь мы имеем дело с «выкристаллизованным» с течением времени устойчивым оборотом, за которым закрепились в речи особая функция – функция побуждения к определенной эмоции.

Список литературы

1. Квеселевич Д.И. Сасина В.П. Русско-английский словарь междометий. Москва: Астрель, АСТ. 2001. 512 с.
2. Коминэ Ю. Функционально-прагматические характеристики русских междометных высказываний. Автореф.... к. филол. н. 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/funktionalno-pragmatische-karakteristiki-russkih-mezhdometnyh-vyskazyvaniy> (дата обращения: 27.01.2018).
3. Коминэ Ю. Экспрессия, эмоции, оценки в междометных высказываниях // Международная научно-практическая конференция к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Сб. науч. статей. Тула: Изд-во «Тульский государственный университет», 1999. С. 143–145.
4. Куклина И.Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы. Дисс... к. филол.н. Москва, 2006. 251 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд. стер. Дубна: Феникс+. 2005. 488 с.
6. Литовкина А.В. Междометные фразеологические единицы: семантические, структурно-синтаксические и функциональные характеристики (на материале русского и немецкого языков). Автореф ... к. филол. н. Саратов. 2005. 24 с.
7. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ. 2004. 288 с.
8. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. Самарканд: Самаркандский университет. 1977. 119 с.
9. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. Москва: Наука. 1983. 239 с.
10. Словарь-справочник лингвистических терминов. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Изд-е 2-е. Москва: Просвещение. 1976. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/> (дата обращения: 22.07.2018).
11. Холодионова С.И. Междометие как языковая единица: особенности классификации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2016. № 3 (57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 160–162.
12. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. Москва: Эдиторал УРСС. 2001. 624 с.
13. Шишимер Л.Ф. О лингвистическом статусе междометных фразеологических единиц // Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: Изд-во «Пятигорский государственный лингвистический университет», 2016. С. 125–129.

14. Шустова С.В., Ошева Е.А. Актуализация эмоциональной модификации. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 127–134.
15. Шустова С.В. Категоризация в сфере функциональной грамматики (на материале каузативной ситуации эмоциональной модификации) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ. № 2 (30). 2018. С. 7–13.
16. Шустова С.В. Прототипические эффекты в сфере функционально-семантической категории каузативности // ART LOGOS. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. № 2 (4). 2018а. С. 97–104.
17. Шустова С.В. Когнитивный сценарий каузативной ситуации // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Белгород. Т. 4. № 3. 2018б. С. 45–59.
18. Яковлева Е.В. Десемантизация как базовый принцип вербализации эмотивного начала междометных и релятивных конструкций // Гуманитарные и юридические исследования. № 1. 2016. С. 218–221.
19. Яковлева Е.В. Функциональная специфика междометий и релятивных конструкций как элементов эмотивного смысла в текстах психологической прозы. Дисс. ... к. филол. н. Ставрополь. 2017. 203 с.

Источники иллюстративного материала и корпуса

1. Корпус немецкого языка (электронный словарь немецкого языка) – www.dwds.de (дата обращения: 27.02.2018)
2. Корпусы языков Leipzig Corpora Collection – wortschatz.uni-leipzig.de (дата обращения 27.02.2018)
3. Google Books Ngram Viewer – Исследовательский ресурс <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения 27.02.2018)
4. Noack В. Bastian. Ноак В. Бастиан. Роман. Москва: Ин. язык. КДУ. 2005. 352 с.
5. Scheman Н. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. 2. Auflage, mit vollständig überarbeiteter Einführung. Berlin. Boston: De Gruyter, 2011. 1181 S.

Список принятых обозначений и сокращений

1. Corpora – Корпусы языков Leipzig Corpora.
2. dwds – Корпус немецкого языка (электронный словарь).
3. Ngram – электронный исследовательский ресурс NgramViewer.
4. WDRK – Scheman Н. Deutsche Idiomatik.

Sytkina N.P.

Senior Lecturer, Department of Linguodidactics, Perm State University

INTERPUTING PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE SITUATION OF EMOTIONAL MODIFICATION

Interjections can be divided into primitives, consisting of one or two or three sounds, and derivatives, formed from full-valued words that have lost the nominative function. We turned to the second group, derived interjections. The boundaries of this class are currently not fully defined by linguists, a number of scientists refer to this class interstitial idioms - desemantized phrases acting as an interjection function, which consists in expressing emotions. From the point of view of the structure of the sentence, inter-verbal idioms, like all interjections, do not have grammatical features and are not members of the sentence. This article discusses interdomain phraseological units in a situation of emotional modification causation on the material of the Russian and German languages. Interdomain idioms can actualize the causation of positive or negative emotions. Positive semantics include calm and approval. Interdomain phraseological units that actualize a negative modification of the emotional state realize the meaning of caution and threat.

Keywords: emotive causatives, interjections, derivative interjections, interdental idioms, situation of emotional modification causation, desemantization, pragmaticalization.

УДК 654.19(4/9): 004.738.5

Пустовалов Алексей Васильевич

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396621
E-mail: theyareeverywhere@gmail.com

Михеева Евгения Ивановна

Магистрант кафедры журналистики и массовых коммуникаций,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Тел.: 8 (342) 2396621
E-mail: mixeeva.zhenya@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА «СРЕДНЕГО» ГОРОДА В МЕСТНЫХ МЕДИА КУНГУРА¹

В статье исследуется специфика наиболее значимых групп «ВКонтакте» Кунгура, одного из «средних» и по-своему типичных городов Пермского края. Делается попытка рассмотреть данные группы в качестве новых городских медиа – с обращением к недавно появившемуся контенту; указывается их роль в «производстве пространства» современной России. Среди них анализируются прежде всего группы местных СМИ – газеты «Искра» и телеканала «КунгурТВ», а также группы, представляющие гражданскую, «непрофессиональную» журналистику – «Твой Кунгур» и «Подслушано Кунгур». Делаются выводы о специфических задачах каждого типа групп и «взаимодополнении» с точки зрения их функций в информационном пространстве Кунгура.

Ключевые слова: новые городские медиа, социальная сеть, информационно-коммуникационные группы «ВКонтакте», «Искра», «КунгурТВ», «Подслушано Кунгур», «Твой Кунгур».

Введение

Всё чаще можно встретить региональные или городские Интернет-СМИ, которые вслед за уже набравшими популярность многими электронными массмедиа более крупного масштаба, стали развиваться. Информирование горожан благодаря массовому использованию цифровых технологий выходит на новый уровень. Сейчас крайне редко встретишь человека, который спешит к телевизору, чтобы успеть посмотреть очередной выпуск новостей, или же покупает новый выпуск газеты. Гораздо проще и удобнее узнать всю необходимую информацию из повестки, которую подготовили городские медиа.

Городские издания крупных городов используют сетевую площадку, набирают команду, создают сайт, составляют основную повестку, формируют постоянные рубрики, в то время как средние и малые города особенно активны в социальных сетях. Несмотря на то, что изначально социальные сети не приспособлены специально для того, чтобы выступать в роли новостных медиа, это достаточно удобно как для создателей (аудитория уже здесь), так и для пользователей (не надо выходить из соцсети, чтобы познакомиться с новостями).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 18-412-590008 р_а «Новые городские медиа в локальном коммуникативном пространстве».

Основная часть

Информационные процессы в малых городах только начали изучаться, например, в таких аспектах, как структура, функции, роль аудитории региональных медиа [Антипина, 2018; Куличкина, 2018; Пустовалов, 2017; Градюшко 2015]. Несомненно, такие исследования необходимо продолжать: в связи с процессами децентрализации, быстрого развития процесса урбанизации в различных, зачастую нецентральных городах [Зеленцов, 2015, с. 264] интерес к подобным вопросам растёт; «провинциальная» тематика становится не менее актуальной, чем «столичная».

Несомненно, наиболее популярной социальной сетью в России сейчас является «ВКонтакте». Каждый город, независимо от численности населения, имеет как минимум одну, а чаще – несколько групп в вышеупомянутой социальной сети.

Обращаясь к таким крупным городским группам, информирующим городских жителей обо всех примечательных событиях, играющих важную роль в местных коммуникациях, мы можем предположить, что они могут быть отнесены к новым городским медиа, концепт который только-только начал оформляться в отечественной науке. К таковым сегодня обычно относят такие интернет-издания, как «Бумага» в Санкт-Петербурге, «Инде» в Казани, «It's My City» в Екатеринбурге, «Downtown» в Воронеже, «The Village Владивосток», «Bigvill» в Самаре, «The Province» в Иркутске, «NN-Stories» и «Celedka» в Нижнем Новгороде, «Звезда» и «Text» в Перми, «Sabotage» в Волгограде, «Томский Обзор», «Public Speech» в Омске, закрытые Siburbia в Новосибирске, Feelmore в Челябинске и другие [Новые городские медиа в медиаландшафте России, 2018].

Однако, по мнению Татьяны Симаковой, редактора известного московского городского интернет-издания «The Village», высказанного на Пермском молодёжном форуме 9 сентября 2018 г., *в маленьких городах тоже есть городские медиа*, и нормально, что они могут располагаться в социальных сетях. Важнее здесь не платформа, а обращение к соответствующей тематике: вопросам, интересным и важным для города и горожан.

Важным является и то, что городские СМИ стараются рассказывать о своих героях: людях с интересными и необычными историями, с «нечеловеческими подвигами». Такие истории о выдающихся людях не только заставляют гордиться своей малой родиной, но и являются настоящими примерами для всех остальных горожан. Человек тем самым становится объектом всеобщего внимания.

Благодаря местным медиа жители не только узнают о последних или предстоящих событиях города, но и принимают активное участие в его жизни, формируют своё мнение о нём, выстраивают его образ. Городские медиа становятся площадками для создания историй, которые, в свою очередь, влияют на развитие и проектирование **городского пространства**.

Как справедливо указывал Анри Лефевр, учёный, которому термин **городское пространство** обязан своим рождением, «производство пространства» в рамках советской модели предполагало ускорение данного процесса, ставку на большие города. «Все прочие локусы остаются пассивными и периферийными по отношению к центрам (производства, богатства, принятия решений). Следствием такой модели оказываются «вертушки», круги: сильные опорные точки становятся всё сильнее, а точки слабые – всё слабее...» При этом, подчёркивает А. Лефевр, «периферия, обречённая на застой и (относительное) отставание, подвергается всё большему угнетению» [Лефевр, 2015, с. 411].

Сегодня, в постсоветскую эпоху, акценты наконец-то (возможно, впервые за многовековую историю России) смещаются: периферия становится не менее важной, чем столица, локальное – не менее значимым, чем центральное. Более того, лишь при условии децентрализации медиа, по мнению иркутского исследователя М. Зеленцова, возможно «полноценное явление медиополиса – города, насыщенного коммуникациями; информационными структурами; людьми, которые массово втянуты в городской медийный процесс, предстают в качестве «первооснов» общественного мнения», а также являются не только его потребителями, но и субъектами, лидерами мнений» [Зеленцов, 2015, с. 264]. Такая ситуация «говорит о не-

обходимости рассмотрения концепции медиаполиса на региональном уровне» [Там же, с. 265]. Неотъемлемыми атрибутами такого мегаполиса и являются независимые городские медиа, которые формируют повестку дня, акцентируют внимание на локальных проблемах, «медиастизируют» политическую и социальную сферу города, создают единое информационное пространство города (с втягиванием аудитории в общий медийный процесс), создают ценностные установки аудитории и формируют локальные городские сообщества [Там же, с. 266–267].

Феномен городских медиа не стал исключением и для электронных медиа Перми и Пермского края. В каждом городе мы можем найти не одно средство массовой информации, которое информирует мнение жителей города о происходящих в нём событиях.

Для исследования были выбраны издания города Кунгур Пермского края. Напомним, что Министерство регионального развития Российской Федерации в своем Своде правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» выделяет в зависимости от численности населения следующие группы городов и населенных пунктов: крупнейшие (свыше 1 млн. чел.); крупные (от 250 до 1 млн. чел.); большие (от 100 до 250 тыс. чел.); средние (от 50 до 100 тыс. чел.); малые (от 10 до 50 тыс.) [Градостроительство, 2016].

Выбор города обоснован тем, что он является «средним» по численности населения (66 157 человек), а также в определённом смысле «средним» с точки зрения своей репрезентативности в качестве города страны. Кунгур, являющийся одним из локальных центров топливно-энергетического хозяйства, нефтедобычи, производства и распределения энергии, для пермяков связан с производством молочных и мясных продуктов. Более широкую известность городу обеспечивает уникальная ледяная пещера (привлекающая не только россиян, но и иностранцев) и международный фестиваль малой авиации «Небесная ярмарка».

Для анализа мы выбрали те медиа, которые играют ключевую роль в информационном пространстве Кунгура: крупнейшие в данном районе газеты «Искра» (и её продолжение «Кунгурский вариант»), «Новости Кунгурского края»; группы телеканалов «Кунгур ТВ» и «Край-ТВ», а также две крупнейших группы «ВКонтакте» – «Подслушано Кунгур» и «Твой Кунгур».

Итак, «Искра» и «Кунгурский вариант» представляли передовую новостную повестку каждого жителя города – по крайней мере, до появления городских медиа. «Кунгурский вариант» является приложением к газете «Искра», поэтому в дальнейшем мы будем упоминать последнюю, обобщая в ней представление о них обеих. Сама газета существует с 15 октября 1921 г.; это – один из патриархов краевой журналистики (несмотря на «пенсионный стаж», газета весьма активна). В электронном формате она появилась в 2008 г. Печатный вариант газеты выходит трижды в неделю: вторник, четверг и суббота, в будние дни тираж составляет 6315 экземпляров, в выходной – 7020.

Газета является постоянным участником и победителем сразу в нескольких (2000, 2002, 2004–2006, 2008–2018) или одной (2001, 2003, 2007) номинациях крупнейшего краевого конкурса «Журналистская весна» Пермского отделения Союза журналистов и, как показывают итоги конкурса, одним из лучших представителей районной журналистики. Так, в 2018 г. она (вместе с газетой «Соликамский рабочий») стала дипломантом в номинации «Городская газета года» (став также лауреатом или дипломантом в номинациях «Лучший специальный журналистский проект», «Газета – лидер работы с детской и молодежной аудиторией», «Газета – лидер рекламной политики», «Лучший сайт», «Экология», «Мастер зарисовки», «Проблемы села», «Надежда») [Определены победители конкурса, 2018].

Помимо печатных выпусков редакция предлагает читателям оформить электронную подписку, по которой трижды в неделю на электронную почту высылается новый выпуск в формате «pdf» всего за 39 рублей в месяц.

Газета имеет новостной сайт (<https://iskra-kungur.ru/>), который является достаточно примечательным в онлайн-среде Пермского края. В 2018 г. он стал дипломантом конкурса «Журналистская весна» в номинации «Лучший сайт».

На сайте в шапке «Искры» можно увидеть такие рубрики, как «Общество», «Экономика», «Политика», «Культура», «Происшествия», «Спорт», «Отраслевые Темы» (подрубрики – «Образование», «Медицина», «ЖКХ», «Право», «Краеведение»). Новости представлены на главной странице сайта в виде ленты: небольшой анонс, фото и название, нажав на которое можно перейти непосредственно к самой новости. Прочитав любую новость, каждый неравнодушный житель города может поделиться ею в выбранной социальной сети: «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter», «Одноклассники», «Мой мир». Необходимо уточнить, что свои группы «Искра» имеет только на площадках «ВКонтакте» и «Facebook», где в среднем появляется около 8 публикаций в день.

Примечательно и то, что группа «ВКонтакте» газеты (<https://vk.com/iskrakungur>) насчитывает порядка 12700 подписчиков, что, как минимум, в 2 раза превышает тираж печатного издания. В группе отражаются те же новости, что и на сайте, с активными ссылками на последний. Несмотря на возможность обратной связи, которая может проявляться в виде комментариев под постами, активность пользователей невысока. Максимальное количество комментариев, которое было обнаружено, – 15. Однако количество просмотров несоизмеримо: в среднем новость в группе «ВКонтакте» просматривается от полутора до трёх тысяч раз, в то время как на сайте максимальное количество просмотров – тысяча. В данной статистике чётко прослеживается тенденция большей популярности новостной ленты «ВКонтакте», именно поэтому были исследованы самые популярные сообщества данной социальной сети в Кунгуре.

Газета «**Новости Кунгурского края**» создана 14 февраля 2011 г. Вместе с радио «Кунгур FM» входит в кунгурский медиахолдинг «Территория «Свободы». Имеет общий с радио сайт (<http://smi59.ru/>) и группу «ВКонтакте»; представительства в «Одноклассниках», «Facebook», «Instagram». Несколько лет газета является победителем – часто сразу в нескольких номинациях – краевого конкурса «Журналистская весна» (2013–2018 гг.).

Группа «ВКонтакте» (<https://vk.com/smi59>) насчитывает 4 285 подписчиков. Кроме кунгурских, в ленте – новости газеты, радио, анонсы кунгурского «Край-ТВ», конкурсы, реклама (лента довольно активна: 10–15 новостей в день). В 6 альбомах группы – 819 фотографий; в видеоразделе – 34 ролика, имеющие в среднем 150–300 просмотров. Аудиораздел содержит 62 записи – передачи «Кунгур FM» просветительского характера (пожалуй, они заслуживают отдельного разговора). Группа имеет неплохие перспективы роста.

Из групп кунгурских СМИ стоит ещё упомянуть представительство «ВКонтакте» телеканала «**КунгурТВ**» (<https://vk.com/kungurtv>). В группе 8 702 подписчика, для возможных вопросов представлены контакты четырёх администраторов.

Периодичность постов – неодинаковая: иногда – 1–2 в неделю, а порой – по 1–2 в день; среднее количество просмотров – от 1,5 до 2 тыс. Эти показатели – достаточно неплохие для группы «ВКонтакте» провинциального СМИ. Все посты иллюстрированы: это либо изображение по теме публикации, либо видео, опубликованное «ВКонтакте» или доступное по ссылке на канале «КунгурТВ» в «YouTube».

Раздел «Обсуждения» группы насчитывает 23 ветки. В трёх альбомах группы – 36 фотографий, в разделе «Видео» – 451 видеозапись (внушает уважение количество просмотров на последних роликах – в среднем от 2 до 5 тыс. просмотров). Несомненно, что именно группа «КунгурТВ» является рекордсменом среди городских групп «ВКонтакте» по количеству видеороликов; поскольку сегодняшние пользователи прежде всего – визуалы и нередко обращаются в Интернете такого рода контенту, это способствует развитию критического мышления [Власова, 2017].

Второй кунгурский телеканал «**Край-ТВ**» является важной составляющей «Кунгурского районного информационного агентства», включающего также информационно-новостной сайт «Кунгур-край.ru». Иконки в нижнем левом углу сайта отсылают к его рабочим представительствам в «ВКонтакте», «Twitter», «Facebook».

Группа «ВКонтакте» (https://vk.com/kungur_krai) с 3 953 подписчиками имеет ленту с новостями из сайта, с сюжетами «КРай-ТВ» (ролики этого канала редко включаются в видеораздел группы, насчитывающий всего 9 единиц). Администраторы группы спокойно относятся к тому, что почти половина постов в ленте остаётся без лайков: очевидно, каких-то специальных усилий к её продвижению не принимается (как это обычно бывает в подобного типа группах). «КРай-ТВ» имеет также живой канал на «YouTube», имеющий 63 (!) подписчика (<https://www.youtube.com/channel/UCyght3Qpo6AoCh7nIFoHyKw>).

Что касается представительств «непрофессиональной» журналистики «ВКонтакте», то изначально здесь стоит сказать, что исследуемые объекты («Подслушано Кунгур» и «Твой Кунгур») созданы в один период – осень 2013 г., то есть в период, когда в разных регионах в силу благоприятного социально-политического климата появляются сотни таких групп. Часто они копируют друг у друга структуру и методы публикации материалов (так, популярнейшим типом «ВКонтакте» с тех пор стали группы «Подслушано»), что не мешало им становиться лидерами в своих районах.

В Кунгуре тогда была создана целая сеть сообществ – всего их около десятка, каждое посвящено своей теме, и две упомянутых группы («Подслушано Кунгур» и «Твой Кунгур») – крупнейшие среди них и крупнейшие в городском социально-сетевом пространстве. Их совокупность образует своеобразную систему, охватывающую наиболее важные «проявления» культурной жизни, быта, экономики Кунгура («Афиша», «Подслушано у водителей», «Купи–Продай», «Давай меняться», «Отдам даром», «Попутчики», «Признавашки», «Ищу тебя Кунгур» и другие); при этом внутри групп возможен обмен материалами.

Группы ведутся одним человеком – он выступает под псевдонимом Иван Кунгуров. И в этом – яркая отличительная черта кунгурских групп: ни у одного города Пермского края нет такой продуманной единой системы в местном пространстве «ВКонтакте». При этом нельзя сказать, что Иван Кунгуров со своими группами – монополист этого пространства: там есть и соперники, в любой момент готовые перехватить инициативу; однако на данный момент эти группы, безусловно, лидируют. В интервью, любезно данном нам, Иван Кунгуров не без гордости заявил, что у его групп – самый большой суммарный охват городской аудитории (и в этом он совершенно прав). На вопрос, в чём вы видите «особость» своей позиции в сравнении с традиционными СМИ, Иван Кунгуров ответил, что главное отличие от остальных медиа в городе – это оперативность и обратная связь.

Итак, самой большой группой «ВКонтакте» среди всех городских групп, является «Подслушано Кунгур» (<https://vk.com/podslushano.kungur>). Количество подписчиков составляет более 41 тысячи: учитывая, что население города чуть превышает отметку в 66 тысяч, это составляет 62 %. Сообщество позиционирует себя как «место встречи замечательных жителей города Кунгура» и «самое большое социально-развлекательное сообщество Кунгура». Посты появляются ежедневно, в среднем их количество варьируется от 30 до 50. Содержание их типично для «Подслушано»: признания, вопросы, потеряшки, приобретения, объявления и прочее. У одного поста может быть до нескольких сотен комментариев в зависимости от того, насколько животрепещущая тема была затронута в нём. Жители города активно обсуждают те или иные события и проблемы как в комментариях, так и в отдельно созданных обсуждениях (например, «потеряшки» или «где купить?»). В данном сообществе довольно редко можно встретить рекламу, что говорит о том, что, в первую очередь, администраторы руководствуются только информированием горожан, а не выгодой.

Отдельно скажем о самих подписчиках группы: почти половина состоящих в сообществе людей – это те, кто родился и прожил детские годы в Кунгуре, а затем уехали в более крупные города, но остались в группе, чтобы следить за происходящими событиями. Это свидетельствует о том, что покинувшие город продолжают следить за его жизнью: они читают посты, оставляют комментарии, спорят. Расставшись с городом, они остаются его патриотами,

по прежнему являясь частичкой локального городского сообщества, сформированного данной группой.

«Подслушано Кунгур» также существует на площадке социальной сети «Instagram». Здесь значительно меньше подписчиков – чуть менее 5000. Весь контент, который там представлен, – это реклама и мемы (единица культурной информации). Мемом может считаться любая идея, символ, манера или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов «местного производства». Интересен сам факт порождения мемов здесь: теперь этот тренд свойствен не только крупнейшим городам страны, локальные сообщества тоже успешно к нему присоединились.

«Твой Кунгур» – второе по популярности сообщество (<https://vk.com/tkungur>). Оно насчитывает около 29 000 человек (43 %). Ситуация с подписчиками точно такая же, как и в «Подслушано Кунгур». Это легко объясняется тем, что каждый из них с разной периодичностью приезжает в родной город, интересуется его жизнью, в нём остались их родственники, друзья и знакомые – данный вывод на поверхности.

В «Твоем Кунгуре» в среднем в день появляется около 20 публикаций. Преимущественно контент этой группы – новости о городских событиях, фотографии Кунгура, гораздо чаще встречается реклама, а также можно видеть множество репостов из других, менее популярных, сообществ, посвящённых Кунгуру. Вполне понятным является тот факт, что реклама набирает от 5 до 10 лайков, в то время как фотографии, являясь контентом, более интересным подписчикам, – 50–300. Крайне редко можно встретить комментарии и перепосты рекламных публикаций, чаще они бывают у информационных постов. Каждый вечер в группу выкладывается выпуск новостей «КунгурТВ» – ежедневное информационное производство местного телевидения. Количество просмотров – от 500 до 5000.

В отличие от «Подслушано Кунгур» с его типичным для групп данного типа содержимым, контент в «Твоем Кунгуре» более тяготеет к журналистско-новостному типу. Это говорит о том, что, как и в любом другом месте страны, горожан интересуют новости.

У данного сообщества существует также аккаунты в «Instagram» и «Twitter». На странице первого мы можем увидеть все ту же рекламу и те же фотографии, что и в самой группе. Однако у «Твоего Кунгура» больше подписчиков в Instagram», чем у «Подслушано Кунгур», – более 7 тысяч. Контент в аккаунте «Твоего Кунгура» в «Twitter» не обновлялся с июня 2017 г.

Обозревая группы «ВКонтакте» Кунгура, созданные и поддерживаемые простыми гражданами города, нельзя не упомянуть о ещё одной крупной группе – «**#нашкрай Кунгур**». В группе 21 512 подписчиков, 5 фотоальбомов с 387 изображениями, 34 видеозаписи в соответствующем разделе. В группе публикуется в среднем от 1 до 5 постов в день с неплохим количеством просмотров (в среднем 2,5 – 3 тыс.) и лайков (в среднем – от 8 до 50 и более), однако комментируются они нечасто. Очевидно, группа не ставит своей целью мотивировать жителей города к какой-нибудь значимой гражданской активности; её тематика – интересные места пейзажи, люди Кунгура. Она занимает свою информационную нишу и не соперничает ни с «Подслушано Кунгур», ни с «Твой Кунгур», ни тем более – со всей системой групп, руководимых Иваном Кунгуровым.

Итак, городское пространство Кунгура, обозреваемое прежде всего через крупнейшие группы в социальной сети «ВКонтакте», представлено здесь различными типами групп, имеющими разные задачи, разной величины аудиторию: группы газет «Искра» (12 760 подписчиков) и «Новости Кунгурского края» (4 285), телеканалов «КунгурТВ» (8 702 подписчика) и «Край-ТВ» (3 953), имеющие чётко выдержанный профессиональный журналистско-новостной контент, группа «Твой Кунгур» с новостями и фотографиями пользователей, с новостями от «КунгурТВ» (28712 подписчиков, более чем в два раза превышает число подписчиков публика газеты и в три с половиной – подписчиков канала), группа «**#нашкрай Кунгур**» (21512 подписчиков), и группа «Подслушано Кунгур» (с рекордным числом подписчи-

ков – 41588, данные везде – на 5 октября 2018 года) с контентом, типичным для «Подслушано» – откровения, признания, вопросы, потеряшки. Если судить по количеству подписчиков и по обилию комментариев – этот тип контента наиболее популярен и порождает наиболее оперативный и живой отклик пользователей. Однако вряд ли можно утверждать, что это единственный тип контента, нужный городу!

Заключение

Думается, что более правильный вывод – эти группы в «взаимодополняют» друг друга в социально-сетевом информационном пространстве Кунгура, и горожане нуждаются и в журналистской новости от групп газет «Искра» и «Новости Кунгурского края», и в «гражданской» непрофессиональной новости от «Твоего Кунгура», и в признавах от «Подслушано Кунгур». Вместе они наиболее полно удовлетворяют разнообразные информационно-коммуникативные нужды кунгуряков. Важно иметь в информационном пространстве Кунгура все эти городские медиа вместе, и отсутствие какого-либо из них станет чувствительной утратой, которая, очевидно, будет каким-то образом восполнена, ведь соответствующие потребности горожан останутся (так, чувствительным в советское и постперестроечное время было отсутствие в городских масштабах групп типа «Подслушано» и подобных и огромным коммуникационным прорывом стало их появление в 2008–2013 годах). Очевидно, что в этом плане Кунгур репрезентативен в качестве «среднего» города страны: именно сейчас в таких городах растёт новая культура информирования, новая аудитория и – новые городские медиа для обслуживания её информационно-коммуникативных нужд!

Список литературы

1. Антипина З.С. Районные газеты в социальных сетях // Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее. 2017. С. 113–125. URL: <https://elis.psu.ru/node/488593> (дата обращения: 17.09.2018).
2. Власова О.В. Развитие критического мышления посредством работы с видео на занятиях иностранного языка // Евразийский гуманитарный журнал. № 1, 2017. С. 83–88.
3. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений // Минстрой России. 2016. URL: <http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/165/sp-42.pdf> (дата обращения: 17.09.2018).
4. Градюшко А.А. Приёмы использования инструментов социальных медиа в современной региональной веб-журналистике Беларуси // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2015. № 5 (360). С. 9–14.
5. Зеленцов М.В. Городские медиа: условия функционирования // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск, 2015. Т. 4. № 3. С. 262–272.
6. Куличкина Г.В. Массовая работа с аудиторией как фактор устойчивого развития современной региональной прессы (на примере муниципальной прессы Пермского края) // Филология в XXI веке. 2018. Выпуск 1 (1). С. 88–94. URL: <http://rpf.psu.ru/archive/2018phylol.pdf> (дата обращения: 17.09.2018).
7. Лефевр А. Производство пространства. Пер. с фр. Москва: Streike Press, 2015. 432 с.
8. Новые городские медиа в медиаландшафте России. 1–2 июня 2018 года, Пермь. Сайт конференции. URL: <http://urbanjournalism2018.tilda.ws> (дата обращения: 17.09.2018).
9. Определены победители конкурса «Журналистская весна – 2018» // Перминфоком. 14 мая 2018 года. URL: <http://perminfo.com/opredeleny-pobediteli-konkursa-zhurnalisteskaya-vesna-2018/> (дата обращения: 17.09.2018).
10. Пустовалов А.В. Соцсетевой ландшафт Пермского края // Знак. Проблемное поле медиаобразования. Челябинск, 2017. № 2 (24). С. 82–86. URL: https://znak-journal.jimdo.com/app/download/9078563984/2017_2_24.pdf?t=1499964207 (дата обращения: 17.09.2018).

Pustovalov A. V.

Ph.D. (Philology),

*Associate Professor of the Department
of Journalism and Mass Communication,
Perm State University*

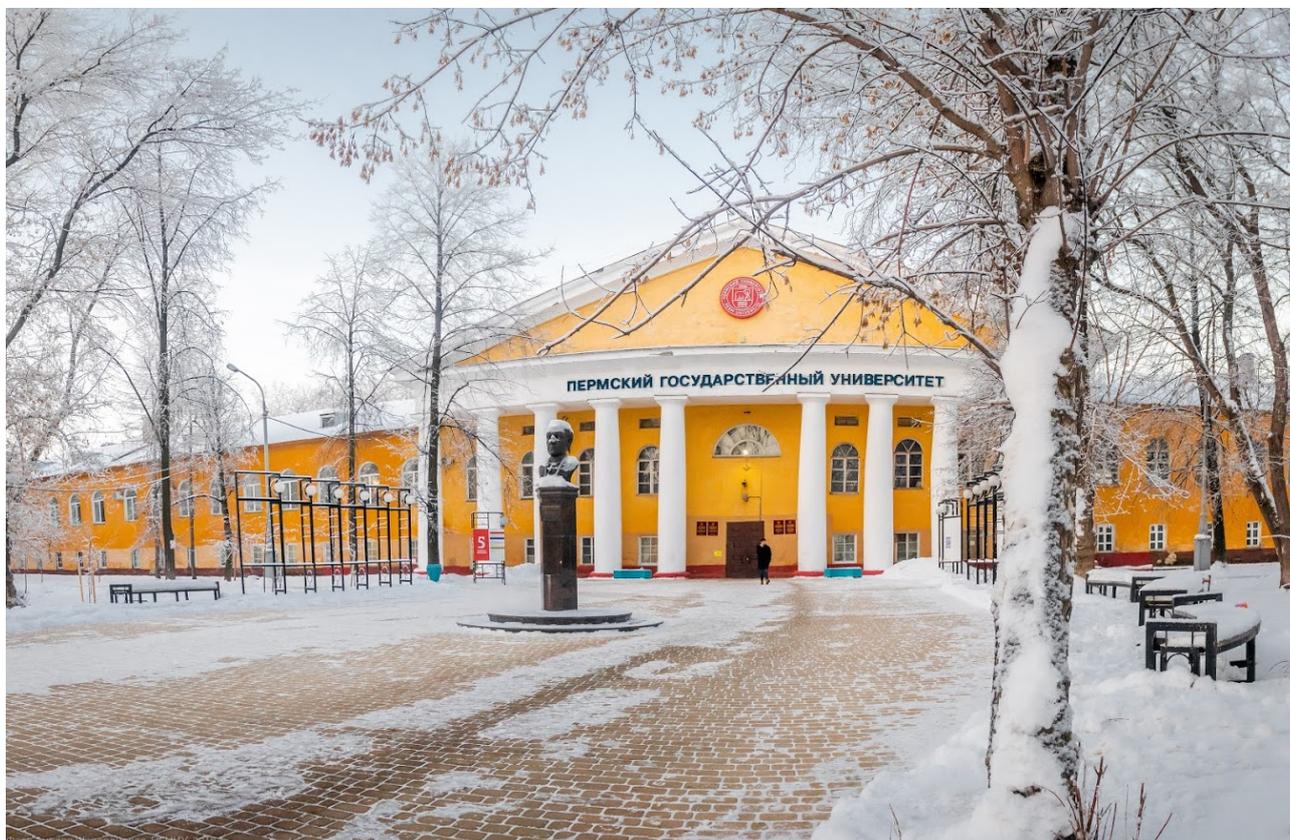
Mikheeva E. I.

*Master's Student of the Department of Journalism
and Mass Communication,
Perm State University*

**THE PROBLEMATICS OF THE «AVERAGE» CITY IN LOCAL URBAN MEDIA
(ON THE EXAMPLE OF THE «VKONTAKTE» GROUPS OF «ISKRA» NEWSPAPER
AND «KUNGUR-TV», «OVERHEARD KUNGUR», «YOUR KUNGUR»)**

The article explores the specifics of the most significant Kungur groups of «VKontakte», one of the "average" and – in its own way – typical cities of the Perm Krai. An attempt is made to consider these groups as new urban media – with reference to the recently emerging concept; their role in the production of the space of modern Russia is indicated. The groups of local mass media, «Iskra» newspaper and «KungurTV» channel, as well as groups representing citizen non-professional journalism, «Your Kungur» and «Overheard Kungur». Conclusions are drawn about the specific tasks of each type of group and the complementarity in terms of their functions in the information space of the city of Kungur.

Keywords: new urban media; social network; «VKontakte» information and communication groups; «Iskra»; «KungurTV»; «Overheard Kungur»; «Your Kungur».

УДК 070:316

Пустовалов Алексей Васильевич

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396 621
E-mail: theyareeverywhere@gmail.com

Некрасова Людмила Игоревна

магистрант кафедры журналистики и массовых коммуникаций,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Тел.: 8 (342) 2396 621
E-mail: lu.nekrasova@mail.ru

МЕДИАКОНТЕНТ ВЕРЕЩАГИНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

В данной работе исследуется информационное пространство Верещагино – малого города Пермского края, участниками которого являются две информационно-коммуникативные группы («Подслушано Верещагино» и «Life in Верещагино!») и две районные газеты («Заря» и «Верещагинский вестник»). В качестве главной площадки, где соперничают два этих типа медиа, выступает социальная сеть «ВКонтакте»; делается попытка осмыслить их в рамках понятия «новые городские медиа». Делаются выводы о «взаимодополняемости» двух разных типов групп в городском информационном пространстве Верещагино.

Ключевые слова: районные газеты, социальные сети, мультимедийность, медиаконтент, новые городские медиа, группы «ВКонтакте», газета «Заря», газета «Верещагинский вестник», «Подслушано Верещагино», «Life in Верещагино!».

Введение

Развитие интернет-технологий и информационно-компьютерной среды привело к структурным и содержательным изменениям СМИ. Это касается не только больших и популярных изданий, но и всей информационной среды небольшой территории. Веб-технологии преобразуют СМИ в особый информационно-коммуникационный канал, который стремится представить аудитории разнообразный мультимедийный контент.

Для небольших районных газет переход в Интернет является непростым процессом. Трудностью является выбор площадки, на которой можно создать онлайн-версию издания, так как в небольших городах, специально созданные сайты редко пользуются популярностью. В основном газеты создают свои паблики в социальных сетях, придавая им статус главного веб-представительства.

Основная часть

Сегодняшняя картина в регионах – это картина динамично меняющегося, конкурентного медиапространства. На примере Пермского края мы видим, что если в прошлом безусловными лидерами его районов были местные газеты, то сегодня с ними успешно соперничают группы «ВКонтакте» информационно-коммуникативного характера (типа «Подслушано ...», «Мой город ...» и подобные). И зачастую в этом противоборстве победителями выходят не прежние монополисты, а именно группы «ВКонтакте» – более оперативные в публикации

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 18-412-590008 p_a «Новые городские медиа в локальном коммуникативном пространстве».

важных для городского сообщества новостей, на порядок более активно работающие со своими подписчиками и покрывающие более разнообразные и объёмные сегменты местной аудитории. Вместе с такими изданиями, как «The Village», «Бумага» в Санкт-Петербурге, «It's My Sity» в Екатеринбурге, «Downtown» в Воронеже, «Владивосток-3000», «Bigvill» в Самаре, «The Province» в Иркутске, «NN-Stories» в Нижнем Новгороде, «Звезда» и «Техт» в Перми, «Sabotage» в Волгограде, «Томский Обзор», «Public Speech» в Омске и другими, крупнейшие группы в каждом из регионов страны, широко представляя их проблематику, вполне успешно претендуют на вхождение в парадигму «новых городских медиа».

Эта проблема сегодня изучена прежде всего со стороны районных газет края: исследователи З.С. Антипина и В.А. Салимовский проанализировали их состав и типологию [Антипина, Салимовский, 2017]; З.С. Антипина изучила представительства районных газет в соцсетях [Антипина, 2017], Г.В. Куличкина рассмотрела работу с аудиторией (в том числе онлайн) как фактор развития региональной прессы [Куличкина, 2018]. К вопросу о продвижении новостей провинциальных изданий в соцсетях обращается, в частности, А.А. Градюшко [Градюшко 2015]. Однако пока что было принято не так много попыток серьёзного научного осмысления пермских информационно-коммуникативных групп в социальной сети «ВКонтакте» – с точки зрения их тематики, структуры, функций, а также степени влияния на аудиторию и места на новостном рынке Пермского края.

Мы сделали попытку рассмотреть эту проблему, обозначив её для районов Пермского края максимально широко [Пустовалов, 2017]; в последующих работах нами планируется углубить это исследование при обращении к конкретным примерам – деятельности наиболее значимых информационно-коммуникационных групп больших, средних и малых городов Пермского края.

Сегодня мы уже можем наблюдать процесс «децентрализации СМИ» и «развитие процесса урбанистики», когда «начинает возникать полноценное явление медиаполиса – города, насыщенные коммуникациями, информационными структурами, а также людьми, которые массово втянутыми в городской медийный процесс [Зеленцов, 2015, с. 264]. Всё это предстаёт в качестве «первоосновы» общественного мнения»; люди при этом являются не только потребителями контента, «но и субъектами, лидерами мнений» [Там же]. Даётся определение понятию «городские медиа» как «единой системы классических СМИ и медийных платформ городского центра» [Там же, с. 266], к которым относятся блогосфера, социальные сети, общественно-политические, новостные, развлекательные медиа, медиа в стилистике *life style* и «нишевые» медиа [Там же, с. 268]. Поддерживая мнение М.В. Зеленцова, мы считаем возможным отнести информационно-коммуникационные группы «ВКонтакте», активно участвующие и влияющие на процессы урбанизации, к городским медиа.

Министерство регионального развития Российской Федерации в своём Своде правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» выделяет в зависимости от численности населения следующие группы городов и населенных пунктов: крупнейшие (свыше 1 млн. чел.); крупные (от 250 до 1 млн. чел.); большие (от 100 до 250 тыс. чел.); средние (от 50 до 100 тыс. чел.); малые (от 10 до 50 тыс.) [Градостроительство... 2016].

В нашем исследовании мы обращаемся к информационным процессам типичного малого города Пермского края – Верещагино, население которого в 2017 г. составляло 22 194 чел. Основу экономики города составляют предприятие «Верещагинский трикотаж», завод по ремонту путевых машин и производству запчастей и завод ЖБК.

Для исследования нами выбраны информационные паблики газет Верещагинского района «Заря» (группа «Газета “Заря”» <https://vk.com/public71941325>) и «Верещагинский вестник» (группа «Верещагинский вестник» https://vk.com/ver_vestnik), а также самые многочисленные и популярные в районе группы в социальной сети «ВКонтакте»: «Подслушано Верещагино» (<https://vk.com/podslushanover>) и «Life in Верещагино!» (<https://vk.com/public66538013>).

Для анализа информационных платформ нами были выделены следующие параметры: (1) количество и демография подписчиков, (2) основные темы и форматы публикаций, (3) наличие медийного контента, (4) способ осуществления обратной связи, (5) наличие и характер комментариев.

Кроме того, в процессе работы были взяты интервью у главного редактора «Зари» и администратора паблика «Подслушано Верещагино».

Почему районным газетам трудно выйти в онлайн?

Во-первых, целевая аудитория районных газет – люди, которые привыкли читать, в основном, на бумаге (подписка или покупка в магазинах). Во-вторых, нет хороших специалистов, кто мог бы полностью заниматься разработкой и наполнением сайта. При этом следует учитывать, что в некоторых районах доступ в Интернет бывает затруднён, несмотря на программу информационной доступности в малонаселённых пунктах. В-третьих, необходимо понимать систему «монетизации» контента: если печатное издание хочет перейти в интернет, необходимо научиться зарабатывать на этом. В современном информационном обществе данную практику проводят только крупные издания. Поэтому районным СМИ проще иметь площадку в социальной сети, публикуя на ней часть материала, остальное печатать в газете.

Медиаконтент в районных СМИ

Выходя в онлайн, печатные СМИ должны стремиться соответствовать стандартам, которые задают интернет-технологии.

Районная газета «Заря» начала выходить 13 декабря 1930 года, тогда она называлась «Ленинский ударник»; в 1960-х годах была переименована в «Зарю коммунизма», в 1990-х – в «Зарю». Тираж газеты – 3000 экземпляров. Она неоднократно и в различных номинациях являлась победителем крупнейшего краевого конкурса «Журналистская весна»: в 2000, 2010, 2011, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 годах. Кроме распространения печатных экземпляров, есть виртуальный канал – группа «Электронная версия газеты “Заря”» (<https://vk.com/public71941325>). Кредо газеты: «Мы всегда стремимся к расширению границ нашего общения. Оперативно и актуально, ярко и достоверно, для детей и взрослых! Мы – создаём, Вы – читаете, думаете и размышляете! Газета, которая всегда с вами!». Количество подписчиков составляет 3 279 человек. Группа «ВКонтакте», как и печатное издание, рассчитана на жителей всего района, их аудитория составляет: 50% читателей – пенсионного возраста, примерно 35 % – от 35 до 55 лет, 15 % – молодёжь и школьники (по данным редактора газеты).

Паблик не преследует собственных задач, не позиционирует себя в качестве отдельной самодостаточной информационной площадки. Заявляемая цель – привлечь как можно больше подписчиков для газеты. В группе выделены следующие подразделы: *Поздравляем, Дети нового века, Спортивный городок, События дня, Актуально, Мы о себе, Реклам Рекламыш, Афиша, Вакансии*. Каждый опубликованный текст сопровождается фотографией. Помимо журналистского контента, в группе есть публикации обычных граждан: сюда может написать любой желающий, и после модерации текст может быть опубликован в паблике (например, с обращением «Благодарные Жители, п. Зюкайка»). В группе представлены фотоальбомы, отражающие основные события, которые происходят в регионе («Бессмертный полк», «Пасхальная ярмарка», «Фестиваль “Весенняя капель”»). Всего в группе 872 фотографии в 24 альбомах (гораздо больше и разнообразнее, чем в крупнейших городских группах «Подслушано Верещагино» и «Life in Верещагино!»). В группе опубликован один видеосюжет, посвященный промышленности Верещагинского района.

В 2018 г. была открыта рубрика «Пятница с “Зарей”»: народный контроль», в рамках которой представители редакции выезжают в деревни, встречаются с жителями, которые рассказывают обо всех сторонах своей жизни, стремятся помочь решить их проблемы, продвигают народных умельцев, собирают вещи для малоимущих. По словам редактора газеты, данная «оффлайновая» деятельность СМИ не отражается в группе «ВКонтакте». При этом медиаконтент, размещаемый на странице сообщества, включает следующие основные элементы: заголовок, подзаголовок, автора публикации, иллюстрацию, дату и время публикации.

Районная газета «**Верещагинский вестник**» (год создания – 2004, выходит еженедельно, по пятницам), возможно, больше популярна у читателей. Она выходит тиражом 3500–4000 экземпляров. Газета неоднократно являлась победителем конкурса «Журналистская весна»: в 2013, 2014, 2015, 2016, 2018 гг.

Группа «Верещагинский вестник» «ВКонтакте» насчитывает 7 941 участника (https://vk.com/ver_vestnik). В отличие от группы газеты «Заря», паблик более развит. В нём представлены блок с товарами, обсуждения, видеозаписи, стена открыта для всех. Редакция «Вестника» запустила «оффлайновый» проект «Лето в кроссовках», начиная с 19 июня и до начала сентября 2018 г., все желающие приглашались на еженедельные тренировки. В группе в соцсети публиковались расписания тренировок, фотографии, видео, промежуточные результаты. Итогом стало формирование команды «Верещагино 120», которая приняла участие в Пермском международном марафоне. Мероприятие оказалось популярным и востребованным, поэтому было принято решение продолжить тренировки и публикация материалов по данной теме в группе.

В контенте преобладает культурная и спортивная тематика, публикуются рекламные сообщения. Издание сотрудничает с администрацией города, учреждениями дополнительного образования, районными предприятиями. На странице сообщества располагаются фотоальбомы, посвящённые разным конкурсам и событиям («Конкурс народного признания», «Питомцы и их хозяева», «Фоторепортаж 9 мая» – всего 2 017 фотографий в 70 альбомах); видеорепортажи («Бал у паровоза», Акция «Помоги собраться в школу» – всего 52 видеозаписи). Однако отсутствуют аудиозаписи, новые форматы публикаций (например, «Статья ВК»), раздел «Ссылки» имеет 17 наименований. Медиатексты включают такие элементы: иллюстрацию, дату и время публикации, видео, систему тегов.

Оба районных городских СМИ предоставляют возможность жителям самим формировать контент, предлагать новости, писать посты. Периодически проводятся оффлайновые мероприятия, однако техническое развитие и оформление контента не является приоритетным.

Как мы уже указали, в городе Верещагино проживает 22194 человек (2017). Наиболее популярные среди жителей паблики «Подслушано Верещагино» и «Life in Верещагино!» насчитывают 20180 подписчиков и 28650 подписчиков соответственно, то есть их число соотносимо с количеством жителей города: в первом случае их меньше, в другом – на 8 тысяч больше! Простое сравнение с количеством экземпляров газет «Заря» и «Верещагинский вестник» (3000 экз. и 3279 подписчиков – в первом и 3500–4000 экз. и 7830 подписчиков – во втором) показывает перевес «Подслушано Верещагино» и «Life in Верещагино!». Можно заключить, что влияние этих групп на общественное мнение города весьма существенно. Кроме того, это говорит и об интересе к жизни в городе подписчиков в других городах, следящих за верещагинскими новостями.

Группа «Подслушано Верещагино» (<https://vk.com/podslushanover>) ориентирована на жителей города и близлежащих деревень, носит развлекательный, информативный характер (из интервью с Кириллом Кошелевым, администратором сообщества).

Группа рассчитана на аудиторию 18+ (это написано в статусе). Сообщество позволяет высказаться о тех проблемах, которые связаны только с городом и районом, и услышать мнения других. Администраторы поддерживают связь с отделом полиции, администрацией города. Группа сотрудничает с порталом «Progorod59.ru» и «Центром Кино и Досуга», с целью оповещения жителей города и района о запланированных мероприятиях. В день публикуется 20–30 постов. Из них 3–5 носят рекламный характер. Большой популярностью пользуется рубрика, посвященная пропаже/находке домашних животных.

В паблике обсуждаются городские и районные проблемы (состояние дорог, зарплата и отсутствие нормальной работы, сфера ЖКХ); личные вопросы; мнения жителей города. Разговор ведётся максимально неформально, здесь мы найдём множество примеров социально окрашенного языка, функционирующего в конкретном городском пространстве (что вполне может стать предметом отдельного изучения для специалистов (см., напр.: [Ерофеева, 2017]).

Чтобы оценить интерес аудитории к материалам на сайте, был осуществлён мониторинг количества комментариев, просмотров, лайков и репостов на медиатекстах. В среднем, пост в сообществе набирает (июнь–сентябрь 2018 г.): просмотров – 3700, лайков – 50 (более 100

набирают посты про пожилых людей, работу администрации, социальные вопросы), репостов – от 0 до 35 и комментариев – от 0 до 212.

Несмотря на то, что группа рассчитана на молодёжную аудиторию, большинству пользователей от 35 до 45 лет (15,7 %), на втором месте от 30 до 35 лет (13,5 %), на третьем месте от 27 до 30 лет (7,7 %).

География пользователей: Пермь (33 %), Очер (5 %), Верещагино (46 %), другие (12 %). Кроме того, группу просматривают из Нидерландов (0,04 %), Украины (0,06 %), Беларуси (0,06 %), Казахстана (0,09 %).

Медиаконтент в основном включает фотографии. По словам администратора группы, у них есть договор на публикацию чужих профессиональных фото и договор с городским архивом на публикацию фотографий 1960–1990-х гг.

Большую часть составляет пользовательский контент.

В группе нет альбома для видео. Данный контент встречается крайне редко – в основном в комментариях пользователей. Аудиофайлы также отсутствуют. Много изображений, картинок из Интернета, носящих юмористический характер.

Группа «**Life in Верещагино!**» (<https://vk.com/public66538013>) имеет подзаголовок «Уникальный поток людских откровений» и интересную аватарку. В описании читаем: «В каждом городе есть свои легенды. На каждой улице есть свои персонажи. В каждой голове есть свои мысли. Мы узнаем о них здесь и сейчас». Описание не обманывает ожиданий читателя: в группе находим множество любопытных историй, зарисовок, откровений, отражающих то, что происходит в жизни Верещагино в данный момент.

Здесь не публикуется реклама. В день в ленте новостей появляется 2–7 текстовых постов, чья тематика ближе к типу «Подслушано», чем к тематике информационно-коммуникативной группы типа «Мой город...» (истории, признания, вопросы, объявления и другое).

Достаточно редко к текстам постов добавляется медиаконтент в виде фото, видео, изображения (тогда как большинство текстов в газетных пабликах сопровождается иллюстрациями). Все визуальные составляющие публикуются в пяти альбомах («Досуговая жизнь города», «Верещагино в фото», «День Победы в Верещагино», «Первомай в городе Верещагино», «Город, которого нет»), включающих 427 фотографий. В разделе «Видеозаписи» представлено всего 8 видео, что говорит об ограниченном интересе к этому жанру администраторов и подписчиков группы.

Несмотря на то, что в паблике больше подписчиков, чем в «Подслушано Верещагино», количество просмотров постов в разы меньше. Так, самый просматриваемый пост содержал в себе текст и медийную составляющую – видео, на котором запечатлели пожар в торговом центре. Публикация набрала 1600 просмотров в группе, отдельно видео посмотрели 33292 человека, лайков – 13, репостов – 1, комментариев к посту – 21.

В целом, материалы имеют развлекательный характер и вдохновляют на позитивный настрой.

В группах – представителях городских СМИ преобладает профессиональный контент, который создает редакция. В информационных сообществах, которые не являются зарегистрированными СМИ, преобладает любительский контент, авторами которого выступают подписчики группы.

Обе крупнейшие информационно-коммуникативные группы района («Подслушано Верещагино» и «Life in Верещагино!») очень хорошо реализуют себя в формате традиционного «Подслушано» и, имея на значительный перевес и в охвате аудитории, и в частоте постов, не особенно стремятся, однако, конкурировать с группами газет («Заря» и «Верещагинский вестник») в чисто новостных и мультимедийных жанрах. Представляется, что соперничество двух типов медиа в Верещагино не является антагонистическим: напротив, объединив журналистский профессионализм в подаче новостей и визуальных жанров вторых – с постоянной обратной связью с аудиторией в почти непрерывной новостной ленте, мы получили бы идеальное городское медиа.

Заключение

Интернет-ресурсы, являющиеся мультимедийной платформой районных СМИ, а также информационными городскими пабликами, требуют свежих, творческих способов подачи информации, основанных на использовании современных технологий визуализации медиаконтента. И мы понимаем, что активность в этом плане требуется не только от профессиональных журналистов, но и от журналистов «гражданских», ведущих информационно-коммуникативные группы в крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте».

Список литературы

1. Антипина З.С. Районные газеты в социальных сетях // Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее Пермь, 2017. С. 113–125. URL: <https://elis.psu.ru/node/488593> (дата обращения: 17.09.2018).
2. Антипина З.С., Салимовский В.А. Пермские районные СМИ: состав и типология // Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее. Коллективная монография / Под ред. Л.Л. Черепановой. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2017. С. 26–30. URL: <https://elis.psu.ru/node/488504> (дата обращения: 17.09.2018).
3. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений // Минстрой России. 2016. URL: <http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/165/sp-42.pdf> (дата обращения: 17.09.2018).
4. Зеленцов М.В. Городские медиа: условия функционирования // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск, 2015. Т. 4. № 3. С. 262–272. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-media-usloviya-funktsionirovaniya> (дата обращения: 17.09.2018).
5. Ерофеева Т.И. Лингвистика городского пространства в методическом ракурсе рассмотрения // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 79–82.
6. Куличкина Г.В. Массовая работа с аудиторией как фактор устойчивого развития современной региональной прессы (на примере муниципальной прессы Пермского края) // Филология в XXI веке. 2018. Выпуск 1 (1). С. 88–94.
7. Пустовалов А.В. Соцсетевой ландшафт Пермского края // Знак. Проблемное поле медиаобразования. 2017. №2 (24). С. 82–86. URL: https://znak-journal.jimdo.com/app/download/9078563984/2017_2_24.pdf?t=1499964207 (дата обращения: 17.09.2018).

Pustovalov A. V.

Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of Journalism and Mass Communication, Perm State University

Nekrasova L. I.

Master's Student of the Department of Journalism and Mass Communications, Perm State University

MEDIA CONTENT IN THE URBAN MEDIA OF SMALL CITIES OF THE PERM REGION (ON THE EXAMPLE OF THE NEWSPAPER «ZARYA», «VERESHCHAGINSKY VESTNIK» AND INFORMATION CITY GROUPS «LIFE IN VERESHCHAGINO!», «OVERHEARD VERESHCHAGINO»)

Annotation: the article deals with the information space of Vereshchagino, a small town in Perm Krai, with its two information and communication groups («Overheard Vereshchagino» and «Life in Vereshchagino!»), and two regional newspapers («Zarya» and «Vereshchaginsky Vestnik»). The social network «VKontakte» is analysed as the main platform, where these two types of media compete; an attempt is made to comprehend them within the framework of the concept of «new urban media». Conclusions are drawn about the complementarity of two different types of groups in the urban information space Vereshchagino.

Keywords: district newspapers; social networks; multimedia; media content; new urban media; «VKontakte» groups; «Zarya» newspaper; «Vereshchaginsky Vestnik» newspaper; «Overheard Vereshchagino»; «Life in Vereshchagino!».

УДК 81

Красноборова Людмила Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

614099, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Тел.: 8 (342) 2396 306

E-mail: lokr@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ПЕРЕВОДА (ESIT) УНИВЕРСИТЕТА ПАРИЖ III (НОВАЯ СОРБОННА)

В статье рассматриваются методические приемы, используемые для подготовки переводчиков в Высшей школе перевода (ESIT). Основой методологического подхода является интерпретативная теория перевода, авторами которой являются Д. Селескович и М. Ледерер. Применение такого подхода обеспечивает высочайший уровень профессиональной подготовки переводчиков-синхронистов, выпускаемых ESIT.

Ключевые слова: интерпретативная теория перевода, устный перевод, дидактика устного перевода, последовательный перевод, синхронный перевод.

Введение

Статья представляет собой попытку осмысления опыта, приобретённого в рамках двухнедельной стажировки в Высшей школе перевода Университета Париж III (Новая Сорбонна), предназначенной для преподавателей российских вузов, занимающихся подготовкой переводчиков. Речь идёт о знакомстве с дидактическим подходом к обучению устных переводчиков. Основы его получили своё оформление в интерпретативной теории перевода, или теории «смыслов», авторами которой являются Даница Селескович и Марианна Ледерер. Дидактический подход, авторы которого изложили в двух основных трудах «Interpréter pour traduire» и «Pédagogie raisonnée de l'interprétation», актуален в настоящее время, а его эффективность подтверждена высоким уровнем профессионализма выпускников Высшей школы перевода, успешно реализующих себя в качестве синхронных переводчиков по всему миру.

Университет Париж III Новая Сорбонна – французский государственный университет, специализирующийся в области литературы, языков, театрального искусства и коммуникаций. Высшая школа перевода, функционирующая в данное время при Новой Сорбонне, была основана в 1957 г. Направления, существующие в данном учебном заведении, следующие: 1) синхронный перевод; 2) письменный перевод; 3) сурдоперевод; 4) научные исследования в сфере перевода.

Высшая школа перевода (École supérieure d'interprètes et de traducteurs) – уникальное явление в системе образования Франции. Уровень подготовки, «предъявляемый» выпускникам устного отделения – высочайший и определяется не только объективными баллами, но и готовностью членов приёмной комиссии сесть на следующий день с экзаменуемым выпускником в кабину синхронного перевода. Залогом успеха являются абсолютно сознательное отношение студентов к обучению, их ежедневная внеаудиторная подготовка, постоянное знакомство с событиями международной жизни, чтение прессы, работа в библиотеке, подготовка объёмных сообщений на различные темы. Выпускники ESIT быстро находят работу, реализуя себя в качестве устных переводчиков в различных международных организациях или принимая участие в заседаниях Еврокомиссии, Европарламента, Совета ЕС, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, Организации экономического сотрудни-

чества и развития, многочисленных подразделений ООН, НАТО, ЮНЕСКО и других. Существует также частный сектор перевода: работа на конгрессах и международных конференциях в технической, научной, экономической областях, участие в двусторонних переговорах.

Отделение синхронного перевода имеет фундаментальную методическую основу, представленную в указанных выше работах. Д. Селескович и М. Ледерер изложили основы методики подготовки устных переводчиков, которая основана на многолетнем опыте обучения студентов этой школы. Английский и французский языки – обязательный компонент языковой комбинации для обучающихся в ESIT. Языки, входящие в языковую комбинацию обучающихся: французский, английский, немецкий, арабский, китайский, испанский, итальянский, русский, португальский.

Основная часть

Если кратко представить подход, применяемый в обучении синхронистов, он может быть сформулирован так: переводить не слова, а смысл сообщения. Авторы сформулировали эту мысль следующим образом: «*Bien qu'il existe des correspondances à tous les niveaux des langues, marques morphologiques, syntagmes, règlessyntaxiques, motivations lexicales, sémantisme, ces correspondances ne constituent pas une méthode d'interprétation. Celle-ci établit des équivalences de sens*» [Seleskovitch, Lederer, 1989, p. 6]. В трудах названных ученых излагаются не только последовательно сменяющие друг друга этапы обучения устному переводу, но и обозначены условия приёма кандидатов на обучение. Предпочтение рекомендуется отдавать поступающим, имеющим за плечами какой-либо профессиональный опыт – журналиста, юриста, инженера,

– а не новоиспеченным выпускникам университета: «*Il est concevable de condenser une formation s'adressant à des candidats ayant non seulement achevé des études universitaires mais ayant déjà exercé un métier (journaliste, juriste, ingénieur, etc.)*» [Ibid.]. В этом состоит специфика отделения устного перевода, поскольку будущие профессиональные синхронисты должны прежде всего владеть реалиями социальной, международной жизни, политической сферы. В настоящее время приём абитуриентов осуществляется в магистратуру, то есть предусмотрено обучение в течение двух лет. Однако срок обучения – два года – не является неизменным условием для подготовки успешного переводчика, так как определяющим является уровень мастерства, достигнутого выпускником: «*La qualité d'une formation se juge à son produit non à sa durée. Une formation longue peut être mauvaise, une formation courte excellente et inversement. Seul le niveau atteint à la sortie permet d'en juger*» [Ibid.]. Так, в течение стажировки мы имели возможность общаться со студентами, многие из которых повторяли первый или второй год обучения. Их целью было достижение такого уровня владения методикой устного перевода, который позволил бы им успешно сдать экзамен по окончании первого или второго года магистратуры.

Существует ещё одно важное условие для поступления на отделение устного перевода, которое является обязательным – проживание в стране изучаемого языка не менее одного года. Отличительной особенностью обучения в Высшей школе перевода является отсутствие каких-либо сборников текстов, учебников, поскольку большинство печатных материалов теряют достаточно быстро свою актуальность. Методика обоснованна, многократно апробирована и представлена авторами. Что касается материала для занятий, то им служат ежедневные газеты, свежие номера которых обучающиеся могут брать на входе в здание университета каждое утро, а также аутентичные документы, материалы конференций государственных и международных организаций.

Совершенно естественно, что всю программу обучения, рассчитанную на два года, невозможно представить за две недели стажировки, однако в очень сжатом виде ознакомить с основными методическими приёмами, упражнениями, применяемыми в школе перевода, стало возможным, и это было чрезвычайно полезным и продуктивным для нас.

Этапы обучения устному переводу многократно описаны в различных источниках и соответствуют главному методическому принципу обучения от простого к сложному: а) выполнение одноязычных упражнений; б) последовательный перевод без краткой записи; в) последовательный перевод с краткой записью; г) перевод с листа; д) синхронный перевод. Рассмотрим последовательно основные этапы, сопровождая описанием тех видов деятельности, которые были выполнены на занятиях.

На первой, подготовительной, стадии обучения важное место занимает деятельность, связанная с интерпретацией текста на языке *A* и *B*. Любое устное сообщение рассматривается как источник информации, которую необходимо понять. Для этого прорабатываются одноязычные упражнения: извлечение смыслов, составление плана текста, восстановление текста по плану, воспроизведение услышанного текста, резюмирование текста в 1-2 предложениях. На этом этапе обучающиеся формируют умение извлекать смысл из устного сообщения и отделять главную информацию от второстепенной. Такая практика является необходимостью до тех пор, пока она не будет доведена до автоматизма. Источниками информации служат статьи, сообщения из прессы, освещающие текущие события и адресованные широкой публике. Это должны быть сообщения, построенные в соответствии с понятной логикой, не содержащие сложных понятий из специализированных областей. Время звучания сообщения составляет от одной до двух минут. Активно практикуются одноязычные упражнения типа «перевод» с языка *A* на язык *A* (переформулировка сообщения), цель которых – обучение быстрому поиску необходимых средств в родном языке для формулирования идей, активизация, пополнение словарного запаса будущего переводчика, повышение грамотности речи. Последнему аспекту в этом учебном заведении уделяется большое внимание: словосочетания, вызванные языковой интерференцией; во время анализа работы студента «кальки» подвергаются жёсткой критике.

Очень важным является требование к тому, чтобы воспроизводящий сообщение сконцентрировался на выражении намерения говорящего, уловив нюансы его логики, и не привносил своей информации, которая может показаться ему вполне уместной или даже вытекать из логики сообщения, но которая в нём отсутствовала. Как показала практика, такое подтягивание смысла свойственно практически всем обучающимся.

Авторы методики обучения устному переводу указывают на ещё один важный компонент, который должен стать неотъемлемым элементом деятельности устного переводчика. Это необходимость в момент работы отбросить все мешающие мысли и любые оценки, которые могут быть связаны с акцентом говорящего, индивидуальными особенностями его речи, восхищением красотой речи говорящего, выбором языковых средств сообщения, одним словом, всё то, что отвлекает от главной цели – понимания намерения говорящего, концентрации на смысле его сообщения: «*Ce n'est pas en adoptant une attitude physique, traits tendus et poings serrés, que l'on obtient un effet de concentration, c'est en évitant de porter l'attention sur des éléments non pertinents. Écouter l'accent d'un orateur («il doit être de Toulouse», ou, pour quelqu'un parlant anglais: «c'est un Néerlandais!»), entendre les tics de langage (la répétition de n'estcepas, de euh, euh) est non pertinent et détourne de l'objectif qui est d'entendre le sens. Admirer l'élégance d'une parole, le choix des mots, a le même effet*» [Seleskovitch, Lederer, 1989, p. 17]. Рефреном звучит постулат, который провозглашается как один из основных в ESIT, – «Оратор всегда прав!»

Авторы методики указывают на необходимость сконцентрироваться на смысле, абстрагируясь от слов. В повседневном общении мы внимательно слушаем собеседника, не фиксируя при этом слова, мы даже можем их забыть, но мы понимаем и знаем, что он сказал, и это приоритетно: «*Le sens marque la mémoire de façon relativement durable. On écoute attentivement un locuteur; si on oriente bien son attention, on oublie les mots qu'il a prononcés, mais on sait ce qu'il a dit. Ce jeu de la mémoire, normal en situation d'interlocution, doit être exploité au maximum en interprétation*» [Seleskovitch, Lederer, 1996, p. 190]. В данном случае авторы различают словесную память и смысловую память. Последняя позволяет без труда выразить мысль

говорящего на другом языке, тогда как словесная память замыкает сознание обучающегося на произнесённых формах, лишая его свободы «перевыражения».

В процессе подготовки устных переводчиков очень важно сформировать у них умение понимать, что стоит за сказанным именно в данной ситуации, в данный момент времени и какой смысл вкладывает именно этот выступающий в своё сообщение. Если принять во внимание экстралингвистическую составляющую, которая имплицирована в сообщении, его смысл не равен содержанию сообщения с точки зрения языковой, которое проистекает только из лексических значений слов: «...à elle seule la connaissance d'une langue ne suffit pas à faire comprendre un sens» [Seleskovitch, Lederer, 1996, p.188]. Именно поэтому авторы методики предлагают работать с сообщениями, смысл которых будет понятен полностью лишь при том условии, что студенты будут владеть информацией относительно того, при каких условиях оно было произнесено, кем, когда, в каком окружении и с какой целью, что ему предшествовало. Знание внеязыковых реалий, обстоятельств и соотнесение их с высказыванием позволит обучающимся верно интерпретировать смысл сообщения.

Следующим этапом нашей обучающей стажировки стал последовательный перевод без записи, а затем с краткой записью. Основной целью этого этапа остаётся формирование важнейших компетенций устного переводчика: тренировка рабочей памяти, понимание смысла высказывания с учётом экстралингвистической составляющей, передача этого смысла средствами другого языка, умение выступать на публике, высокий уровень стрессоустойчивости. Важнейшим моментом, обеспечивающим успешную работу переводчика, является его предварительная подготовка, которая заключается в ознакомлении с темой выступления, с основополагающими понятиями, функционированием области знания или сферы, в которой предстоит работать переводчику, а также прогнозировании того, о чём пойдёт речь в выступлении, исходя из заявленной темы. Мозговой штурм, который используется в этом случае, позволяет активизировать внеязыковые элементы, которые с большой долей вероятности встретятся в деятельности переводчика (аббревиатуры, имена собственные). В этом случае целесообразно зафиксировать для себя те результаты поиска, к которым пришел обучающийся в результате брейнсторминга (от английского brainstorming).

Подход, который был сформулирован авторами методики обучения устному переводу, к вопросу о краткой записи, применяется в ESIT по сей день. Нет единой «системы» записи; каждый переводчик разрабатывает свою индивидуальную систему краткой записи, в которой отражается его личный когнитивный багаж и которая служит на момент перевода опорой для восстановления воспринятого сообщения: «...les notes de consécutives ont par nature personnelles et fugaces, support de souvenirs et non transcription d'informations» [Seleskovitch, Lederer, 1989, c. 45]. Обучающимся важно усвоить значение логических связей между мыслями говорящего, которые отражают развитие сообщения. На формирование собственной системы краткой записи обычно требуется около года.

Третий – заключительный – этап стажировки заключался в попытке приступить непосредственно к синхронному переводу, что оказалось максимально сложной задачей. Это то, что Д. Селескович назвала противоестественным занятием «un exercice contre nature» [Seleskovitch, Lederer, 1989, p. 128]. Перед синхронистом стоят те же самые задачи, что и перед письменным переводчиком или тем, кто осуществляет последовательный перевод. Ему необходимо услышать сообщение, извлечь из него смысл и, избегая языковой интерференции, выразить этот смысл средствами языка перевода. Но если в письменном или последовательном переводе для того, чтобы добиться диссоциации языков, есть некоторый запас времени, то у синхронного переводчика он отсутствует. Синхронисту необходимо абстрагироваться от форм и структуры фраз исходного языка, система которого оказывает огромное влияние на переводящего.

Задача синхрониста тем более усложняется, что сообщение на исходном языке звучит непрерывно и в особом режиме: только через технические средства – наушники, что требует ещё больших усилий для его декодирования. Более того, говорящий, строя своё сообщение,

обычно не думает о звуковом оформлении своего высказывания, редуцируя звуки. Как правило, фонемы не реализуются в полном объеме, – явление естественное и свойственное носителям любого языка. Слушающий же в своём сознании «достраивает» идеальную картину сообщения с точки зрения фонетической, поскольку владеет фонемами родного языка и способен понять практически любое устное сообщение, вне зависимости от качества его произношения. Перед переводчиком-синхронистом стоит задача выполнить ту же операцию, но она осложняется тем, что воспринимаемое устное высказывание звучит на иностранном языке, поэтому так важно иметь отличный уровень владения этим языком. Однако если в случае последовательного перевода у переводчика при непонимании какого-то слова или выражения есть возможность установить его смысл по мере того, как говорящий будет развивать своё выступление, у синхрониста такая возможность отсутствует, тем более, если принять во внимание тот факт, что он воспроизводит речь одновременно с выступающим: «Les conditions de travail du simultiste sont plus délicates: 1) Il doit exprimer sur le champ ce qu'il comprend et le recul de réflexion qu'il peut se permettre ne dépasse jamais quelques secondes. L'apport cognitif de la suite du discours joue certes un rôle important mais pour préciser la compréhension du sens, beaucoup plus que pour compenser une lacune auditive.

2) Il ne reçoit pas le discours par la voie habituelle de la communication orale, la conduction aérienne mais par l'intermédiaire d'une installation de type téléphonique, micros, fils, écouteurs, qui ne transmet pas l'intégralité de sons dont on a vu que, au départ déjà, ils n'étaient jamais émis de façon complète.

3) Il parle en même temps que l'orateur; il est donc lui-même à l'origine d'un bruit qui peut gêner son audition» [Seleskovitch, Lederer, 1989, p. 133].

Упражнения, которые подготавливают к синхронному переводу, формируют у переводчика способность понимать смысл сообщения на одном языке и одновременно формулировать то же сообщение на другом. Этот процесс предполагает сложнейшее взаимодействие моторных, сенсорных и когнитивных навыков. Так, одним из первых упражнений является обратный счёт, во время которого звучит сообщение; после выхода из переводческой кабины синхронистов сообщение необходимо резюмировать.

Другое специфическое упражнение носит название «репортаж». Обучающийся уподобляется журналисту или комментатору, ведущему репортаж с места события. Цель упражнения – научиться говорить и слушать одновременно, извлекая при этом всё больше и больше информации из того, что воспринимается на слух. Как и на предыдущих этапах обучения, необходимо отказаться от желания делать «кальки», обнаруживая соответствия в языках, следовать синтаксическому построению высказывания на исходном языке. При этом нужно обращать внимание на то, чтобы в речи переводчика не было пауз.

Когда объём передаваемой таким образом информации с одного языка на другой достигает 80–90 %, можно переходить к выполнению упражнения «бэби-ток». Цель его – подготовить переводчика к настоящему синхронному переводу. Обучающийся должен сохранить главную информацию, основную нить развертки сообщения, передавая её всеми доступными средствами, простым языком (отсюда и название «бэби-ток»), игнорируя при этом детали, цифры.

Нельзя не отметить и важность психологически комфортной среды, устойчивого состояния, которые являются обязательным условием успешной работы синхронного переводчика. Необходимость максимально сконцентрироваться и одновременно физически расслабиться возможно только при одном условии: когда сознание его не будет занято решением какого бы то ни было неотложного вопроса, серьёзной проблемы и т.п.

Заключение

Обучающая стажировка оказалась очень ценна; она показывает, как на практике воплощаются принципы интерпретативной теории перевода Даницы Селескович и Марианны Ледерер, и открывает возможности для их реализации на базе других факультетов, занимающихся подготовкой переводчиков.

Список литературы

1. Seleskovitch D. et Lederer M. *Interpréter pour traduire*. Paris: Didier Erudition. 1996. 311 p.
2. Seleskovitch D. et Lederer M. *Pédagogie raisonnée de l'interprétation*. Paris: Didier Erudition. 1989. 281 p.

Krasnborova L.A.

Ph.D. (Philology), Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Translation, Perm State University

THE FORMATION OF TRANSLATION COMPETENCE AT THE GRADUATE SCHOOL OF TRANSLATION (ESIT), UNIVERSITY OF PARIS III (NEW SORBONNE)

This article discusses the methodological techniques used for the training of interpreters at the Higher school of translation (University of Paris III). The basis for the methodological approach is interpretative theory of translation, which the authors are D. Seleskovitch and M. Lederer. This approach ensures the highest level of professional training of simultaneous interpreters produced by ESIT.

Key words: interpretative theory of translation, interpretation, didactics of interpretation, consecutive interpretation, simultaneous translation.

© Пресс-служба Пермского государственного национального исследовательского университета

УДК 81'32

Пинягин Юрий Николаевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Тел.: 8(342)2396283

E-mail: yu.pinyagin2011@yandex.ru

ФОНОВАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

В статье анализируются проблемы, возникающие при трансляции лингвокультурного фона английских лексических единиц на русский язык. Этот процесс предполагает наличие у переводчика рефлексии, знания культуры и истории страны, а также воспроизведения смыслов и аллюзий, заложенных в тексте оригинала. Когнитивно-деятельностный подход к переводу и «распредмечивающее» понимание смыслов оригинала позволяют точнее интерпретировать концептуальную программу оригинального текста и передавать интенциональный смысл оригинала во всей его полноте.

Ключевые слова: фоновая лексика, рефлексия, «распредмечивание», когнитивно-деятельностный подход, интенциональный смысл, интерпретация.

Введение

В рамках деятельностной онтологии перевод сегодня рассматривается как «речевая деятельность по заданной в оригинале программе» [Галеева, 1997, с. 18]. Рефлексия перевода занимает центральное положение в этом направлении, поскольку она необходима для освоения «содержательности» оригинального текста, анализа его смыслов и проникновения в суть интенций автора, которые должны быть адекватно представлены в тексте перевода. Рефлексивные теории перевода, по мнению Л.М. Алексеевой, основываются на том, что перевод – это «деятельность по интерпретации исходного текста», главным этапом которого является ментальное конструирование, поэтому деятельность переводчика «оказывается полностью подчиненной процессу моделирования смысла» [Алексеева, 2008, с. 89].

Основная часть

Целью данной статьи является анализ деятельности переводчика в процессе передачи им фоновой информации, которая не всегда улавливается «переводящей личностью» в силу различий между культурами. Материалом исследования послужили главы из книги «The Lake District: A Celebration of Cumbria», выпущенной издательством Saxton Editions, автором которой является Эдмунд Свингхэрст. Он выступает в роли «туристического гида» и рисует словесную картину национального парка «Озерный край» в графстве Камбрия, Англия. Автор описывает природу и знаменитые места, где жили и творили известные художники и поэты «озёрной школы», но помимо этого в книге присутствуют сведения, связанные с историей данной местности, озером Уиндермир и туристическими маршрутами этого парка.

Исходя из жанрово-стилевой характеристики текста, мы сделали вывод, что текст перевода должен иметь те же прагматические цели, что и исходный текст, то есть донести до читателя информацию и достигнуть определенного эстетического эффекта. В некоторых случаях это потребовало выхода за рамки языка, так как при использовании принципов деятельностной онтологии важнейшими являются такие категории как значение, смысл и содержание текста. Г.И. Богин, в частности, трактует их отношения следующим образом: содержание текста складывается из значений отдельных знаков, имеющих объективный характер. Человек способен «освоить» значение и содержание текста – для этого, как утверждает учёный,

используются семантизирующий и когнитивный типы понимания, но для «освоения» смысла требуется другой тип понимания, названный Г.И. Богиным «распредмечивающим» [Богин, 1986, с. 16]. Таким образом, смысл никогда не будет равен содержанию, так как смысл возникает только при понимании всех аспектов текста.

В связи с этим достойным внимания представляется то, что «переводчик подвергает исходный текст рефлексивной обработке и тем самым делает его объектом перевода, то есть по-своему выстраивает смысл оригинала [Алексеева, 2010, с. 51]. Конструирование объекта перевода – процесс «сложный», «требующий мыслительных затрат переводчика» [Там же]. Одним из ключевых в этом случае становится понятие рефлексии в переводческом процессе, и, как отмечает Н.К. Рябцева, переводчик при трансляции текста с одного языка на другой как бы мыслит дважды, «сначала на одном языке, а потом на другом» [Рябцева, 1997, с. 46-47]. Так, «из столкновения этих двух мышлений рождаются не только тексты перевода, но и неповторимые сведения о деятельности интеллекта» [Там же].

В ходе переводческого процесса мы постоянно руководствовались этими понятиями, например:

Kendal, whose grey limestone and slate buildings have earned it the name «auld grey town», rewards close attention. – Здания Кендала из серого известняка и сланца, из-за которых его на шотландский манер называют «старинным серым городом», заслуживают особого внимания.

В тексте оригинала привлекает внимание переводчика словосочетание *auld grey town*, которое передаёт особенности произношения шотландцами слова *old*. Британцы сразу отметят эту особенность, а вот читатели перевода будут лишены такой возможности, если им это не сообщить в пояснении к переводу. Дело в том, что Кендал расположен достаточно далеко от англо-шотландской границы, это один из самых южных городов в Озерном крае, и вероятность того, что употребление этого слова связано с периодом истории Англии, когда на пограничных территориях встречались шотландские переселенцы, мала. Возможно, это слово употреблено автором для воссоздания местного колорита и подчёркивания возраста (то есть древности) этого города, что невозможно было бы сделать, употребив современное английское слово *old*.

During the 14th century Kendal grew in importance as a wool town, thanks to the arrival of a group of Flemish weavers in 1331, and many mills, using the water power of the river, sprang up along its banks. – В XIV в. Кендал стал важным центром по производству шерстяных тканей, в связи с прибытием фламандских ткачей в 1331 году и с увеличением количества прядильных фабрик, которые располагались на берегах реки и использовали для производства энергию воды.

На первый взгляд факт прибытия фламандских ткачей в Англию выглядит странно, так как эта страна всегда воспринималась как родина шерстяных тканей, поэтому здесь уместна сноска переводчика для раскрытия культурно-исторического фона. Кроме причины прибытия фламандских ткачей в страну, читатель сможет узнать об истории производства шерстяных тканей, ему станет понятнее значение для Англии в целом такой отрасли, как овцеводство, сравните: *В XII-XIII вв. Англия поставляла шерсть во Фландрию, где она перерабатывалась и превращалась в ткань, а затем экспортировалась в другие страны. Но после указа английского короля Эдуарда III, запрещающего экспорт шерстяного сырья и импорт готовых шерстяных тканей, фламандские ткачи потеряли значительную долю своих доходов. Эдуард III был заинтересован в развитии производства шерстяных тканей в Англии, поэтому пригласил ткачей из Фландрии для работы и передачи ценного опыта англичанам.*

Существует классификация реалий, в которой выделяются географические реалии [Влахов, Флорин, 1980, с. 35] и этнографические, многие из которых могут нести и несут в себе фоновую информацию. Сравните:

*The most popular approach to the **Lake District** is through Kendal, in the valley of the River Kent. – Наиболее популярный маршрут к живописному району гор и озер на северо-западе Англии, который называется «Озёрный край», лежит через город Кендал, в долине реки Кент.*

Наименование *The Lake District* является географической реалией, хорошо известной жителям Великобритании, однако русскоязычному читателю вряд ли известно о существовании такого района, поэтому необходимо дать информацию о географическом расположении и характере данной местности. Важно и то, что эта реальия имеет национально-культурное значение: в сознании жителей Великобритании имеется прочная ассоциация этой местности с поэтами-романтиками У. Вордсвортом, С. Кольриджем и Р. Саути, проживавшими там в XIX в. Более того, в словаре Г.Д. Томахина мы находим информацию о том, что эта местность является популярным туристическим направлением и что это самый горный район Англии, в котором находятся горные озера и самая высокая горная вершина в Англии [Томахин, 2003, с. 33].

Ярким примером этнографических реалий является традиция британцев давать имена домам, в которых они проживают. Сравните, например:

*The latter is housed in the stables of **Abbot Hall**, an 18th-century mansion which is now Kendal's main art gallery, where several paintings by the artist George Romney, who was apprenticed in the town, are on view. – Последний расположен в здании конюшен **Эббот-Холл**, особняке XVIII в., который сейчас является главной художественной галереей Кендала, где можно увидеть несколько работ художника Джорджа Ромни, обучавшегося в этом городе.*

Без знания национально-культурной особенности этой реалии у читателя перевода может не возникнуть ощущения исключительности таких домов, поэтому мы посчитали необходимым дать подробный комментарий в сноске: *В Великобритании существует традиция давать имена домам, которая возникла в начале XVII в. и была популярна среди мелкого дворянства, которое давало имена своим поместьям, замкам и особнякам. Изначально домам давались имена в честь владельцев, но со временем, когда эта традиция распространилась среди других слоев общества, имена стали даваться по принципу рода деятельности владельцев, географического положения дома или особенностей ландшафта местности. После появления закона, который обязывал, чтобы у домов был привычный, в современном понимании адрес, традиция именования домов не исчезла. В настоящее время отмечается тенденция, что дома, у которых есть имя, стоят дороже, чем дома просто с адресом.*

Источником получения фоновой информации, которую необходимо освоить переводчику, может служить лингвострановедческий словарь Г.Д. Томахина, в котором описаны и традиции передачи названий некоторых общественно-политических организаций с комментариями после их перевода, поэтому такая информация подаётся в скобках после названия организации: *First, 3½ miles south of Kendal, is Sizergh Castle, a **National Trust** property. – Первый из них – замок Сайзерг (Sizergh Castle), расположенный в 5,5 км к югу от Кендала, принадлежит **Национальному Тресту (общественная организации по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест в Великобритании)**.*

Основываясь на ряде специфических особенностей процесса перевода, принято выделять несколько типов констант переводческого процесса: концептуальная, коммуникативная, социокультурная, лингвистическая и текстовая [Фесенко, 2002б, с. 129]. В рамках концептуальной константы Т.А. Фесенко даёт собственное определение концепта, который понимается как «некий образ элемента реальной действительности, проецируемый “транслятором” после “когнитивной обработки” в языковой уровень сознания» [Фесенко, 2002а, с. 66]. Так как все концепты обладают национально-культурной маркированностью, концептуальная система формируется знаниями самого человека и социокультурной средой, в которую он погружён. В процессе концептуализации, то есть осмысления информации исходного текста, переводчик определяет образ, цели и интенция автора, анализирует коммуникативную ситуацию высказывания. В ходе когнитивной переработки знания в тексте перевода так или

иначе репрезентируются ментальные пространства, взаимодействующие друг с другом. Переводу подвергаются не вербальные формы, а стоящие за ними концепты, что иллюстрирует следующий пример:

Sizergh also has a splendid terraced garden with a pond and a limestone rock garden planted with plants from the Lake District mountains. – К замку Сайзерг также прилегает прекрасный многоярусный сад с прудом, декорированный известняком и растениями, привезенными с гор Озёрного края.

Казалось бы, понимание слова *mountain* очевидно и имеет постоянное словарное соответствие – ‘гора’, однако в Великобритании несколько другие критерии понимания этого географического термина. По внешнему виду горы в Англии больше схожи с холмами, поэтому главным критерием, различающим горы и холмы, является их высота: горой считается возвышенность от 200 метров. Другим критерием различия является характер склонов: у горы они довольно крутые и имеют резкие выступы, а у холма – пологие, понижающиеся постепенно, и, как правило, с более мягкими очертаниями. Получается, что концепт «гора» не совпадает в двух культурах: британцы прежде всего обращают внимание на высоту гор, а мы – на внешний облик. Поэтому, во избежание лингвокультурной интерференции, мы сделали примечание-сноску в тексте перевода: *Необходимо отметить, что в Англии горы пологие с мягкими очертаниями и внешне больше напоминают холмы.*

Суть коммуникативной константы перевода заключается в том, что текст, созданный переводчиком, должен соответствовать интенциональному смыслу, вкладываемому автором оригинала, то есть воздействовать на ментальные структуры читателя, так же, как и исходный текст. Это, зачастую, составляет проблему, поскольку существует различие в когнитивно-денотативных структурах автора и переводчика. Следовательно, интенциональный смысл не тождествен рецептивному смыслу [Фесенко, 2002б, с. 142], что становится очевидным при сопоставлении текста оригинала и текста перевода:

The M6 motorway, in taking away the heavy traffic which used to thunder through Kendal, has allowed the town to develop a more attractive industry: tourism. – **Автострада М6, соединяющая графство Нортгемптоншир, в центре Англии, и Шотландию, позволила отвести плотный транспортный поток, ранее проходивший через Кендал и оглушавший его жителей, что способствовало развитию более привлекательной отрасли – туризма.**

Автострада М6 является самой длинной в Великобритании, её часто называют «британским хребтом» – The Backbone of Britain. Для российского читателя передать значимость такой автострады можно было с помощью понятия «дорога федерального значения», однако это привело бы к лингвокультурной интерференции. С целью передачи интенционального смысла оригинала мы решили показать *глобальность* значения этой автострады для Великобритании, указав, какие основополагающие части страны она соединяет. Такое переводческое решение повлекло за собой необходимость трансляции особенностей лингвистической маркировки дорог регионального и локального уровней, которая адекватно понимается только носителями культуры оригинала, сравните:

Just 8 miles from Kendal, north-west along the A591, or a little further away via the A5074, if you have been visiting Sizergh or Levens Hall, is Windermere, largest of the lakes. – **Самое большое озеро Уиндермир расположено всего в 13 километрах к северо-западу от Кендала, если ехать по трассе регионального значения A591. Если же вы едите из замка Сайзерг или Левенс-Холла, то ваш путь будет чуть дольше и будет пролегать по локальной трассе A5074.**

В исходном тексте упоминаются две дороги регионального значения A591 и A5074, которые отличаются количеством цифр в указателе, что для носителя британской культуры означает, что A591 – это дорога *двухполосная* в одну сторону, а A5074 – дорога *однополосная*, поэтому время поездки по последней будет дольше, чем по первой, но эта фоновая информация недоступна для читателя перевода. Можно было прибегнуть к упоминанию географических ориентиров, которые были бы очевидными для местных жителей, но они не были бы поняты

реципиентами перевода: *Трасса A591, которая начинается на юге недалеко от замка Сайзерг, заканчивается в деревне Ботел*» и «*трасса A5074, начинающаяся в деревне Левенс и заканчивающаяся в Боунесс-он-Уиндермир*».

Главная трудность для переводчика заключается в различиях «концептуальных систем» переводчика и автора исходного текста. В результате понимания переводчиком оригинала, в его сознании формируется содержание текста в виде «ментального образования», относящегося к определенному фрагменту реальности, который описан в тексте оригинала, а смысл является «продуктом» интерпретации того, что в этом тексте сообщается [Янссен-Фесенко, Вайгель, 2013, с. 69], как это видно, например, из следующего контекста:

Its fine Stuart furnishings and decor provide a vivid picture of the life of well-off Tudors and Stuarts, able to live in comfort without that fear of attack from north of the Border which had made the building of fortified towers so important a century before. – *Изысканная мебель и декор эпохи Стюартов позволяют воочию увидеть обеспеченную жизнь Тюдоров и Стюартов, которые могли жить в комфорте, не опасаясь нападений с севера от англо-шотландской границы.*

В оригинале есть аллюзия к информации, скрытой во фразе «*which had made the building of fortified towers so important a century before*». Для того, чтобы понять причину строительства оборонительных башен, надо владеть информацией о том, что приграничные территории с двух сторон от англо-шотландской границы веками подвергались нападениям разбойников, которых называли «Border Reivers», и местные жители были вынуждены защищаться от них. Эта фоновая информация отражена в сноске, которая передаёт имплицитный смысл оригинала, присутствующий в сознании англичан: *В XIII в. строительству оборонительных башен придавалось большое значение потому, что начиная с XIII в., и вплоть до начала XVII в. вдоль англо-шотландской границы орудовали разбойники, которые совершали набеги на приграничные территории, промышленя грабежами и насилием.*

Фоновая информация может быть не очевидной для носителей другой культуры ещё и вследствие отсутствия этноспецифических традиций поведения, что становится понятным при анализе следующего отрывка:

While the valleys do not have a great deal to offer motorists, for walkers this is delightfully quiet and peaceful country, with well-marked paths to take them across the fells to the north of the Kentmere Valley via the Nan Bield Pass to Small Water and Haweswater or to High Street – Тушина и умиротворение долин будут более интересны туристам, предпочитающим пешие прогулки, нежели тем, кто путешествует на автомобиле: специально обозначенные тропинки, ведут по гористой местности на север долины Кентмир через перевал Нан-Билд и выйдут к озеру Смол-Уотер и водохранилищу Хосуотер или к горе Хай-Стрим.

Понятие *well-marked paths* представляет собой мотивированную лакуну, оно неизвестно российскому читателю потому, что в России не так популярны национальные парки, как в других странах мира. Это материальная реалья, характерная для Великобритании, где в национальных парках есть чётко обозначенные на стендах или в брошюрах пешеходные тропы в качестве официальных маршрутов. Важная особенность состоит в том, что туристы не могут свернуть с таких троп, так как это запрещено правилами национального парка, и за нарушение этого правила можно получить штраф. Такие меры предпринимаются для того, чтобы в максимальной степени сохранить ландшафт местности. Мы раскрыли глубинную суть этой лакуны в комментарии-сноске для передачи национальную специфику этой реалии: *В соответствии с правилами национальных парков, ходить можно только по специальным тропинкам, нарушение этого правила влечет за собой штраф.*

Интенциональные смыслы слов, которые с точки зрения семантики могут быть близки друг другу в разных языках и культурах, в процессе переводческой рефлексии с учётом знания переводчиком истории страны оригинала, могут получить весьма интересные варианты трансляции их смысла, например:

In summer, bird watchers and walkers throng the village of Elterwater, which once housed a gunpowder works, but which is especially valued today for its Britannia pub on the tiny village green. – Любители наблюдать за птицами и просто туристы собираются в деревне Элтеруотер, где раньше были пороховые склады, сейчас же эта деревня ценится за её паб "Британия", расположенный на небольшой поляне в центре деревни.

Village green является и этнографической реалией, и мотивированной лакуной. По сведениям, приведённым в лингвострановедческом справочнике Г.Д. Томахина «Будни и отдых британцев», *Village green* – это «зеленая поляна в центре деревни», которой могут пользоваться все жители деревни, например для игры в крикет летом [Томахин, 2002, с. 76]. Самым близким этому понятию в русской культуре будет «пастбище», но оно, как правило, всегда находилось на окраине деревни. В учебном пособии по лингвострановедению Англии Н.Н. Михайлова описываются три типа британских деревень: *street villages*, *scattered villages* и *green villages*. Третий тип деревень, отсутствовал и отсутствует в российской действительности. Деревенские дома в Англии с незапамятных времен располагались вокруг *village green*, то есть зеленой поляны, на которой пасли скот и где были колодец, колонка и игровая площадка. [Михайлов, 2006, с. 129]. У переводчика может быть два варианта решения: (1) попытаться дать полное описание данного понятия или (2) ограничиться выделением главного признака *village green*, то есть описать её центральное положение в деревне, поскольку современное понимание этой этнографической реалии существенно изменилось, и в сегодняшней Англии *village green* означает свободное пространство для игры в крикет или для проведения праздников в честь окончания сбора урожая.

Заключение

Анализ способов трансляции в тексте перевода фоновой лексики показал, что лексика любой тематической направленности содержит вербализованные отсылки к определённым реалиям, аллюзиям и ценностям культуры текста-оригинала, отражает события, произошедшие в её контексте, идеи и убеждения членов данного лингвокультурного сообщества. Наш материал иллюстрирует, что, как отмечает, в частности, Н.В. Тимко, если мир переводного текста не принадлежит известной читателю культуре, то возникает определённая «культуральная дистанцированность» [Тимко, 2011, с. 151], которая может быть нивелирована с помощью различных пояснений, экскурсов, зарисовок, используемых автором перевода. В тексте оригинала всегда могут содержаться осязаемые или неосязаемые мировоззренческие установки, которые вызывают (провоцируют) у реципиента ассоциации, не запланированные автором, и, наоборот, у читателя перевода может не появиться коннотаций, заложенных авторской интенцией. В таком случае переводчику необходима этнокультурная и лингвокультурная компетентность, чтобы выступить в качестве эксперта относительно обеих культур, Ибо задача переводчика заключается в том, чтобы сделать текст перевода понятным, доступным читателю, но при этом максимально близким к тексту-оригиналу, тем самым сохранить его культурную маркированность.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. Объект и предмет современного переводоведения // Вестник Пермского государственного университета. Иностранные языки и литература. 2008, Вып.5 (21). С. 85–90.
2. Алексеева Л.М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Иностранные языки и литература. 2010. Вып.1(7). С. 45–51.
3. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: Изд-во «Калининский государственный университет», 1986. 85 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Москва: Международные отношения, 1980. 342 с.
5. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. Тверь: Изд-во «Тверской университет», 1997. 79 с.

6. Михайлов Н.Н. Лингвострановедение Англии / English Cultural Studies. Москва: Академия, 2006. 208 с.
7. Рябцева Н.К. Теория и практика перевода: когнитивный аспект // Перевод и коммуникация. Москва, 1997. С.42–63.
8. Тимко Н.В. Способы осуществления лингвокультурной трансляции в процессе перевода художественного текста // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2011. Вып. 17. С. 151–157. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15606044&> (дата обращения 27.04.2018).
9. Томахин Г.Д. Будни и отдых британцев: Лингвострановедческий справочник. Москва: Просвещение, 2002. 127 с.
10. Томахин Г.Д. Лингвострановедческий словарь Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. 720 с.
11. Фесенко Т.А. Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку. Москва; Воронеж: Изд-во «Воронежский университет», 2002а. 492 с.
12. Фесенко Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов: Изд-во «Тамбовский университет», 2002б. 232 с.
13. Янссен-Фесенко Т.А., Вайгель А.Л. Перевод в структуре ментального пространства: концептуальный подход // Язык и культура, 2013. № 4 (24). С. 66–76.
14. Swinglehurst E. The Lake District: A Celebration of Cumbria. Saxton Editions, 2000. 80 p .

Pinyagin Yu. N.

*Ph.D. (Philology), Professor,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University*

TRANSLATION AND BACKGROUND INFORMATION

The article is devoted to the analysis of the problems which appear while translating the texts with a very pronounced cross-cultural background. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language.

Key words: background knowledge, reflection, cognitive approach to translation process, intentions, interpretation.

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Факультет современных иностранных языков и литератур

Магистерская программа

«Переводческое обеспечение международной деятельности» (направление «Лингвистика»)

Цель программы – практико-ориентированная подготовка магистрантов к переводу и лингвистическому сопровождению профессиональной коммуникации в области международного сотрудничества.

Программа готовит к переводческой и консультативно-коммуникативной деятельности с использованием двух рабочих языков (английского и по выбору – французского, испанского, немецкого). Дисциплины и практики программы формируют навыки письменного и устного (в том числе синхронного) перевода, владение новыми переводческими технологиями, а также способность осуществлять межкультурную коммуникацию в ситуациях международного взаимодействия на основе подходов современного переводоведения и лингвистики.

Благодаря сотрудничеству кафедры лингвистики и перевода с работодателями и зарубежными вузами-партнерами, в ходе обучения делается акцент на связи с реальным профессиональным рынком переводческих услуг и возможности включенного обучения в форме академической мобильности. Для занятий синхронным переводом имеется специальное оборудование. Лекционные курсы и практические занятия для магистрантов ведут авторитетные специалисты в области лингвистики и переводоведения, а также профессиональные переводчики и эксперты в области международной коммуникации.

Подробнее: <http://www.psu.ru/fakultety/fakultet-sovremennykh-inostrannykh-yazykov-i-literatur/napravleniya-obrazovatelnoj-deyatelnosti/napravlenie-lingvistika-magistratura>

Кафедра лингвистики и перевода: romanphyl@gmail.com

УДК 801.313.1.

Хрусталева Мария Алексеевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396 306
E-mail: cristalik1982@list.ru

Афанасьева Арина Алексеевна

студентка 4 курса,
факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2143 539
E-mail: arina-af@inbox.ru

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РУССКИХ ЭРГОНИМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В настоящей статье предпринимается попытка описать и обосновать алгоритм перевода русских эргонимов на английский язык, так как в данный момент нет единого мнения о способе их передачи. Перевод начинается с определения компонентов эргонима, далее в зависимости от функции лексемы предлагаются возможные способы перевода – транслитерация и калькирование. Также рассматривается порядок слов, выбор прописной или строчной буквы, а также использование кавычек.

Ключевые слова: имя собственное, эргоним, компоненты эргонима, транслитерация, калькирование.

Введение

В современном обществе процессы глобализации играют важнейшую роль в развитии экономического сотрудничества по всему миру. Международные связи стремительно расширяются и приобретают решающее значение в установлении деловых контактов. В этом отношении немаловажным способом обеспечения межкультурного взаимодействия является английский язык: с каждым годом он занимает всё более значимое место в коммуникации в сфере бизнеса, становясь средством интернационального общения. Поэтому перевод – это незаменимая составляющая в установлении и поддержании общения между представителями различных стран. Согласимся с замечанием Н.В. Шутёмовой о том, что «стратегия официально-делового перевода видится направленной на точную передачу правовой модели, объективированной в ИТ, его системы понятий и названных характеристик формы» [Шутёмова, 2018, с. 47].

Каждая культура, безусловно, имеет свои специфические черты, в том числе и языковые, которые необходимо передать реципиенту в доступной, чёткой и понятной форме, но при этом сохранив их аутентичность. Нередко данные особенности составляют проблему перевода, и среди них в сфере деловой коммуникации можно выделить передачу названий организаций и форм собственности. Их перевод вызывает некоторые сложности, так как до сих пор не существует чётких и определённых правил ретрансляции, нет единого реестра переводных эквивалентов, а также следует учитывать, что имена собственные несут в себе определённый культурный контекст и имеют особые отличительные признаки. Исходя из этого, думается, что появляется необходимость в анализе данной проблемы и рассмотрении возможных способов её решения.

Основная часть

Как известно, разделом лингвистики, изучающим имена собственные, является ономастика [Подольская, 1978, с. 7]. Она обладает собственной терминологической системой, в которую входит понятие «эргоним». По замечанию Н.В. Подольской, эргоним – это «один из рядов онима», который в свою очередь представляет собой «слово или словосочетание, служащее для выделения именуемого им объекта среди других, его индивидуализации и идентификации» [Там же, с. 95]. Под эргонимом понимается «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Там же, с. 166].

Существует несколько вариантов классификации эргонимов. Так А.В. Суперанская, подразделяет их на реальные (отражают местоположение предприятия и характер его деятельности: например, *Мытищинский машиностроительный завод*) и символические (частично характеризуют деятельность предприятия и состав его участников: к примеру, *спортивное общество «Нефтяник»*) [Суперанская, 1973, с. 195].

И.В. Крюкова, в свою очередь, выделяет три группы эргонимов: реальные (состоят из «любых слов любой части речи, не являющихся именами собственным»: например, *Волгоградский государственный университет, Всероссийский центр по лечению острых отравлений*), условные (указывают на некоторые признаки денотата, в основном связанные с характером деятельности учреждения: *Международная ассоциация «Военные мемориалы», Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение»*) и символические (не связаны со свойствами денотата, то есть носят произвольный характер, или имена, обозначающие свойства объекта через соотнесенность с содержанием другого слова (ономастические метафоры): *телекомпания «Ахтуба», космодром «Свободный»*) [Крюкова, 2004, с. 73].

Однако наше внимание привлекает классификация эргонимов на основании входящих в них компонентов. Следуя за мнением В.Л. Нестеровой, согласимся, что, учитывая современные нормы права, полная форма эргонима должна включать в себя термин, указывающий на тип делового объединения и его имя. Отсюда следует, что эргонимы «потенциально сочетают в себе статусный компонент, содержащий указание на организационно-правовую форму предприятия, ономастический классификатор, указывающий на принадлежность объекта к определенному классу культуры, и индивидуализирующий, то есть собственно ономастический компонент» [Нестерова, 2011, с. 5]. Поясняя слова исследователя, мы можем рассмотреть следующий пример: *Публичное акционерное общество «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»*.

В этом случае «ЛУКОЙЛ» – собственно ономастический компонент, слова «нефтяная компания» – ономастический классификатор и «ПАО» является статусным компонентом.

Возвращаясь к проблеме перевода русских эргонимов на английский язык и учитывая приоритетную для нас классификацию, стоит отметить, что задачей переводчика в данном случае является передача на иностранный язык всех компонентов данного онима. Рассмотрим имеющиеся способы её решения. Опираясь на переводческий материал в виде письменного документа – справки о компаниях Пермского края, выделим несколько различных русских эргонимов, присутствующих в ней и представляющих основание для переводческой проблемы: *АО «Сорбент», ООО «АВИРА», ООО «Управляющая компания «Лысьвенские заводы», ООО «НПФ «Норд»*.

Обратимся к распространённым способам перевода имён собственных: транслитерации, транскрипции и калькированию. Дадим определение каждому из этих понятий. «Транслитерация – побуквенная передача текстов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы» [БЭС: Языкознание, 1998, с. 518]. «Транскрипция – способ фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи» [Там же, с. 517]. Сразу заметим, что отличие транскрипции от транслитерации заключается в том, что второй термин «принимает во внимание только соответствие букв двух алфавитов, а звуки, скрывающиеся за ними, не учитываются», как это происходит во втором случае [Ма-

тусевич, 1941, с. 106]. Думается, что применять транскрипцию уместно в том случае, если реципиент будет воспринимать текст на слух, при этом имея его письменный вариант, что поможет ему при перцепции информации, так как правила орфографии, отражающиеся при транслитерации, часто значительно отличаются от фонетических норм. Другой способ, калька, представляет собой «образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путём буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [БЭС: языкознание, 1998, с. 211].

Итак, рассмотрим следующие примеры: АО «Сорбент», ООО «АВИРА». Согласно приоритетной классификации, в данных эргонимах присутствуют только два компонента – собственно ономастический и статусный. Для начала проанализируем ономастический компонент: «Сорбент», «АВИРА». На наш взгляд, при его переводе следует прибегнуть к транслитерации, используя принятый в Российской Федерации согласно международному стандарту ISO 9 ГОСТ 7.79–2000, так как данные лексемы в этих ситуациях являются именами собственными и перевод осуществляется в письменном виде. Думается, что необходимо сохранить прописные и строчные буквы так, как они указаны в оригинале для поддержания орфографии при переводе, что способствует более быстрому и точному распознаванию лексемы. То есть, готовый вариант выглядит следующим образом: Sorbent, AVIRA.

Обратимся к статусному компоненту. В данном примере это «АО» и «ООО», которые, как известно, представляют собой организационно-правовую форму предприятия: АО – акционерное общество и ООО – общество с ограниченной ответственностью. Их перевод является спорным вопросом и сейчас не существует единого мнения по поводу его решения. Иногда АО переводят как «JSC» (joint-stock company), а ООО – «Ltd.» (limited liability company), то есть подбирают наиболее близкий вариант организации предприятия в англоязычной культуре. Но мы полагаем, что организационно-правовую форму компании следует также транслитерировать. Во-первых, законодательство каждой страны имеет свои особенности и специфические черты, которые нивелируются при переводе с помощью схожей организационно-правовой формы, имеющейся в иноязычной культуре, а это может ввести реципиента в заблуждение. Во-вторых, транслитерация помогает определить страну, в которой находится компания. В подтверждение данной позиции можно привести Комментарии к Письму Банка России от 20.04.2005 № 64-Т: «форма собственности и организационно-правовая форма приводятся в сокращенном виде после указания наименования заглавными латинскими буквами – ООО, ЗАО, ОАО, АКБ» [Комментарии к Письму Банка России от 20.04.2005 № 64-Т: SWIFT BIC (международный стандарт ISO 9362): электронный ресурс].

Таким образом, учитывая рекомендации, имеющиеся в Комментариях к Письму Банка России касаясь порядка слов, данные эргонимы были переведены как Sorbent АО, AVIRA ООО. При этом кавычки не используются, так как в англоязычном мире их применение в данном случае не принято, о чём свидетельствуют слова исследователей И.Ю. Окс, А.И. Комаровой: «По-английски названия природоохранных территорий, компаний, предприятий и трубопроводов пишутся без кавычек в отличие от русского языка» [Окс, Комарова, 2016, с. 17]. Также, эту позицию можно подтвердить словами из Комментариев к Письму Банка России от 20.04.2005 № 64-Т: «Наименование указывается без кавычек и апострофов <...>» [Комментарии к Письму Банка России от 20.04.2005 № 64-Т: SWIFT BIC (международный стандарт ISO 9362): электронный ресурс].

Перейдём к рассмотрению двух других примеров: ООО «Управляющая компания «Лысьвенские заводы», ООО «НПФ «Норд». Здесь имеются уже три компонента: собственно ономастический компонент – «Лысьвенские заводы», «Норд», лексемы «Управляющая компания» и «НПФ» – ономастический классификатор и «ООО» – статусный компонент. В ситуации с ООО и «Норд» применим вышеуказанную стратегию и в переводе получим: Nord ООО. Обратимся к ономастическим классификаторам. Так как они указывают на принадлежность объекта к определённой сфере, думается, что в данном случае нужно осуществить перевод при помощи кальки, потому как данные лексемы указывают на деловые функции

компаний, которые также присутствуют и в англоговорящей культуре. Таким образом, «Управляющая компания» – Management Company, «НПФ» (научно-производственная фирма) – Scientific and Production Firm. В ситуации с ООО «Управляющая компания «Лысьвенские заводы», как уже было отмечено, последние слова являются собственно ономастическим компонентом, поэтому применим уже описанную тактику перевода: транслитерируем название – Lysvenskie zavody.

Что касается порядка слов и выбора прописных или строчных букв, мы следуем примеру перевода И.Ю. Окс, А.И. Комаровой: «Агропромышленная интеграция в мясной промышленности (на примере группы “Черкизово”) – Agro-industrial integration in the meat industry: a study of Cherkizovo Group»; «Современное гидроэкологическое состояние речных и озерных вод национального парка “Валдайский” – Present water quality of rivers and lakes in the Valday National Park [Там же, с. 18]. Как видим, при переводе в данных случаях статусный компонент и собственно ономастический меняются местами, каждое слово пишется с прописной буквы. Таким образом, в нашем варианте перевода эти организации отображаются графически следующим образом: Lysvenskie Zavody Management Company ООО и Nord Scientific and Production Firm ООО.

Заключение

Итак, эргонимы являются одной из важнейших частей языка, повсеместно используемой в международной деловой коммуникации. На настоящий момент проблема их грамотного перевода остаётся актуальной. Думается, что целесообразно, согласно В.Л. Нестеровой, выделять в эргониме, три составляющих: статусный компонент, ономастический классификатор, ономастический компонент [Нестерова, 2011, с. 5]. При этом, опираясь на приведённые примеры, мы полагаем, что статусный и ономастический компоненты следует транслитерировать, потому как они отображают исключительные особенности, в том числе юридические и культурные, ономастический классификатор – калькировать, так как именно этот способ помогает отобразить сферу деятельности предприятия, которая имеется в обеих странах. На наш взгляд, это оптимальный способ перевода, позволяющий передать реципиенту информацию в наиболее полном и грамотном виде.

Список литературы

1. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Дисс. ... д. филол. н. Волгоград: Перемена, 2004. 360 с.
2. Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. Москва: Учпедгиз, 1941. 135 с.
3. Нестерова В.Л. Эргонимы в аутентичных текстах англоязычного описания русской культуры: автореф. дисс. канд. филол. наук. Санкт-Петербург: 2011. 19 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004855845#?page=1> (дата обращения: 16.09.2018)
4. Окс И.Ю., Комарова А.И. Как переводить на английский язык названия научных работ по географии. Москва: Изд-во МГУ, 2016. С. 17–18. URL: <http://www.geogr.msu.ru/science/translate-howto.pdf> (дата обращения: 16.09.2018)
5. Словарь русской ономастической терминологии / Подольская Н.В. Москва: Наука, 1978. 200 с.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 366 с.
7. Шутёмова Н.В. Лингводидактические аспекты перевода официально-делового текста / Евразийский гуманитарный журнал, 2018, №2. С. 46–53.
8. ГОСТ 7.79-2000. Система стандартов по информатизации, библиотечному и издательскому делу. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200026226> (дата обращения: 16.09.2018)
9. Комментарии к Письму Банка России от 20.04.2005 № 64-Т: SWIFT BIC (международный стандарт ISO 9362). URL: <https://bankir.ru/publikacii/20050628/kommentarii-k-pismu-banka-rossii-ot-20042005-8470-64-t-swift-bic-mejdynarodnii-standart-iso-9362-1366887/> (дата обращения: 16.09.2018)
10. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. Москва: Большая советская энциклопедия, 1998. 687 с.

Khrustaleva M.A.

*Ph.D. (Philology), Department of Linguistics and Translation,
Perm State University*

Afanaseva A.A.

*Student of Linguistics,
Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University*

TRANSLATION OF RUSSIAN ERGONYMS INTO THE ENGLISH LANGUAGE

This article attempts to describe and justify the algorithm for the translation of Russian ergonyms into English, since at the moment there is no consensus about the method of their transmission. The translation begins with the definition of the components of the ergonym. Then the possible ways of translation (transliteration or loan translation) are offered depending on the lexeme function. Word order, choice of uppercase or lowercase letters, usage of quotation marks are also considered.

Keywords: proper noun, ergonym, ergonym components, transliteration, loan translation.

МАГИСТРАТУРА в ПГНИУ!

Приглашаем всех желающих для обучения в магистратуре на базе факультета современных иностранных языков и литератур ПГНИУ по следующим направлениям:

Педагогическое образование (профиль: Инновационное педагогическое образование. Иностранные языки)
очная (8 бюджетных мест) и заочная (7 бюджетных мест) формы обучения;

Филология (профиль: Филология и коммуникация, Зарубежная литература в мировом литературном контексте)
очная форма обучения (10 бюджетных мест).

Информация по вступительным экзаменам на сайте **www.psu.ru**

Дополнительную информацию можно получить по тел. **2396339**

УДК 81'25:81'38(075.8)

Шутёмова Наталья Валерьевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики и перевода,
профессор кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396283; 8 (342) 2396477
E-mail: lingconf14@mail.ru

**ДИДАКТИКА СТИЛИСТИКИ:
ДИЗАЙН ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ
«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(СТИЛИСТИКА РЕСУРСОВ)»**

В статье рассматривается дизайн электронного учебного пособия, предназначенного для формирования у студентов специальности «Перевод и переводоведение» стилистических компетенций, которые необходимы для выполнения предпереводческого анализа текста, его качественного перевода и осуществления эффективной межкультурной коммуникации. Стилистические ресурсы языка представлены в парадигматическом и синтагматическом аспектах, описывается их классификация на логически непротиворечивых основаниях, приводятся примеры соответствующих заданий.

Ключевые слова: стилистика ресурсов, стилистические компетенции, профессиональные компетенции, перевод.

Введение

Рассматриваемое учебное пособие направлено на формирование стилистических компетенций у студентов специальности «Перевод и переводоведение» и направления бакалавриата «Лингвистика». Актуальность владения данными компетенциями объясняется их отнесённостью в своей совокупности к высшему уровню языковых компетенций, связанных, с одной стороны, с пониманием коннотаций высказывания, с другой – с использованием коннотаций в процессе речепроизводства. Пособие сфокусировано на изучении стилистики ресурсов, представляющих собой наряду с изучение функциональных стилей один из традиционных и интереснейших разделов стилистики, раскрывающих богатство творческого потенциала языка и человеческого мышления в целом. Задачами курса является системное изучение стилистических ресурсов разных уровней языка в аспекте парадигматики и синтагматики. Основу для эффективного усвоения курса составляют знания, полученные студентами при изучении теоретической фонетики, лексикологии и грамматики английского языка.

Основная часть

В качестве базовой при рассмотрении системы стилистических ресурсов языка нами выбрана разработанная Ю.М. Скребневым классификация, охватывающая основные стилистические явления и характеризующаяся логичностью, непротиворечивостью. Согласно данной концепции, предметом стилистики единиц (парадигматический аспект) являются внутриязыковые отношения эквивалентных единиц всех уровней языка в их соотносённости с речевыми сферами, а предметом стилистики последовательностей (синтагматический аспект) является стилистическая характеристика отношений между элементами синтагматической цепи. В соответствии с обозначенной классификацией пособие включает пять частей: стилистические ресурсы фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса, семасиологии, которые и будут нами рассмотрены далее в данной статье.

1. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ФОНЕТИКИ

Целью изучения данной темы является исследование стилистической ценности фонетических ресурсов языка. В этом разделе мы ставим перед собой задачу определить основные понятия и сформировать у студентов представление об их системе, научить студентов идентифицировать стилистически значимые фонетические явления в тексте и уметь характеризовать их функции. В парадигматическом аспекте изучается 1) варьирование фонемного состава языковых единиц (морфем, слов, словосочетаний и предложений), 2) просодическая характеристика языковых единиц, 3) фоностилика.

В отношении варьирования фонемного состава языковых единиц в пособии рассматриваются такие стилеобразующие парадигматические сегментные элементы, как социально-диалектные, территориально-диалектные и собственно стилевые (в рамках литературного языка) варианты фонем. Группа стилистически значимых просодических характеристик языковых единиц включает варьирование словесного ударения, фразовое ударение, супraseгментные характеристики высказывания. В аспекте фоностилистики рассматриваются попытки эстетической квалификации звуков, ономапоэя, вербализация звуковых эффектов неязыкового происхождения.

В синтагматическом аспекте изучаются проблемы просодии и взаимоотношения звуков в текстах (звукопись и ритм), при этом детальное освещение получают понятия метра, размера, рифмы, ассонанса, аллитерации. Показывается отличие стиха от прозы [Тарлинская, 1975], отмечается многоаспектность поэтического ритма как «явления языкового, сверхуровневого, суперсегментного характера», «явления речевого, связанного с акцентологией вообще и с декламацией в частности», «явления стихового, то есть стихообразующего в целом, превращающего в стихи любой отрезок / фрагмент речи или текста», «явления идиостилевого», «категории поэтики стихотворного текста», «явления культуры, связанного с национальной поэзией», «явления эстетического, связанного с художественным методом, направлением, школой, манерой» [Казарин, 1999, с. 117–118]. Кроме того, особое внимание в пособии отводится рассмотрению соотношения понятий ритма, поэтической функции языка, параллелизма в концепциях Р.О. Якобсона [1987] и М.Ю. Лотмана [1996].

Для закрепления теоретических знаний, формирования умения идентифицировать стилистические ресурсы фонетики в тексте и владения методикой анализа их функционирования разработана серия упражнений, в которых используется богатая выборка контекстов из произведений классической и современной британской художественной литературы. Например, в ряде задач по ресурсам парадигматики требуется выявить случаи варьирования фонемного состава языковых единиц и указать вариант, соответствующий нормам английского литературного языка:

- It's me 'art, Nurse. It's always been on the wrong side. Me mum was just the same... I 'ad six nippers, then I goes and leaves one on a bus, the eighty-eight up from Brixton. Must've left 'im on the seat. Never saw 'im again, Nurse. Really upset, I was. Cried my eyes out. (McEwan)
- b. 'Leave off, will ya! Let the nurse through.' (McEwan)
- c. 'The dunno what they're in for with this lot!' (McEwan)
- d. 'I require and charge you both, as ye will answer at the dreadful day of judgment when the secrets of all hearts will be disclosed, that if either of you know of any impediment, why ye may not be lawfully joined together in matrimony. Ye do now confess it.' (McEwan)
- 'Send thy blessing upon these thy servants, this man and this woman...' (McEwan)
- Leon stretched out his arms and did the comic Cockney voice he reserved for her. 'An' if it ain't my li'le Sis!' (McEwan)
- 'It's a brow bricht moonlicht nicht the nicht,' Nettle called out in Cockney. (McEwan)
- 'Who giveth this woman to be married to this man?' (McEwan)
- His head weel arm'd wi' pointed spears, That no one should him wrong. (R.Burns)
- They 've ta'en a weapon, long and sharp, And cut him by the knee... (R.Burns)
- They hung him up before the storm, And turn'd him o'er and o'er. (R.Burns)

– But a miller us'd him worst of all – He crush'd him 'tween two stones. (R.Burns)

В упражнениях по синтагматическому аспекту ставится задача определить тип размера в ИТ и проанализировать, как он репрезентирован в ПТ. Например:

O, no! it is an ever-fixed mark,
That looks on tempests, and is never shaken,
It is the star to every wandering bark,
Whose worth's unknown, although his height be taken (Shakespeare, CXVI).

- Iambic
- Trochaic
- Anapaestic
- Dactylic

Любовь – над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане,
Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

- a. Анапест
- b. Хорей
- c. Ямб
- d. Дактиль

Также в упражнениях ставится задача найти элементы аллитерации в строках оригиналов и переводных текстов, например:

- The sultry suns of summer came... (R.Burns)
- And right Perfection wrongfully disgraced... (Shakespeare, LXVI)
- And Strength by limping Sway disabled... (Shakespeare, LXVI)
- Since brass, nor stone, nor earth, nor boundless sea... (Shakespeare, LXV)
- A fairly foddler frae the neuk... (R.Burns)
- Tyger! Tyger! Burning bright... (W.Blake)
- Whate'er is Born of Mortal Birth... (W.Blake)
- Thou, Mother of my Mortal part... (W.Blake)
- The lone and level sands stretch far away. (Shelley)
- Восстав из Спеси и Стыда... (У.Блейк)
- Но Смерть до Сна низведена... (У.Блейк)

Задания повышенной сложности связаны с анализом текста (например, стихотворения Перси Биши Шелли «Облако»), идентификацией в нем всех элементов звукописи и анализом их функций в тексте.

2. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ МОРФОЛОГИИ

Во второй части пособия рассматриваются стилистические ресурсы морфологии, в результате изучения которых студент формирует представление об их системе, умеет идентифицировать стилистически значимые морфологические явления в тексте и характеризовать их функции. В аспекте парадигматики освещаются 1) синонимия морфемики, 2) вариантность в употреблении морфологических категориальных форм. В области синонимии морфем рассматриваются следующие закономерности:

1. В «книжных» субъязыках более частотна архаическая морфемика по сравнению с разговорной речью (brethren – brothers, he hath – he has) (сравните: «тобою», «мною», «рукою» вместо «тобой», «мной», «рукой»).

2. Для английских поэтических текстов в области морфемики характерно:

– написание глаголов в форме неопределенного прошедшего времени с конечным “t” вместо “ed” – “finisht”, “mixt”,

- использование архаической глагольной парадигмы 2 л. ед. ч. (art, wert, dost, canst, hast, goest),
- использование архаической глагольной парадигмы 3 л. ед. ч. (fadeth, loveth),
- использование архаической местоименной парадигмы 2 л. ед. ч. (thou – thee – thy – thine – thyself),
- употребление префикса “a” перед глагольными формами и в некоторых наречиях (a-flying, a-getting, adown), восходящего для глаголов к старой герундиальной форме с предлогом “on” [Английская поэзия в русских переводах, 1981, с. 616–617].

3. Если для разговорной речи характерна тенденция к употреблению ограниченного набора морфем, то в «высоких» речевых сферах выбор морфем богаче. Сравните: просторечное «около триста семьдесят килограмм» и литературное «около трехсот семидесяти килограммов», соответственно “If I were...” – “If I was...”, “Whom is this novel devoted to?” – “Who am I talking to?”.

Вариантность в употреблении морфологических категориальных форм возникает, когда в разных типах речи при описании одних и тех же элементов действительности используются разные конstituенты грамматических категорий. При этом обычно немаркированные слабые члены оппозиций имплицитно означают значение сильных и даже замещают их, что имеет стилистическую значимость. Например, формы настоящего неопределенного времени употребляются в значении прошедшего и будущего в силу неопределенности логической категории «настоящего времени». В научном и официально-деловом текстах частотно варьируется в употреблении форм категории числа: употребление формы единственного числа вместо формы множественного числа для выражения общего через частное, родового через единичное.

В синтагматическом аспекте в данной части пособия затрагиваются проблемы совместной встречаемости морфем и грамматических значений морфологических единиц. В упражнениях по этой теме ставятся задачи привести примеры стилистических ресурсов морфологии и классифицировать отмеченные грамматические формы с точки зрения синонимии морфем и вариативности их употребления, например:

– I ‘ad six nippers, then *I goes and leaves* one on a bus, the eighty-eight up from Brixton. Must’ve left ‘im on the seat. Never saw ‘im again, Nurse. Really upset, I was. Cried my eyes out. (McEwan)

– We’d get going on the job, then Jerry comes over and dumps his load. *We drops* back, starts all over in another field, then it’s Jerry again and we’re falling back again. Till we fell into the sea. (McEwan)

3. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЛЕКСИКИ

Целью изучения данного раздела является формирование у студентов представления о стилистической ценности лексических единиц. При освоении ресурсов в парадигматическом аспекте ставятся следующие задачи: получить представление о стилистической «шкале эстетических значимостей» и её соотношении с традиционно выделяемыми в лексикологии группами слов, научиться идентифицировать стилистически значимые лексические единицы в тексте, уметь охарактеризовать их функции в тексте.

Задача ономастологической лексикологии – разработка принципов стилистического описания лексики языка – словарных (и фразеологических) единиц в отвлечении от контекста, что предполагает построение общей стилистической классификации лексики. При этом возникают следующие трудности: зависимость коннотаций от контекста, полисемия и полифункциональность слов, комплексный характер коннотаций. С учетом этих трудностей Ю.М. Скребнев выстраивает стилистическую классификацию лексики с целью установить субязыковую отнесённость единицы и выяснить её эмоционально-эстетическую ценность. На едином основании классификации, которым является социальный престиж слова, определяется «ориентировочная шкала эстетических значимостей», где «градация приближительна,

а границы между отдельными классами размыты» [Скребнев, 1975, с. 101]. Шкала включает 1) центральную область, к которой относится нейтральная лексика, 2) супернейтральная область лексики, характеризующейся минимальной, средней и максимальной степенью повышенной эстетической ценности, 3) субнейтральная область лексики, характеризующейся минимальной, средней и максимальной степенью пониженной эстетической ценности. С этой точки зрения рассматривается лексика, имеющая определенные коннотации (поэтизмы, канцеляризмы, коллоквиализмы, арготизмы и вульгаризмы), а также группы единиц, которые имеют сложную стилистическую характеристику (термины, книжно-литературные слова, профессионализмы, архаизмы, неологизмы, варваризмы, просторечная и диалектная лексика).

В отличие от парадигматической лексикологии, синтагматическая лексикология рассматривает не словарный состав языка и отдельные лексические единицы, а отношения между словами в синтагме, поэтому целью данного раздела является изучение «проблемы стилистических функций совместной встречаемости слов разных стилистических тональностей» [Скребнев, 1975, с. 136]. Данные ресурсы включают иррадиацию, лексический повтор, рекуррентность, полиптон.

В упражнениях ставится задача определить степень эстетической ценности выделенной фразы:

- *I suppose we owe an apology to Able Seaman Hardman.* (McEwan)
- *I find it difficult to believe. He's a fool, I know... He's a greedy fool.* (McEwan)
- *He had set himself the task of drawing and committing to memory the bones of the hand. He tried to distract himself by running through some of them now, murmuring their names: capitate, hamate, triquetral, lunate...* (McEwan)
- *His best drawing so far, done in ink and coloured pencils and showing a cross-section of the oesophageal tract and the airways, was tacked to a rafter above the table.* (McEwan)
- *He could undercut his competitors and increase his profit margin.* (McEwan)
- *But she was miserably nervous too, incapable of stepping around the inanities.* (McEwan)

Также студентам предлагается выявить в стихотворении Р. Бернса (Robert Burns «Air. Tune – Soldier's Joy») лексику сниженной эстетической ценности, определить степень сниженности, привести соответствующие выявленным единицам нейтральные лексические единицы на английском языке, сопоставить эстетически сниженную лексику оригинала с текстом перевода.

4. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СИНТАКСИСА

Целью данного раздела является формирование представления о стилистических ресурсах синтаксического уровня языка и умения классифицировать стилистически значимые синтаксические явления, идентифицировать их в тексте и уметь характеризовать их функции в нём.

В парадигматическом аспекте изучается классификация стилистически значимых отклонений по трем принципам: 1) количественный, 2) расположение слов в предложении, 3) переосмысление синтаксических значений. В частности рассматриваются эллипс, апосиопеза, номинативные предложения, асиндетон, несобственно-отрицательные, несобственно-утвердительные, несобственно-побудительные, несобственно-вопросительные предложения, пролепса, полисиндетон

В отличие от парадигматического синтаксиса синтагматический синтаксис изучает последовательность предложений, составляющих текст, и стилистические функции совместной встречаемости предложений. В пособии определяются такие понятия, как параллелизм, анафора, эпифора, симплока, анадиплозис, хиазм, обрамление.

В упражнениях отрабатывается умение идентифицировать стилистические ресурсы в тексте и анализировать их функции. Например, дается задание отметить предложения, содержащие асиндетон, и охарактеризовать его функции.

- *All day long, bedpans, blanket-bathing, floor-cleaning.* (McEwan)

– I preferred to take it in alone, the interest of so much change, before I was obliged to become the guest of honour. (McEwan)

– Wronged child, wronged wife. (McEwan)

– The wound throbbed uncomfortably, each beat precise and tight. (McEwan)

К этому типу упражнений относится и задание выявить номинативные предложения.

1. All air and no substance. (McEwan)

2. If he didn't come back... (McEwan)

3. I find it difficult to believe. He's a fool, I know... (McEwan)

4. But I can't imagine him with Lola Quincey, even for the five minutes it took... (McEwan)

Также примером упражнений, проверяющих знание синтаксических стилистических ресурсов в парадигматическом аспекте, является задание на выявление предложений, содержащих полисиндетон, и анализ его функций:

– Three and a half years of nights like these, unable to sleep, thinking of another vanished boy, another vanished life that was once his own, and waiting for dawn, and slop-out and another wasted day. (McEwan)

– He was in love, with Cecilia, with the twins, with success and the dawn and its curious glowing mist. And what a reception party! (McEwan)

– Without being assigned, without removing their boots, without baths and delousing and hospital pyjamas, they were climbing onto the beds. (McEwan)

– The long fine nose, the dainty flare of the nostrils – there was something mask-like and carved about the face, and very still. And hard to read. (McEwan)

– Even without their attention and praise and obvious pleasure, Briony could not have been held back from her writing. (McEwan)

– Over the rills, and the crags, and the hills, Over the lakes and the plains... (Shelley)

В приводимых ниже контекстах студентам необходимо идентифицировать предложения, содержащие пролепсу, и охарактеризовать ее функции:

– Being here, sheltering in a barn, with an army in rout, where a child's limb in a tree was something that ordinary men could ignore, where a whole country, a whole civilization was about to fall, was better than being there, on a narrow bed under a dim electric light, waiting for nothing. (McEwan)

– To enter a mind and show it at work, or being worked on, and to do this within a symmetrical design – this would be an artistic triumph. (McEwan)

– Также предлагаются задания на идентификацию инверсии:

– It was hard to imagine him ever lonely, or bored or despondent; his equanimity was bottomless, as was his lack of ambition, and he assumed that everyone else was much like him. (McEwan)

– She wanted everything to be different, and here it was; and not only was it bad, it was about to get worse. (McEwan)

– Nor did Turner mind about the taunts. (McEwan)

– Before prison, before the war, before the sight of a corpse became a banality. (McEwan)

– Nor would he sit back, proud and fierce, shunning them in return. (McEwan)

Дополнительно дается задание проанализировать функции инверсии в предлагаемых контекстах:

– He thought of himself in 1962, at fifty, when he would be old, but not quite old enough to be useless, and of the weathered, knowing doctor he would be by then, with the secret stories, the tragedies and successes stacked behind him. Also stacked would be books by the thousand, for there would be a study, vast and gloomy, richly crammed with the trophies of a lifetime's travel and thought – rare rain-forest herbs, poisoned arrows... (McEwan)

– She assumed there would be a fight now for the grey socks, but the opposite was the case... (McEwan)

По аналогии в упражнениях по синтагматическому аспекту ставится задача идентифицировать, например, предложения, содержащие хиазм, анадиплозис, симплоку, обрамление:

– He did not know how he survived the daily stupidity of it. The stupidity and claustrophobia. (McEwan)

– На корме сидит сам хозяин,

Сам хозяин, грозен Стенька Разин (А.С.Пушкин)

– Я помочь не могу никому, Да и мне не поможет никто. (Р.Бернс)

– If naebody care for me, I'll care for naebody. (R.Burns)

Молодец удалой, ты разбойник лихой,

– Ты разбойник лихой, ты разгульный буян... (А.С.Пушкин)

– Come back. It was only a bad dream. Briony, come back. (McEwan)

I am what I am

– I want to find him. I want to kill him. (McEwan)

– He wanted a father, and for the same reason, he wanted to be a father. (McEwan)

– Come back... Robbie. Come back. (McEwan)

– I don't expect you to forgive me. – I won't ever forgive you. (McEwan)

– A glorious day. In another time this was what would have been called a glorious day. (McEwan)

– Turner assumed there was nothing he could do to help the man without risking a lynching himself. But it was impossible to do nothing. Joining in would be better than nothing. (McEwan)

– You carried the twins, but not us, no. No, you are not guilty. (McEwan)

– She was searching for another neutral topic, but there was nothing that did not lead back to the sensitive subjects – the subjects she was going to have to confront in any case – and it was because she could no longer bear the silence and the staring that she said at last, "Have you heard from the Old Man?" (McEwan)

– 'Even now, I'm not sure I can. But I know it's there.' 'I know it's there because it made me behave ridiculously...' (McEwan)

Аналогично, в других упражнениях этого типа ставится задача выявить предложения, основанные на синтаксическом параллелизме, анафоре или эпифоре, и охарактеризовать функции этих стилистических средств:

– Partly because of her youth and the glory of the day, partly because of her blossoming need for a cigarette, Cecilia Tallis half ran with her flowers along the path that went by the river, by the old diving pool with the mossy brick wall, before curving away through the oak woods. (McEwan)

– It was in his clear moments he was troubled. It wasn't the wound, though it hurt at every step, and it wasn't the dive-bombers circling over the beach some miles to the north. It was his mind. (McEwan)

– Yes, she was just a child. But not every child sends a man to prison with a lie. Not every child is so purposeful and malign, so consistent over time, never wavering, never doubted. A child, but that had not stopped him daydreaming in his cell of her humiliation, of a dozen ways he might find revenge. (McEwan)

– So much would not have happened, nothing would have happened, and the smoothing hand of time would have made the evening barely memorable: the night the twins ran away. (McEwan)

– He lit another cigarette to curb his hunger and tried to reduce his task to the basics: you walked across the land until you came to the sea. What could be simpler, once the social element was removed? He was the only man on earth and his purpose was clear. He was walking across the land until he came to the sea. (McEwan)

– Yes, she was a child at the time, and he did not forgive her. He would never forgive her. (McEwan)

В упражнениях другого типа студентам предлагается проанализировать, какие синтаксические средства доминируют в стихотворении (например, Р. Бернса «Песнь бедняка»), срав-

нить ИТ с ПТ и выяснить, передает ли переводчик стилистическое своеобразие оригинала. Подобным образом строится задание проанализировать стилистические синтаксические средства, используемые для выражения мысли в высказывании, и их функции:

– His excitement was close to pain and sharpened by the pressure of contradictions: she was familiar like a sister, she was exotic like a lover; he had always known her, he knew nothing about her; she was plain, she was beautiful; she was capable – how easily she protected herself against her brother – and twenty minutes ago she had wept; his stupid letter repelled her but it unlocked her. (McEwan)

5. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СЕМАСИОЛОГИИ

Целью данного раздела учебного пособия является формирование у студентов представления о стилистической функции семантических единиц и их взаимоотношений. При этом в парадигматическом аспекте изучается система фигур замещения (тропы), в синтагматическом – фигуры совмещения.

Объект парадигматической семасиологии – «стилистические функции значений в условиях окказиональной, необычной предметной отнесенности их носителей – языковых единиц любого значимого уровня» [Скребнев, 1975, с. 116]. Задача парадигматической семасиологии – «установить классификацию формул, по которым осуществляются переносы названий, именуемые в стилистике «тропами» [Скребнев, 1975, с. 116]. Вслед за Ю.М. Лотманом, тропом мы называем «пару взаимно несопоставимых значимых элементов, между которыми устанавливается в рамках какого-либо контекста отношение адекватности» [Лотман, 2000, с. 178]. Таким образом, любой троп совмещает в единице формы два семантических плана, поэтому стилистический механизм тропа состоит «в создании актуальной двузначности» [Скребнев, 1975, с. 116]. Для создания логически непротиворечивой классификации Ю. М. Скребнев предлагает рассматривать лишь универсальные виды переименований без учета частных стилистических явлений. Первичная классификация сводится к различению количественных и качественных переосмыслений, т.е. «фигуры замещения» можно разделить на «фигуры количества» (гиперболу и мейозис) и «фигуры качества» (метонимия, метафора, ирония).

Рассматриваемые в синтагматическом аспекте фигуры совмещения включают фигуры тождества (сравнение, синонимы-заменители), неравенства (синонимы-уточнители, климакс, антиклимакс, каламбур, зевгма) и противоположности (оксюморон, антитеза).

В упражнениях студентам предлагается идентифицировать стилистическое средство и охарактеризовать его функции:

– He had gone back where on one else was and found the boys under a tree and carried Pierrot on his shoulders and Jackson in his arms, across the park. So heavy! He was in love, with Cecilia, with the twins, with success and the dawn and its curious glowing mist. *And what a reception party!* (McEwan)

– In summary, as he helped me into my coat, he gave me the route map: loss of memory, short- and long-term, the disappearance of single words – simple nouns might be the first to go – then language itself, along with balance, and soon after, all motor control, and finally the autonomous nervous system. *Bon voyage!* (McEwan)

Одним из традиционных заданий является анализ функции метафоры в контекстах:

– It was not difficult to choose between these circles of suffering – the sea, the beach, the front. (McEwan)

– She ran a hand along the few feet of personal history, her brief chronicle of taste. (McEwan)

– Shoulder to shoulder, half standing, half sitting, they faced their childhood home whose architecturally confused medieval references seemed now to be whimsically light-hearted; their mother's migraine was a comic interlude in a light opera, the sadness of the twins a sentimental extravagance, the incident in the kitchen no more than the merry jostling of lively spirits. (McEwan)

– She ridiculed her own attempts at genealogy; the family tree was wintry and bare, as well as rootless. (McEwan)

Аналогично студентам предлагается выявить предложения, содержащие олицетворение.

– The temple was the orphan of a grand society lady, and now, with no one to care for it, no one to look up to, the child had grown old before its time, and let itself go. (McEwan)

– It was beginning to fade, the presence of her animal tormentor, and now she was able to arrange two pillows against the headboard in order to sit up. (McEwan)

– The collapse of the play was a terrible blow and the child would need all the comfort a mother could give. (McEwan)

– Only time, a prudish veil of hours, prevented her brother from seeing her as she had been. (McEwan)

Большую трудность для студентов традиционно представляют задания, связанные с выявлением контекстов, содержащих зевгму, каламбур, оксюморон:

1. As sweet as the evening air, this talk moved through and round her, conjuring a world of good intentions and pleasant outcomes. (McEwan)

2. Perhaps in time it would come to seem rugged, this chin like a wedge of cheese. Or chocolate. (McEwan)

3. It was changing its shape in a complicated way, thinning at the base as a vertical column rose five or six feet. (McEwan)

4. My phone number, my address, my name and what I did with my life will be gone. (McEwan)

5. It was not the backbone of a story that she lacked. It was backbone. (McEwan)

6. The senior inspector had a heavy face, rich in seams, as though carved from folded granite. (McEwan)

7. It was rather like that Christmas morning sensation of being about to give a present that was bound to cause delight, a joyful feeling of blameless self-love. (McEwan)

8. The military response was automatic, like the reflexes of a clam. (McEwan)

В качестве контрольных мероприятий после выполнения упражнений студентам предлагается выполнить тест по каждой теме, а также общий тест, охватывающий все изученные разделы. В пособии также содержится глоссарий, включающий термины на английском языке и их дефиниции, задание на решение кроссворда, в котором отрабатывается знание английской терминологии, методические рекомендации студентам.

Заключение

Учебное пособие может быть использовано как для аудиторных занятий со студентами, так и для организации их самостоятельной работы. По окончании курса студент должен сформировать следующие стилистические компетенции: иметь целостное представление о системе стилистических ресурсов языка в парадигматическом и синтагматическом аспектах, уметь определять изученные понятия, идентифицировать стилистические ресурсы в тексте и анализировать их функции, понимать и создавать высказывание с учётом коннотаций. Тренинг данных компетенций является важным условием развития у будущего специалиста языковых и собственно переводческих компетенций и повышает качество его профессиональной подготовки. В целом степень сформированности стилистических компетенций у студентов значительно определяет уровень их профессиональной компетентности.

Список литературы

1. Английская поэзия в русских переводах (XIV – XIX вв.) / Сост. М.П. Алексеев и другие (на англ. и русск. яз.). Москва: Прогресс, 1981. 684 с.
2. Казарин Ю.В. Поэтический текст как система. Екатеринбург: Изд-во «Уральский университет», 1999. 257 с.
3. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1996. 848 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
5. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. Сказки. Москва: Художественная литература, 1977. 783 с.

6. Русская поэзия XIX в. В 2-х томах. Москва: Художественная литература, 1974. Т.1. 703 с.; Т.2. 734с.
7. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький: Изд-во «Горьковский педагогический институт иностранных языков», 1975. 175 с.
8. Тарлинская М.Г. Структура и эволюция английского стиха: Автореф. дисс. ... д. филол. н. Москва: Изд-во «Московский государственный университет», 1975. 61 с.
9. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. Москва: Прогресс, 1987. 476 с.
10. McEwan, Ian. Atonement. Vintage, 2002. 372 p.

Shutemova N.V.

*Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Department of Linguodidactics
Perm State University*

**DIDACTICS OF STYLISTICS:
DESIGN OF THE ELECTRONIC TEXTBOOK
«STYLISTICS OF THE ENGLISH LANGUAGE»**

The paper considers the design of the electronic textbook on stylistics designated for students specializing in translation and Translation Studies and aimed at forming their stylistic competence. The latter is crucially important in pretranslation analysis of a ST, its translation and efficient intercultural communication. Stylistic lingual means are treated in paradigmatic and syntagmatic aspects. The classification is based on logically consistent grounds, sample tasks are provided. Training is aimed at the development of competences necessary to cope with challenges an interpreter faces in the professional activity.

Key words: stylistic means, stylistic competence, professional competences, translation.

УДК 821.111:82(091)

Бячкова Варвара Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры, доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации, Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел.: 8(342)2396290
E-mail: bvarvara@yandex.ru

Проскурнин Борис Михайлович

Доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры, Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел.: 8(342)2396290
E-mail: bproskurnin@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И ДИНАМИКА АНГЛИЙСКОГО РЕАЛИЗМА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ КАФЕДРЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 1970–1990-Х ГГ.¹

В статье анализируются труды учёных кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета, посвящённые осмыслению творчества английских писателей-реалистов начала и середины XIX в. Научные исследования сотрудников кафедры (А.А. Бельского, М.В. Петровой, М.В. Фоменко, Т.Г. Чубаровой, Л.А. Шипицыной, Р.Ф. Яшенькиной и других) по изучению творчества таких английских писателей, как М. Эджуорт, Дж. Остен, С. Ферриер, Ч. Диккенс, У.М. Теккерей, Ч. Рид, Ч. Кингсли, Э. Треллоп и других, внесли существенный вклад в формирование российских представлений о поэтологических, жанровых, исторических и национальных особенностях английской литературы XIX в. и стали ещё одним подтверждением развиваемого учёными кафедры тезиса о непрерывности английской реалистической традиции.

Ключевые слова: английский роман, реалистическая традиция, пермские филологи-зарубежники, литературная традиция.

Введение

Тема исследований английского реализма (и в большей мере – английского романа) на кафедре мировой литературы и культуры Пермского университета связана прежде всего с именем профессора Александра Андреевича Бельского (1921–1977). Наибольшее внимание в его научных трудах было уделено фигуре В. Скотта. Именно романам Скотта посвящена большая часть монографий ученого по истории английского романа начала XIX в. «Английский роман 1800–1810-х гг.» [Бельский, 1968], «Английский роман 1920-х гг.» [Бельский, 1975], не считая отдельных статей, анализирующих творчество писателя, который по праву считается родоначальником исторического романа (см., например, А.А. Бельский «Вальтер Скотт. Очерк творчества» [Бельский, 1958], посвящённые В. Скотту главы монографии

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-412-590005р_а «Пермские филологи-зарубежники: биографии, труды, ученики».

«Английский роман 1800–1810-х гг.» [Бельский, 1968, с. 108–247], первую главу монографии «Английский роман 1820-х годов» [Бельский, 1975, с. 5–80], статьи о Вальтере Скотте в Большой советской [Бельский, 1969–1978, с. 524–525] и Краткой литературной [Бельский, 1971, с. 895–901] энциклопедиях и т.д.¹). Однако помимо создания полной картины поэтики и динамики романного творчества В. Скотта, важны размышления А.А. Бельского о жанровой природе исторического романа. Как пишет Б.М. Проскурнин, наиболее значимой мыслью А.А. Бельского (как для современной науки об историческом романе в целом, так и для изучения творчества В. Скотта) является «мысль о структурирующей роли исторически значимого, судьбоносного для страны или народа конфликта, без которого немислим настоящий исторический роман» (см. [Проскурнин, 2018, с. 217] или [Бельский, 1968, с. 136–139]).

Основная часть

Важно, что анализируя творчество В. Скотта, А.А. Бельский не проходит мимо современников знаменитого шотландского романиста, в том числе – младших. Как уже было сказано, предметом монографий (а также докторской диссертации исследователя) являлся английский роман начала XIX в. в целом, а потому в фокус внимания учёного попадали многие романисты того времени, чей вклад должен был оценён в силу значимости английской романной традиции в мировой литературе. А.А. Бельский в определённой степени опровергает тезис о том, что В. Скотт был едва ли не единственным романистом Британских островов первых десятилетий XIX в., заслуживающим серьёзного не внимания отечественных литературоведов XX в., а время после его смерти и до расцвета талантов английских писателей-реалистов (Ч. Диккенса, У.М. Теккерея и других) и вовсе является «мертвым периодом» в истории английского романа. В научных работах А.А. Бельского, напротив, воздается должное таким недостаточно изученным на тот момент писателям, как М. Эджуорт, Т.Л. Пикок, С. Ферриер, Дж. Голт, Дж. Остен («Остин» в орфографии А.А. Бельского). Все они, будучи органично связанными с традициями английского романа эпохи Просвещения, наглядно демонстрируют непрерывность литературной традиции английского социального романа, «подготавливая» следующие его этапы: критического (Ч. Диккенс, ранний У.М. Теккерей, сёстры Бронте, Э. Гаскелл) и «антропоцентрического» реализма (поздний У.М. Теккерей, Дж. Элиот, Э. Троллоп, Дж. Мередит и другие).

Мария Эджуорт (*Maria Edgeworth*, 1767–1849), как утверждает А.А. Бельский, «стояла у истоков английского социального романа XIX в.» [Бельский, 1975б, с. 222]. Как «ранний опыт» этого жанра исследователь определяет её роман «Замок Рэкрент» (*“Castel Rackrent”, 1800*), с которого (учитывая дату его создания) и «начинается история английского романа XIX в.» [Бельский, 1968, с. 12]. По мнению учёного, отнести «Замок Рекрент» к социальному роману позволяют социально-аналитический взгляд писательницы на детали и факты, что характеризует роман как «произведение о неизбежном конце феодального землевладения в Ирландии» [Там же, с. 13]. А.А. Бельский также проводит любопытные параллели между творчеством Эджуорт и Бальзака, полагая, что в их произведениях «отражены сходные явления действительности» [Там же, с. 14]. В «Замке Рэкрент», по мнению А.А. Бельского важно внимание, уделяемое писательницей специфическому социальному началу, которое «было присуще общественной жизни и нравам Ирландии... **вполне определенного времени**» (Здесь и далее выделено в источнике. – *В.Б., Б.П.*). Это позволяет делать вывод об элементах историзма, очевидных в подходах писательницы к изображению современной ей действительности.

По мнению учёного, более поздние произведения М. Эджуорт продолжают традицию другого жанра – семейно-нравоописательного романа (*“the novel of manners”*), линия развития которого идёт «от Ричардсона к Фанни Берни, в известной степени к Шарлотте Смит и, наконец, к Марии Эджуорт и Джейн Остин» [Бельский, 1968, с. 23]. Анализ «основательно

¹ Подробнее о научном наследии А.А. Бельского и его исследовании творчества В. Скотта см. статьи Б.М. Проскурнина в журналах «Мировая литература в контексте культуры» 2010, 2018 [Проскурнин, 2010], [Проскурнин, 2018], «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» [Проскурнин, 2012].

присутствующих» в романах Марии Эджуорт реалистических деталей, сатирического изображения типичных явлений английского и ирландского общества начала XIX в., а также полемика писательницы с апологетами модного тогда жанра сентиментально-чувствительного романа (см., например, роман «Леонора» [Там же, с. 30]) позволили исследователю сделать вывод о роли М. Эджуорт в становлении английского реализма, без которой «шедевры Скотта, Диккенса, Теккерея не могли бы быть созданы» [Там же, с. 45].

А.А. Бельский был первым в отечественной англистике, кто дал объёмный и глубокий анализ творчества Дж. Остен (Jane Austen, 1775–1817). Для него романистика Остен – «важное звено в развитии английской реалистической литературы» [Бельский, 1968, с. 107]. Именно поэтому учёный ратует за более адекватную и непредвзятую характеристику романного творчества писательницы, без которого невозможно дать полную картину литературного процесса Англии всего XIX в., настолько важными и необходимыми оказались открытия Остен для английского романа не только первой трети XIX в. [Бельский, 1975б, с. 222]. Не случайно многие исследователи, например, А. Кеттл (см.: [Кеттл, 1966]) начинают отсчёт истории современного этапа развития жанра именно с творчества Дж. Остен (об исследованиях и оценках творчества писательницы английскими и американскими литературоведами см., например: [Johnson, 2001]). В монографии 1975 г. А.А. Бельский анализирует романы Остен в порядке их создания, не пропуская ни один и стремясь не только увидеть специфику поэтики Остен на большом и объёмном материале, но и понять динамику её романного искусства, таким образом, подчеркнув живой характер её творчества, его значимость для истории английской литературы. Таким образом, первым анализируется роман «Нортенгерское аббатство» (“Northanger Abby”, 1818). Анализ А.А. Бельским этого романа рисует Остен словно в процессе поиска, разработки собственных художественных приёмов и методов её «выступления» «против абсолютизации» популярного в начале XIX в. жанра готического романа, не отрицая «известного значения лучших произведений готической школы» [Бельский, 1968, с. 60]. Исследователь подчеркивает, что со свойственной ей иронией Остен пытается обратить внимание читателей на реальную действительность, изображения которой остро не хватало в произведениях А. Рэдклиф и других представителей «готического» жанра. В произведениях Остен учитывается тот факт, что личности **формируются в определённой среде**, в немаловажной степени обусловлены ею» [Там же, с. 106], что позволяет говорить о начальных элементах **последовательного социального детерминизма** в романах Остен. Среди главных талантов писательницы А.А. Бельский выделяет её психологическое мастерство и способность обрисовать «конкретные человеческие характеры» [Там же, с. 81], например, Элизабет Беннет («Гордость и предубеждение») или Анны Элиот («Убеждение»). Подобное внимание к человеку и его личности позволило писательнице поднять нравоописательный роман «до степени большого искусства», проложив путь развития английской критической литературы не только «через исторический роман Вальтера Скотта <...>, но и через роман нравоописательный» [Там же, с. 107].

Томас Лав Пикок (Thomas Love Peacock, 1785–1866) назван А.А. Бельским «родоначальником современного интеллектуального романа» (романа-дискуссии), впоследствии получившим своё продолжение и развитие в творчестве Дж. Мередита, Дж. Пристли, Р. Олдингтона и других. [Там же, с. 248–249б, 285]. На протяжении творческого пути Т.Л. Пикок пробовал себя в разных жанрах: роман-трактат, роман-пародия, политический роман и т.д. Наибольшего творческого успеха он, по утверждению А.А. Бельского, достигает, соединив «интеллектуальный диалог с элементами пародии» в романе «Найтмерское аббатство» (“Nightmare Abbey”, 1818). Именно сочетание интеллектуального и сатирического, пародийного компонентов связывает Пикока, с одной стороны, с его «предшественниками» (Беном Джонсом и Л. Стерном), а с другой – с «последователями» (Дж. Мередитом, Б. Шоу и другими).

Развитие нравоописательного романа в Шотландии и Англии А.А. Бельский связывает с именами Сьюзен Ферриер (Susan Ferrier, 1782–1854) и Джона Голта (John Galt, 1779–1839); их творчеству посвящена третья глава монографии «Английский роман 1820-х гг.» [Бельский,

1975a]. Творческие установки Сьюзен Ферриер, как пишет А.А. Бельский, «во многом формировались под влиянием английской литературы XVIII в.» [Бельский, 1975а, с. 133]. Не менее важную роль в становлении писательницы сыграл и В. Скотт, будучи и другом семьи Ферриер и автором произведений, на которых она «училась мастерству реалистического бытописания» [Там же, с. 135]. В романах С. Ферриер «Супружество» (“Marriage”, 1810), «Наследство» (“The Inheritance”, 1823), «Судьба» (“Destiny”, 1831) исследователь видит определённые переключки с творчеством Дж. Остен, несмотря на значительную разницу между романами двух писательниц, состоящую, например, в том, что Ферриер с гораздо большим пиететом относилась к традициям готического романа, от которых Остен, как мы помним, понемногу отказывалась и даже пародировала их («Нортингерской аббатство»). С. Ферриер «ближе к Ричардсону и Берни, чем к Остин, если иметь в виду нравоучительный, дидактические тенденции её творчества» [Там же, с. 158]. Сходство между творчеством Остен и Ферриер прослеживается как в использовании частных приёмов (например, прямая или несобственно-прямая речь как средство комического, что является весьма характерной чертой английского романного повествования) [Там же, с. 140]), так и в общности творческих подходов в целом: внимание к внутреннему состоянию героя, его чувствам и переживаниям. Исследователь увидел у обеих романисток «склонность к изображению характеров, отмеченных эксцентричной манерой поведения, речи, всего образа жизни», за которой, по его справедливому наблюдению, стоит традиция английской литературы, идущая от шекспировских шутов к комическим персонажам Фильдинга, Смоллета, Стерна» [Там же, с. 149], а затем – «через Остен и Ферриер – к «чудакам» Диккенса.

Произведения Джона Голта также нередко сравниваются А.А. Бельским с романами Ч. Диккенса. Так, в исследовании проводится параллель между «Приходскими хрониками» Голта (“Annals of the Parish”, 1821) и циклом очерков «Наш приход» (из «Очерков Боза» Диккенса), как между произведениями, где описываются «нравы не только частные, но и социально-исторические» [Там же, с. 174]. А некоторые герои романа «Майорат» (“The Entail”, 1823) обладают несомненным сходством с героями «Домби и сына» и «Дэвида Копперфильда» Диккенса, что говорит о внимании обоих писателей к одним и тем же проблемам и человеческим типам: собственника, потерявшего связь с реальной жизнью и «чудака», навеки отгородившего себя от материального. Таким образом, в монографиях А.А. Бельского сопоставление творчества малоизученных на тот момент фигур английской литературы начала XIX в. с широко известными как исследователям, так и читателям, писателями наглядно демонстрирует раннее возникновение и развитие, а также непрерывность реалистической традиции в английской литературе.

В 1980-е гг. исследование английских писателей, заложивших основы реалистической традиции, продолжила Е.П. Ханжина, о чём писала Н.С. Бочкарева, отмечая широкий спектр тем, поднятых в её работах по английской и американской литературе (см.: [Бочкарева, 2018]). В нашей статье мы обратим внимание на анализ творчества Фанни Берни (Fanny (Frances) Burney, 1752–1840) и анализ её романа «Эвелина» (“Evelina”, 1778) (о статье «Своеобразии реализма в романе Ф. Берни «Эвелина» см. также: [Новокрещенных, 2018]), поскольку, во-первых, это ранняя работа Е.П. Ханжиной, и демонстрирует уже сложившийся системно-целостный подход начинающего ученого к литературному произведению; во-вторых, эта работа – вклад в общую исследовательскую концепцию кафедры о непрерывной реалистико-психологической линии в английской литературе, начиная едва ли не с Дж. Чосера. Как известно, затем Е.П. Ханжина перейдёт к изучению американской романтической поэзии и весьма преуспеет в этом. Исследовательница пишет: «Английский роман всегда развивался прежде всего как роман реалистический. Линия развития реализма в литературе этой страны является непрерывной, что связано, прежде всего, с жанром романа» [Ханжина, 1980, с. 38]. Е.П. Ханжина, анализируя роман, безусловно, делает акцент на том, что Ф. Берни во многом сохраняет связь с романами эпохи Просвещения. Среди принципов и приёмов, «унаследованных» от Фильдинга, Смоллета, Ричардсона – жанровые особенности,

эпистолярность, сочетание лирических и эпических элементов в повествовании, «комическая струя». Вместе с тем, внимание писательницы к повседневному, бытовому, «своеобразное впечатление непосредственного наблюдения» [Там же, с. 49] сближают творчество писательницы с романами Джейн Остен и английскими писателями последующих эпох.

Исследования английского реализма XIX и рубежа XIX–XX вв. продолжают на кафедре мировой литературы и культуры Пермского университета и по сей день (см., например, многочисленные научные труды профессоров Б.М. Проскурнина и Н.С. Бочкаревой). В этой статье мы обратим внимание лишь на ряд имён и работ, продолживших в 1980–90-е гг. сложившуюся на кафедре традицию основательного изучения английской реалистической литературы. Так, например, предметом исследования М.В. Фоменко были творчество Ч. Кингсли (Charles Kingsley, 1819–1875) и английская публицистика XIX в. Публицистика, как известно, внесла существенный вклад в развитие литературы эпохи реализма (многие писатели, в том числе – Диккенс, Теккерей, например, начинали именно как журналисты, шлифуя мастерство наблюдателя и умение создавать произведение на злобу дня в форме диалога с читателем-современником). В частности, в фокусе внимания М.В. Фоменко были традиции английской публицистики общества «христианских социалистов», кружка, сплотившегося вокруг священника Ф.Д. Мориса. Как отмечает исследователь, публикации «морисовцев» отличались интересными экспериментами с жанром («памфлет, басня, афоризм, письмо, диалог» [Фоменко, 1986, с.71]) и стилем (имитация малограмотной речи «подставного рассказчика»). В подобного рода экспериментах определённо прослеживается заявка на ряд национальных особенностей английской художественной литературы эпохи реализма: её дидактическую функцию, «открытый» диалог всезнающего повествователя с читателем, широкое использование авторского комментария и, наконец, создание узнаваемого, правдоподобного героя и ситуации на страницах литературного произведения.

Среди исследований творчества двух самых известных и значимых представителей английского критического реализма (Ч. Диккенса и У.М. Теккерей) нужно, прежде всего, отметить научные труды Р.Ф. Яшенькиной. Творчество У.М. Теккерей привлекало внимание ещё А.А. Бельского. Работая над теорией исторического романа, А.А. Бельский не мог обойти вниманием «Историю Генри Эсмонда» – один из ярчайших образчиков жанра. В статье, посвящённой роману, исследователь рассуждает о соотношении в произведении жанров исторического романа и семейной хроники, когда «в основе конфликта лежат важные события прошлого, определяющие во многом личные судьбы героев» [Бельский, 1960, с. 71–72], тогда «исторический роман здесь не сливается с семейно-бытовым, а лишь в известной мере облекается в форму хроники» [Там же]. Изображение переломной для истории Англии эпохи конца XVII– начала XVIII вв., её колорита, типических нравов и характеров с мастерским использованием традиционных для Теккерей сатирических приемов создают произведение, в котором «критический реализм Теккерей <...> получил наиболее яркое воплощение» [Бельский, 1960, с. 68], а его создатель «проявил себя тонким и глубоким мастером исторического жанра» [Там же].

Р.Ф. Яшенькина в учебном пособии¹ «История зарубежной литературы 1830-х–1870-х годов. Английские реалисты XIX в. (Ч. Диккенс, У.М. Теккерей, Ш. Бронте)», написанном в соавторстве с Б.М. Проскурниным, в главе о Теккерее сосредоточивает внимание на анализе самого известного романа У.М. Теккерей «Ярмарка тщеславия». Этот многоплановый роман, как пишет Р.Ф. Яшенькина, был создан «с установкой писателя на то, чтобы дать картину-обозрение английского общества, сохранив интерес к индивидуальности изображаемых характеров, реализующихся через собственные сюжетные линии... характеры предстают как

¹ Одним из особенностей этого учебного пособия, как и пособий этих авторов «Французский реализм», «Зарубежный реализм после 1848 г.»; а также учебника, изданного московским издательством «Флинта: Наука» «История зарубежной литературы XIX в. Западноевропейская реалистическая проза» (1998, переизд. 2004, 2006, 2008 гг.), заключается в сочетании учебного и научного подходов; разделы учебных пособий построены таким образом, чтобы приобщить студента не только к цитатно-литературному материалу, но и к научным аспектам обсуждаемых вопросов, к достижениям отечественной и зарубежной литературоведческой мысли.

воплощение **определённых** свойств жизни **определённого** времени» [Яшенькина, 1994, с. 97]. Наиболее интересным в разделе, посвящённом «Ярмарке тщеславия», оказывается то, как Р.Ф. Яшенькиной удаётся вписать роман в контекст европейской литературы эпохи, а также в контекст английской литературной традиции. По справедливому наблюдению исследователя, использованные Теккереем элементы авантюрного, плутовского романа и сатирическая типизация связывают его произведение с «Томом Джонсом» Филдинга и «Дон Жуаном» Байрона. Анализируя образ главной героини романа Бекки Шарп, Р.Ф. Яшенькина, напротив, подчеркивает различия между героиней Теккереем и молодыми героями Стендаля и Бальзака. Такое противопоставление даёт особую пищу для размышлений, если мы вспомним, что Бекки Шарп – наполовину француженка, то есть наполовину соотечественница Жюльена Сореля и Эжена де Растиньяка. В отличие от молодых героев Бальзака и Стендаля, Бекки не имеет «стартового капитала»; она не проходит путь утраты иллюзий, так как не питает их изначально. Наконец, «поражение» героини обусловлено не обстоятельствами, средой и тому подобным, а свойствами её натуры.

В разделе учебного пособия, посвящённом творчеству Ч. Диккенса, Р.Ф. Яшенькина объёмно анализирует романы «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Дэвид Копперфильд» и «Тяжелые времена». Её размышления в значительной степени дополняют и расширяют представление о творчестве писателя, чьё творчество «принадлежит к наиболее замечательным страницам мировой литературы [Яшенькина, 1994, с. 13]. В главе, посвященной роману «Домби и сын» особый интерес представляет, например, полемика исследователя с литературоведами, считающими финал романа неестественным (имеется в виду, прежде всего, нравственное перерождение героя). На самом деле, по мнению Р.Ф. Яшенькиной, речь идёт о том, что «Домби» – категория социально-типологическая, такая же, как и «форсайтизм» у Голсуорси» [Там же, с. 23]. Нравственное перерождение героя в финале романа – не «прихоть» Диккенса, а естественный процесс освобождения персонажа от социально-общественных связей и обязанностей (фирмы), «убывания» социально-типологического начала в нём и пробуждения человека [Там же].

Примечательным и весьма отличающим исследователя от других авторов, писавших о Диккенсе, представляется внимание, которое Р.Ф. Яшенькина уделяет роману «Дэвид Копперфильд» как роману о творце, о художнике. Диккенс не столько рассуждает о творчестве, полагает Р.Ф. Яшенькина, сколько стремится показать, **как** писатель смотрит на мир. «Ещё в раннем детстве он обнаруживает талант наблюдения, непосредственного и живого восприятия мира... в повествовании значительную роль играют авторские описания (портретирование, обрисовка интерьера, детализация, воспроизведение впечатлений), характер которых определяется наблюдением, зрительной отчетливостью» [Яшенькина, 1994, с. 36]. Таким образом, расширяется представление как о жанровой природе знаменитого романа Диккенса, так и о его художественной целостности и ценности.

Роман «Тяжелые времена» Р.Ф. Яшенькина определяет как «одно из высших достижений в творчестве Диккенса» [Там же, с. 39]. Помимо новаторских для Диккенса формальных характеристик (отказ от полицентрического построения сюжета и конфликта, снижение сюжетной роли мотива тайн, интриги и т.п.), исследователь справедливо отмечает оригинальную жанровую природу романа. Символический смысл композиции романа (три части: «Сев», «Жатва», «Сбор в житницы») – образ промышленного города Кокстауна, жители которого не просто страдают от ежедневного тяжкого труда, но измучены самой атмосферой капиталистического общества, породившего скуку и унылое однообразие, – всё это, в сочетании с характерологическим и сатирическим мастерством Диккенса, создаёт новый жанр. «Тяжёлые времена», по справедливому замечанию Р.Ф. Яшенькиной», – «это первый в мировой литературе **роман о рабочем классе**» (выделено автором – В.Б., Б.М.) [Там же, с. 39].

Нельзя не сказать о проведенном Р.Ф. Яшенькиной анализе романа «Посмертные записки Пиквикского клуба», поскольку это едва ли не единственный в подобных изданиях развёрнутый разговор о поэтике одного из самых оригинальных, а потому и очень «диккенсовских» романов.

Первый роман Диккенса рассматривается в книге не как «проба пера», не как «сырое» произведение, не заслуживающее внимания, а как начало эксперимента писателя-реалиста по критико-комическому и сатирическому освоению действительности и передачи результатов этого освоения в литературном произведении. Р.Ф. Яшенькина пишет о том, что Диккенс, несомненно, развивает существующий в мировой литературе со времен Сервантеса жанр комической эпопеи. Однако в его произведении закладываются основы специфического «диккенсовского» сатирического, ситуативного юмора, созданного посредством гиперболы, несобственно-прямой речи, авторского юмористического обобщения и тому подобного. Яркой иллюстрацией использования Диккенсом такого рода принципов и приемов видится исследователю глава XVIII, описывающая политическую борьбу Итенсуилле [Там же, с. 16–17]. Так, уже первый роман Диккенса представляет особый интерес с точки зрения обсуждения в нём серьёзных, актуальных проблем и критического анализа действительности. Кроме того, Р.Ф. Яшенькиной удаётся «реабилитировать» героев-«чудаков» Диккенса, хотя их характеры на протяжении романа не развиваются, «по мере комического странствия героев выявляется полнота их характеров, за чудачеством выступает человеческое» [Там же, с. 18].

Пермские филологи-зарубежники внесли свой вполне определённый вклад не только в постижение творчества всем известных фигур английской литературы XIX в., но ввели в научный обиход малоизученные тогда имена английской литературы. Такова была исследовательская позиция основателя школы англистики на кафедре А.А. Бельского: в национальном литературном процессе важны все его составляющие, а не только великие. Кроме того, по справедливому суждению учёного, писатели второго и даже третьего ряда могут более зримо и ощутимо, чем гении с их, как правило, выходом за рамки «чистого» явления, представить те или иные тенденции литературного развития и особенности литературной эпохи.

Именно поэтому ученики А.А. Бельского М.В. Петрова и Б.М. Проскурнин в конце 1970-х гг. обратились к творчеству Энтони Троллопа (Anthony Trollope, 1815–1882). Советские англисты считали в то время Э. Троллопа второразрядным и не заслуживающим внимания писателем (см., например: [Аникст, 1956]). Уже упомянутая нами статья Е.П. Ханжиной, посвященная анализу романа «Эвелина», была опубликована в сборнике научных трудов «Из истории реализма в литературе Англии», вышедшем в Пермском государственном университете в 1980 г. Посвящённый памяти А.А. Бельского, который скоропостижно скончался в августе 1977 г., сборник включает статьи учёных, исследовавших, как отмечает главный редактор в аннотации, «основные исторические этапы и особенности формирования и развития реалистического метода в Англии, а также его национальные особенности» [Из истории реализма в литературе Англии, 1980, с. 4]¹. В этом же сборнике была опубликована статья М.В. Петровой, исследующая особенности реалистической эстетики Э. Троллопа и вошедшая в диссертационное исследование М.В. Петровой [Петрова, 1981]). Своей целью М.В. Петрова ставит «вписывание» творчества Э. Троллопа в контекст литературного процесса XIX в. Исследователь напоминает о высокой оценке, которую давали творчеству Э. Троллопа его современники, в частности, Л.Н. Толстой. По их мнению, которое автор статьи безусловно разделяет, реалистическое мастерство Э. Троллопа состоит в «ясности характерологических зарисовок, метких и чётких наблюдениях над особенностями английской провинции, в самобытном характере романного повествования» [Петрова, 1980, с. 62]. Вписывая романы Э. Троллопа в национальный литературный контекст, необходимо, по мнению исследователя, обратить внимание на сходство творческого метода Э. Троллопа и Дж. Остен, О. де Бальзака, У.М. Теккерея, а также Дж. Элиот. Как и Бальзак, Троллоп в своих романах рисует образ жизни-потока и, хотя он не ставил целью масштабное изображение типов современного общества, его характеры глубоко индивидуальны [Там же, с. 65]. Таким образом,

¹ Кроме упомянутых в тексте статьи работ, в сборнике содержатся материалы таких ученых как Н.М. Пьянкова (Саратовский университет), В.Г. Тэр-Абрамовой (ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина)), Т.Л. Селитриной и А.А. Федорова (Башкирский университет), А.А. Влодавской (Донецкий университет), В.Г. Бабенко (Уральский университет) а также представителей кафедры мировой литературы и культуры ПГУ – Б.М. Проскурнина, А.Ф. Любимовой, Р.Ф. Яшенькиной и И.Н. Клепацкой, А.А. Бельского (см. [Из истории реализма в литературе Англии, 1980]).

эстетические взгляды Э. Троллопа более схожи с взглядами У.М. Теккерея, нежели с взглядами Бальзака, однако, в отличие от У.М. Теккерея, Э. Троллоп «не принимал романтической гиперболизации и гротеска» [Там же, с. 67]. Говоря о творчестве Дж. Остен, М.В. Петрова отмечает сходство, женских характеров, создаваемых двумя английскими романистами (умных и духовно сильных, готовых отстаивать своё счастье), хотя Троллопу свойственно в большей степени, по сравнению с Остен, включение героинь в «многообразное взаимодействие со средой» [Там же, с. 66], то есть они более активны, их жизнь не ограничивается только семейным кругом. Точками пересечения творчества Э. Троллопа и Дж. Элиот названы «работа с читателем», «точное и правдивое изображение действительности» [Там же, с. 69]. Необходимо отметить, что «работе» Троллопа с читателем М.В. Петрова уделяет особое внимание, отмечая активность авторской позиции, активное использование авторского комментария и оценки происходящего в романе, а также «осмысление роли писателя в общественной жизни» [Там же, с. 68–69]¹. Таким образом, основные творческие достижения Э. Троллопа-реалиста определяются М.В. Петровой следующим образом: «Он умел проникать в суть явлений, «нырять» на дно человеческой души и влить на читателя» [Там же, с. 71]. Исследования М.В. Петровой, как и многочисленные работы Б.М. Проскурнина (см., например: [Проскурнин, 1981],[Проскурнин, 1992], [Проскурнин, 2000] и другие), безусловно, внесли весьма существенный вклад в изучение творчества Э. Троллопа, начиная с «возвращения» в отечественную англистику этого имени в перечень ведущих английских писателей викторианской эпохи². В связи с этим хотелось бы также привести в пример исследований Л.А. Шипицыной и Т.Г. Чубаровой. Объектом научных исследований Л.А. Шипицыной было творчество английского романиста и драматурга Чарльза Рида (Charles Reade, 1814–1884), современника, ученика (и тезки) Ч. Диккенса.

Романы Рида (например, «Никогда не поздно исправиться» (“It is never too late to mend”, 1856), «Чистоган» (“Hard Cash”, 1863) Л.А. Шипицына относит к жанру «романа «установленного факта» [Шипицына 1975а: 38] или “matter-of-factromance” [Шипицына, 1975б, 46]. В творчестве писателя, по справедливому наблюдению учёного, сочетаются различные тенденции. Так, Рид продолжает традицию романов о преступном мире и романов «готического» жанра, вслед за Д. Дефо, Дж. Филдингом, У.М. Теккереем и другими. Вместе с тем, другим важным компонентом его творчества является дидактичность (как мы помним, это одна из важнейших особенностей и функций викторианского реалистического романа XIX в.). Ч. Рида, как отмечает Л.А. Шипицына, отличает определённая «документальность» сюжетики (известно, что в основу романов «Никогда не поздно исправиться» и «Чистоган» легли реальные истории из жизни, привлёкшие в свое время внимание автора (см.: [Шипицына, 1975а, с. 39; Шипицына 1975б: 48]). Произведения Ч. Рида можно отчасти отнести к так называемым «сенсационным» романам, поставив его творчество на одну ступень с У. Коллинзом. Однако, по мнению Л.А. Шипицыной, крайне важен реалистический план романов Рида, социально-обличительное начало, острота и злободневность материала, с которым он работает. Всё это сближает романы писателя «с наиболее значительными произведениями того периода» [Шипицына, 1975б, 48] и позволяет рассматривать его творчество в контексте реалистической парадигмы.

Наконец, нельзя не сказать об исследованиях Т.Г. Чубаровой творчества Джорджа Мура (George Moor, 1852–1933). В статьях и диссертационном исследовании «Проза Джорджа Мура 1890–1914 гг. (к вопросу о творческом методе)» (см. [Чубарова, 1983]) Т.Г. Чубарова отмечает «объективность изображения, социальный и психологический детерминизм, историческое рассмотрение жизни человека и общества», а также «глубокую типизацию» как реалистические принципы социального романа Мура, которые убедительно доказывают факт про-

¹ Исследование творчества Э. Троллопа в этом контексте было продолжено в исследованиях В.А. Бячковой [Бячкова, 2009]. Сегодня анализ нарративной структуры викторианского романа продолжает Н.С. Тарасова (в фокусе ее внимания – романы Ш. Бронте) [Тарасова, 2018]

² Исследованию Э. Троллопа на кафедре мировой литературы и культуры Пермского университета и трудам Б.М. Проскурнина планируется посвятить отдельный материал.

должения Муром реалистической традиции английской литературы на рубеже XIX и XX в. [Чубарова, 1983, с. 13]. По мнению исследователя, необходимо также помнить и о том, что Дж. Мур – один из первых ирландских писателей, творивших в жанре социально-психологического романа [Там же], то есть он не просто продолжает национальные традиции, но расширяет их «географию».

Заключение

Таким образом, научные труды пермских филологов-зарубежников А.А. Бельского, Р.Ф. Яшенькиной, Е.П. Ханжиной, М.В. Фоменко, Т.Г. Чубаровой вносят существенный вклад в исследование проблемы становления и развития английского реализма XIX в. Эта линия научной работы кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного университета была начата одновременно с «возрождением» кафедры в 1964 г. и продолжается по сей день. Главным тезисом этой линии является мысль о непрерывном развитии английской реалистической романной традиции.

Список литературы

1. Аникст А.А. История английской литературы. Москва: Учпедгиз, 1956. 464 с.
2. Бочкарева Н.С. От романтической поэзии к современному роману: литературоведческие работы Е.П. Ханжиной // Мировая литература в контексте культуры. 2018. № 7(13). С. 162–168.
3. Бельский А.А. Английский роман 1800–1810-х гг. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1968. 334 с.
4. Бельский А.А. Английский роман 1820-х гг. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1975а. 205 с.
5. Бельский А.А. Вальтер Скотт. Очерк творчества. Москва.: Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР, 1958. 40 с.
6. Бельский А.А. «История Генри Эмонда» В.М. Теккерея как исторический роман // Ученые записки. Т. XVIII, Вып. 4. 1960. С. 65–81.
7. Бельский А.А. Пути развития реализма в английском романе первой трети XIX в.. Автореф.... д. филол. н. Москва: Институт мировой литературы, 1969. 43 с.
8. Бельский А.А. Скотт, Вальтер // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. Москва: Советская энциклопедия; Советская Россия. 1971. С. 895–901.
9. Бельский А.А. Скотт Вальтер // Большая Советская энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1969–1978. Т. 23. С. 524–525.
10. Бельский А.А., Яшенькина Р.Ф. Учебник по зарубежной литературе XIX в. // Проблемы метода, жанра, стиля в прогрессивной литературе запада XIX–XX вв. Вып. 1(301). Пермь: Изд-во Перм. ун-т, 1975б. С. 219–223.
11. Бячкова В.А. Читатель в художественной системе романов Энтони Троллопа 1860-х гг. Дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2009. 207 с.
12. Из истории реализма в литературе Англии. Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 1980. 148 с.
13. Кеттл А. Введение в историю английского романа / пер. с англ. Москва: Прогресс, 1966. 446 с.
14. Новокрещенных И.А. Западноевропейская литература XVII–XVIII вв. в трудах пермских литературоведов: контекст и идеи // Мировая литература в контексте культуры. 2018, № 7(13). С. 201–215.
15. Петрова М.В. Своеобразие реализма в «Барсетширских хрониках» Энтони Троллопа позднего периода. Дисс. ... к. филол. н. Москва: Изд-во «Областной педагогический институт», 1981. 203 с.
16. Петрова М.В. Особенности реалистической эстетики Э. Троллопа // Из истории реализма в литературе Англии. Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1980. С. 61–72.
17. Проскурнин Б.М. Актуален ли Вальтер Скотт сегодня? // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3. С. 196–201.
18. Проскурнин Б.М. Английский политический роман XIX века: очерки генезиса и эволюции. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2000. 286 с.
19. Проскурнин Б.М. Изучение мировой литературы в Пермском государственном университете: история и перспективы // Мировая литература в контексте культуры. Сб. материалов VII междунар. науч. конф.: Иностранные языки и литературы в контексте культуры, посвящ. 115-летию со дня рождения В.В. Вейдле (23 апреля 2010 г.), и всеросс. студ. науч. конф. (27 апреля 2010 г.). Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2010. С. 5–12.

20. Проскурнин Б.М. «Паллизеровские» романы Энтони Троллопа (1860-1870-е гг.). Метод и жанр. Дис. ... к. филол. н. Пермь, 1981. 219 с.
21. Проскурнин Б.М. «Парламентские» романы Э. Троллопа и проблемы эволюции английского политического романа. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1992. 111 с.
22. Проскурнин Б.М. Пермские традиции изучения творчества Вальтера Скотта в международном контексте (размышления на полях XI Международной конференции в Сорбонне) // *Мировая литература в контексте культуры*. 2018, № 7(13). С. 216–229.
23. Проскурнин Б.М., Яшенькина Р.Ф. Из истории зарубежной литературы 1830-х–1870-х годов. Английские реалисты XIX века (Ч. Диккенс, У.М. Теккерей, Ш. Бронте). Текст лекций. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1994. 152 с.
24. Тарасова Н.С. «Отмена» эксплицитности нарратора в «Шерли» Ш. Бронте // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2018. Вып. 2. С. 82–86.
25. Фоменко М.В. Традиции английской публицистики в газетах английских «христианских социалистов» // *Традиции и взаимодействия в зарубежной литературе XIX–XX в.: Межвуз. сб. науч. тр.* Пермь: Изд-во Перм. ун-т, 1986. С. 70–78.
26. Ханжина Е.П. Своеобразие реализма в нравоописательном романе Ф. Берни «Эвелина» // *Из истории реализма в литературе Англии*. Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во Перм. ун-т, 1980. С. 37–49.
27. Чубарова Т.Г. Проза Джорджа Мура 1890–1914 годов (к вопросу о творческом методе). Автореф. ... к. филол. н., Москва, 1983. 14 с.
28. Шипицына Л.А. Социальное начало в романе Ч. Рида «Никогда не поздно исправиться» // *Проблемы метода, жанра, стиля в прогрессивной литературе Запада XIX–XX вв.* Вып. I (301). Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1975. С. 35–45.
29. Шипицына Л.А. Своеобразие реализма в романе Ч. Рида «Чистоган» // *Проблемы метода, жанра, стиля в прогрессивной литературе Запада XIX–XX вв.* Вып. I (301). Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1975а. С. 46–55.
30. Johnson C.L. *Austen Cult and Cultures* // *The Cambridge Companion to Jane Austen*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. p. 211–226.

Byachkova V.A.

*Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of World Literature and Culture,
Department of English Language of Professional Communication,
Perm State University*

Proskurnin B.M.

*Doctor of Philology, Professor,
Head of Department of World Literature and Culture,
Perm State University*

***GENESIS AND DYNAMICS OF ENGLISH REALISM IN THE WORKS
OF SCHOLARS OF THE DEPARTMENT OF WORLD LITERATURE AND CULTURE
OF PERM STATE UNIVERSITY***

The essay describes English literature studies on the representatives of the Department of World Literature and Culture of Perm State University. The publications under analysis are dedicated to the writers of the English realism of the XIX century. The researchers, A.A. Belskiy, M.V. Petrova, M.V. Fomenko, E.P. Khanzhina, T.G. Chubarova, R.F. Yashenkina, etc. of the novels written by such English writers as Maria Edgeworth, Jane Austen, Susan Ferrier, Charles Dickens, William M. Thackeray, Anthony Trollope ect. not only contributed to the understanding of the poetics, genre, historical and national features of the English literature of the XIX century, but proved the theory of never broken tradition of realistic tendencies in English literature.

Key words: English novel, realistic tradition, researchers of foreign literature of Perm State University, literary tradition.

УДК 821.111

Новокрещенных Ирина Александровна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы и культуры,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 396290
E-mail: ira-tabunkina@mail.ru

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В РАБОТАХ Е.О. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ¹

В статье представлено многообразие деятельности преподавателя, учёного, редактора Екатерина Осиповны (Иосифовны) Преображенской во время работы в Пермском университете. Проводится содержательный и историко-литературный анализ четырех литературоведческих статей исследователя в контексте её биографии. Актуальность статьи связана с саморефлексией литературоведения и попыткой «переакцентировки» некоторых идей и проблем филологии.

Ключевые слова: Екатерина Осиповна Преображенская, Жорж Санд, эстетика, социальное, реализм, романтизм, роман, поэзия, революция.

Введение

Екатерина Осиповна (Иосифовна) Преображенская (1904–1984) в Пермском университете прошла путь от ассистента кафедры иностранных языков до заведующего кафедрой немецкого, французского и латинского языков. Время работы преподавателя и учёного (1938–1978) совпало с непростыми для филологического направления 1930–40 гг., а также 1960 гг., когда начали оформляться научные традиции и аспекты, определяющие современную магистральную линию исследований зарубежной литературы в Пермском университете.

Жизнь и работа Е.О. Преображенской нашла отражение в мемуарных и биографических [Шерстневская, 1998; Васильева, 2004, 2011; Усть-Качкинцева, 2011, Лейтес, 2015, с. 135–136], справочно-информационных материалах [см.: Пустовалов: эл. ресурс], а также ряде публикаций о научно-исследовательской деятельности [Новокрещенных, 2018a, с. 89–91; Новокрещенных, 2018b, с. 205–207]. Трудовой путь преподавателя, учёного прослеживается по материалам личных дел, хранящихся в архиве ПГНИУ и в ГАПКе.

В январе 1938 г. заведующий кафедрой Н.П. Обнорский отправил ректору ходатайство, в котором сообщал: «Принимая во внимание 1) что т. Преображенская в своё время прослушала полный курс вуза по иностранным языкам <...>, о чём у неё имеется документальная справка; 2) что она обладает педагогическим тактом и некоторым педагогическим опытом, приобретённым в работе по немецкому и французскому языкам с отдельными лицами и группами в последние 2–3 года; 3) что никаких других кандидатов я предложить в данное время не могу, – я просил бы вас допустить т. Преображенскую к ведению занятий по немецкому языку на испытательный месячный стаж, с оставлением её на работе в случае удовлетворительных результатов испытания» [ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 623, с. 1]. В феврале 1938 г. в Пермском университете Е.О. Преображенская преподаёт немецкий язык, работая в должности ассистента на кафедре иностранных языков [Там же, л. 2].

Е.О. Преображенская получила «философское образование в Герценовском институте в Ленинграде» (сегодня Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена – И.Н.) и имела «положительные оценки по всем читавшимся там курсам» [Там же, с. 9]. Перипетии с допуском к сдаче кандидатских экзаменов из-за фактов биогра-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-412-590005р_а «Пермские филологи-зарубежники: биографии, труды, ученики».

фии [Преображенская: эл. ресурс] потребовали обращение во Всесоюзный комитет по делам Высшей школы при СНК СССР [ГАПК. Ф. Р-180. Оп.2. Д.623, с. 6, 7, 8]. В результате в 1940 г. Преображенская была допущена к сдаче кандидатских экзаменов и последующей защите кандидатской диссертации [Там же, с. 10]. С ноября 1943 г. (в другой документе – с марта [там же, л. 20]) утверждена в должности и. о. заведующей кафедрой иностранных языков Молотовского государственного университета, сменив в этой должности Е.К. Аракову [Там же, с. 18]. В 1944 г. преподавателем были сданы кандидатские экзамены на «отлично»: немецкий язык, французский язык и история французской литературы (причём вопрос о «Персидских письмах» Монтескье – манифесте французского Просвещения – сдан на французском языке), марксизм-ленинизм (истмат, диамат) [Там же, л. 19].

В нескольких характеристиках о Е.О. Преображенской сказано как о «квалифицированным преподавателе вуза, успешно проводящем занятия со студентами, поставившем на должную высоту методику преподавания» [ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 623, с.17]. В характеристике 1943 г. указано, что при участии Е.О. Преображенской кафедра иностранных языков составила «иностранный словарь по военной терминологии», а «товарищ Преображенская проводит общественную работу, занимаясь с бойцами в госпитале» [Там же]. В характеристике 1945 г. указано, что преподаватель «систематически ведёт научную работу». Е.О. Преображенская охарактеризована как заведующий кафедрой «с самой положительной стороны»: «Проявляет должное внимание к составу сотрудников кафедры. Летом 1944 г., в связи с реэвакуацией части преподавателей кафедры, провела большую работу по укомплектованию кафедры высококвалифицированными работниками. Добилась расширения и сумела организовать кабинет по иностранным языкам» [Там же, с. 20].

В Пермском университете Преображенская вела занятия, во-первых, по языковым дисциплинам. Например, в осеннем семестре 1959 г. это были занятия на 5 курсе студентов-филологов – «кружок художественного перевода с немецкого языка на русский» [ГАПК Ф.Р-180. Оп. 12. Д. 2546, с. 70 об.]. Поэтому в корпусе печатных работ выделяется группа статей по методике преподавания языков¹ и художественного перевода². Во-вторых, преподавала историко-литературные дисциплины, спецкурсы и спецсеминары по французской литературе, жанру романа, по стилевым особенностям творчества отдельных авторов: спецкурсы студентам III курса филологического факультета «Основные эстетические проблемы во французской литературе первой половины XIX века», студентам IV курса, изучающим французскую филологию на романо-германском отделении, «Литература страны изучаемого языка», спецсеминары «Эволюция западноевропейского романа от эпохи Возрождения до XIX века», «Особенности стиля Г. Белля», «Особенности стиля А. Франса», «Особенности стиля Веркора» [Пустовалов: эл. ресурс].

Преображенская была редактором и ответственным редактором сборников «Ученые записки университета: Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков» (вып.1, Пермь, 1968; вып.2, Пермь, 1970). Являлась главным редактором сборника «Наш Ленин» (Пермь, 1970), состоящего из текстов о биографии и политической деятельности Ленина на немецком, английском и французском языках. Е.О. Преображенская обозначена ответственным редактором «Хрестоматии по французской литературе (Средние века, эпоха Возрождения, XVII, XVIII вв.)» для филологов II курса, составленной Т.А. Поповой [Хрестоматия..., 1968]. Хрестоматия включала отрывки по страноведению, отрывки из литературных

¹Так в 1952 г. Е.О. Преображенская написала статью «Преподавание грамматики в вузе в историческом аспекте» [ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 2546, л. 4], в 1953 г. – «К вопросу преподавания грамматики в неязыковом ВУЗе в свете работ т. Сталина о языке» [ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 2546, л. 7 об.], в 1965 г. была подготовлена статья «Методика работы с аспирантами в свете последних постановлений МВО» [ГАПК. Ф.Р-180. Оп. 12. Д. 2547, л. 2]. Опубликованные работы Преображенской по методике преподавания языков (см.: [Труды ученых Пермского университета... 2016]) можно анализировать в контексте современных методических тенденций [Красавцева, 2018, с. 56–60].

²Работала над статьей «К вопросу методики преподавания художественного перевода» [ГАПК. Ф.Р-180. Оп. 12. Д. 2546, л. 70 об.].

произведений от Средневековья до XVIII в., грамматические и лексические упражнения. Ход работы над хрестоматией чётко отражён в протоколах заседаний кафедры, начиная с 1952 г. (см., например: [ГАПК. Ф.Р.180. Оп. 12. Д. 2546, с. 5, 11 об., 16, 40 об.].

Е.О. Преображенской принадлежат два «просветительских» материала. Первый – это статья о Ф. Шиллере, опубликованная в «Звезде» в связи со 150-летием со дня его смерти (Звезда, 1955, № 109 (10405), 10 мая, с. 3), второй – это послесловие к пермскому изданию романа И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера». В этой публикации исследователь попыталась обозначить актуальность романа: «В ряде художественных произведений как прошлых, так и нынешнего века писатели нарисовали образ молодого человека, пытающегося осмыслить окружающую его жизнь и найти путь к счастью» [Преображенская, 1959, с. 538].

Основная часть

Крупные литературоведческие публикации Е.О. Преображенской созданы в 1957–1967 гг. Их появление соотносено по времени с началом работы в Перми таких крупных литературоведов, как А.А. Бельский (с сентября 1959 г. – доцент, а с 1964 г. – заведующий возобновленной, почти после двадцатилетнего перерыва, самостоятельной кафедры зарубежной литературы [Проскурнин, 2016, с. 159,157]), Н.С. Лейтес [Бочкарева, 2011, с. 187–190]. Научным руководителем Е.О. Преображенской был ленинградский ученый Б.А. Кржевский (умер 19 июля 1954) [Пустовалов: эл. ресурс]: будучи в научной командировке (до 28.06.1954), она проконсультировалась с «руководящим профессором» [ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 2546, с. 21 об., 22].

Ведя активную редакторскую работу, Преображенская участвовала «в научно-исследовательской работе кафедры литературы» [ГАПК.Ф.Р.-180. Оп. 12. Дело 3319, с. 2]. Кругом научных интересов преподавателя обусловлены исследования в области истории французской (преимущественно) и немецкой литературы, методологических вопросов романтизма и реализма XIX в. Е.О. Преображенская работала над кандидатской диссертацией по творчеству Жорж Санд (1804–1876), французской писательницы, принадлежащей третьему этапу французского романтизма 1830–1848 гг. Особенностью этого периода признано то, что социальная действительность определяет развитие литературы, социальность становится «главной тайной литературы» [Яшенькина, 2000, с. 15].

В 1954 г. тема диссертационного исследования Е.О. Преображенской была сформулирована так: «Жорж Санд в борьбе за демократическую эстетику во французской литературе 30–40-х гг. XIX в.» [ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 2546, с. 22]. На рубеже XXI в. О.Б. Кафанова, изучающая творчество Ж.Санд, пишет о двух тенденциях в изучении художественного наследия французской писательницы, которые сложились в советской науке, исследовавшей зарубежную литературу. Первая – акцентировать «революционно-демократические черты, критику как феодально-монархического, так и буржуазного строя в её произведениях». Тема пролетариата и социально-утопическая проблематика исследуются в ряде работ, среди авторов которых названы Е. О. Преображенская, Л.П. Гедымин, И.В. Мешкова, Е.М. Шварцман, Н.С. Шрейдер. Вторая – исследования, в которых творчество Санд трактовалось не так ортодоксально (например, Е.М. Евнина, М.Е. Елизарова и другие) [Кафанова, 2000, с. 21].

Согласно каталогу диссертаций «Российской государственной библиотеки», к 1954 г., когда определилась тема диссертационной работы Е.О. Преображенской, появилось только кандидатское диссертационное исследование Е.М. Шварцмана «Идейное формирование и проблематика социальных романов Жорж Санд 40–х годов» (Баку, 1953). Другие диссертации по исследованию творчества Санд защищались позже: Уваров Ю.П. «Проблема народа в социальных романах Ж. Санд 30-40-х гг. XIX в.» (1956); Петрова Е.А. «Из истории французского социального романа 40–х годов XIX века (“Крестьяне” Бальзака и “Мельник из Анжибо” Ж. Санд)» (1956); Литвиненко Н.А. «Основные жанры литературно-критического наследия Жорж Санд» (1974); Ковалева Т.В. «Тургенев и Ж. Санд: проблема идейно-художественного своеобразия» (1974).

Оглавление работы Е.О. Преображенской было определено следующим: «Эстетика Ж. Санд и современность. Глава I. Общественная борьба во Франции в 30–40-е гг. XIX в. Глава II. Социальные взгляды Ж. Санд и её публицистическая деятельность. Глава III. Ж. Санд в борьбе за демократическую эстетику. Глава IV. Ж. Санд в критике [ГАПК. Ф. Р-180, Оп. 12, Д. 2546, с. 22]. О публицистике Ж. Санд литературоведы писали, но исследовали мало. Так в книге литературоведческих очерков «Французский романтизм» Д.Д. Обломиевского содержится подробный анализ романов Ж. Санд [Обломиевский, 1947, с. 292–321]. Более кратко они представлены в учебнике М.Е. Елизаровой и других «История зарубежной литературы XIX в.» [Елизарова, 1957, с. 195–203]. Творчество Ж. Санд отвечало «на запросы своего времени» и было актуально в годы работы диссертантки, а поиск эстетической составляющей эпохи усиливал собственно литературоведческую ноту в исследовании. На одном из заседаний кафедры иностранных языков (28.06.1954 г.) Е.О. Преображенская отчитывается о работе над последней главой диссертации и о работе в библиотеке г. Ленинграда: «читала современную французскую периодику “Cahiers du Communisme”, “Humanitet”, познакомилась с диссертацией о Викторе Гюго “Отверженные” как социальная эпопея»¹, проконсультировалась с «руководящим профессором» [ГАПК. Ф. Р-180. Оп.12. Д.2546. с. 21 об., 22].

Эстетические взгляды писателей, эстетическая борьба в Европе первой половины XIX в. всегда занимала Е.О. Преображенскую. Этой теме посвящены её работы и выступления на конференциях, с этой темой пересекаются читаемые ею курсы, спецсеминары и семинары.

В большой статье «К вопросу об эстетических и общественно-политических взглядах поэтов-рабочих эпохи июльской монархии во Франции. Е.О. Преображенская анализирует книгу Оленда Родрига «Социальная поэзия рабочих», учёный останавливает внимание на формировании принципов реалистической эстетики в искусстве, а именно в литературе 1830-40-х гг. [Преображенская 1957]. Анализ исторического фона Преображенская связывает с эстетическими теориями социалистов-утопистов, точнее сен-симонистов, фурьеристов, отмечая минусы и плюсы их теорий, общие положения, оказавшие значительное влияние на творчество французских писателей. Статья Преображенской становится попыткой за социальным, представление о котором в статье часто доминирует, увидеть эстетическое. Автор статьи выбирает жанровый принцип анализа стихов французских поэтов-революционеров, обращаясь к песне, как «любимому жанру французского народа» [Преображенская, 1957, с. 188], и сопровождая свои размышления цитатами на языке оригинала (в финале статьи предоставлен подстрочный перевод автора). Здесь же подробно разбираются отклики поэтов и критиков в журналах и газетах, а также освещены взгляды Ж. Санд в защиту народного творчества (её статья «Дружеские беседы и поэзия пролетариев»), некоторые аспекты формы и языка поэзии рабочих.

Вторая часть статьи посвящена анализу сборника «Социальная поэзия рабочих» Оленда Родрига, который поместил в книгу стихотворения, басни, драматический отрывок. Анализ тем и мотивов сочетается с размышлениями Е.О. Преображенской о том, как отражалась в поэзии психология автора. Руссоистские мотивы, тема города, тема труда становятся естественными у авторов, большинство из которых «полурабочие, полуремесленники, мало связанные с развивающейся крупной промышленностью» [Преображенская, 1957, с. 198]. В анализе одного из стихотворений сборника (Флёри «Гавр») автор статьи обращает внимание на образ корабля, традиционного для эпохи романтизма; интерпретация образа корабля у поэты прежде всего социальная.

Завершает статью история изучения поэзии французских рабочих-ремесленников, которая «долгое время оставалась мало изученной как за рубежом, так и у нас в России». Е.О. Преображенская называет работы Вл. Каренина (псевдоним В.Д. Комаровой-Стасовой) – это

¹ Речь идет о защищенной в 1954 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте кандидатской диссертации Е.П. Погорелой «Роман Виктора Гюго “Отверженные” как социальная эпопея».

4-х томное исследование «Жорж Санд, ее жизнь и произведения» (Санкт-Петербург, 1899-1916), которое «стало событием в литературной жизни Франции того времени и до сих пор является авторитетным для исследователей, изучающих творчество Ж. Санд» [Закирова, 2011], а также Ю.И. Данилина «Поэты июльской революции» [1935] и др.

Большая статья «К вопросу о социальных взглядах Ж. Санд в эпоху июльской монархии и в годы февральской революции» с оформленной системой ссылок на источники создавалась, по-видимому, как часть диссертационной работы, тем более что название главы II – «Социальные взгляды Ж. Санд и её публицистическая деятельность». Основой статьи стал тезис о причинно-следственной связи эстетических и социальных взглядов Санд: «хорошо понять эстетику Ж. Санд можно лишь изучив её социальные взгляды» [Преображенская, 1959, с. 108]. Размышления исследователя начинаются с обстоятельного изложения философско-социальных концепций и общественно-исторической ситуации во Франции 1830–40-х гг. Основой социальных взглядов Санд стали «идеи утопического социализма в его разновидностях», что перекликается с идеями, отмеченными в ранее проанализированной нами статье Преображенской об эстетических и общественно-политических взглядах поэтов-рабочих, и формирует определенную линию развития исследовательских взглядов. Дополнительным шагом в этой статье стал анализ философской основы социальных взглядов (учения Г. Лейбница, В. Франклина, Ж.Ж. Руссо, П. Леру).

Е.О. Преображенская выделяет этапы в социальных взглядах Санд, которые связаны с её увлечением публицистикой в 1830-40-х гг. Причем «о социальных взглядах Ж. Санд 1830-х гг. мы узнаём в основном из её романов, повестей и писем», а «рисую современную действительность, Санд-художник нередко раскрывает социальные явления глубже, чем это сделала бы Санд-мыслитель» [Преображенская, 1959, с. 117]. Рассматривается категория героя, в том числе героя-женщины, в романах «Индиана», «Валентина», «Лелия», «Жак» и сделан вывод о том, что «период романтико-индивидуалистического бунтарства Ж. Санд подходил к концу» [Преображенская, 1959, с.121]. Определённым водоразделом в философии и идеологии Санд стал 1835 г., потому что она «вовлекается непосредственно в политическую борьбу демократических сил Франции против режима Июльской монархии [Там же]. Развитие дальнейших взглядов Санд определено её знакомством с П. Леру и его учением, которое с конца 1830-х и до конца 1840-х гг. стало ведущей социально-философской системой.

Анализ социальных романов, созданных после 1835 г., идёт в аспекте воплощения в них темы народа и связанной с ней темы труда (это произведения «Товарищ круговых путешествий», «Орас», «Мельник из Анжибо», «Грех господина Антуана»). «Эволюция образа человека из народа» демонстрирует «эволюцию социальных взглядов» Ж. Санд: «из разочарованного романтического героя, страстного, но не имеющего определенных убеждений и пребывающего в бездействии, каким был Бенедикт в её раннем романе “Валентина”, сын народа превращается в адвоката Симона-республиканца, воспитанного в духе якобинских традиций, а затем в мудреца – крестьянина Пасьянса, смелого проповедника высоких гуманистических идеалов кануна революции 1789 года» [Преображенская, 1959, с. 129].

Вторая половина статьи Е.О. Преображенской посвящена анализу публицистической деятельности, которая разворачивается в 1840-е гг., «в годы наивысшего подъема общественно-политической деятельности Ж. Санд» [Преображенская, 1959, с. 135]. На русский язык, как пишет исследователь, публицистика Санд не переведена, исследование её содержится в одной статье Е. Шварцмана. Этим определена новизна работы Е.О. Преображенской. Статьи Санд – это «образец художественной публицистики», мысли автора вложены в уста героев (рабочих, крестьян), а сами статьи писались для широких народных масс, соответствующим этому понятным языком [Там же, с. 136]. Проанализировано тематическое своеобразие статей, проблема просвещения и понятийное наполнение слов «политика» (статья «Политика и социализм»), «республика» (статья «Вопросы будущего. Религия Франции»), «социализм» (статья «Социализм»). Исследование публицистики Санд 1840-х гг. позволяет «проследить известную эволюцию в её социальных взглядах» [Там же, с. 138– 143].

Две последующие опубликованные статьи Е.О. Преображенской «К вопросу об основных этапах развития реализма во французской литературе. Статья первая. От Возрождения до конца XVIII века» и «К вопросу о специфике художественного обобщения в литературе романтизма (на материале французской литературы первой половины XIX века)» можно рассматривать как последовательное изложение концепции, тем более что хронологически первая статья так и обозначена – «Статья первая».

Статьей «К вопросу об основных этапах развития реализма во французской литературе», в которой речь идет об этапах развития реализма в литературе Франции от Возрождения до первой половины XVIII в., Е.О. Преображенская включается в «большую дискуссию» 1957 г. о реализме, в которой приняли участие литературоведы А.И. Белецкий, А.Ф. Иващенко, В.Д. Днепров, И.И. Анисимов. Содержание статьи представляет собой «развитие эстетической мысли первой половины XIX в. – эпохи формирования критического реализма во французской литературе», при этом совершенно закономерно обзор начинается с предпосылок – с эпохи Возрождения – и заканчивается XVIII в. [Преображенская, 1962, с. 131–132].

Реализм – это синтетическое изображение действительности, это «охват средствами искусства всех явлений действительности», «раскрытие всех связей человека с окружающим его социальным миром», «раскрытие действительности во всем её многообразии, во всех её противоречиях, в столкновении трагического и комического, возвышенного и обыденного», «изображение окружающего мира в его движении, в борьбе старого с новым, а также обоснование художником своей мечты, своего положительного образа» [Преображенская, 1962, с. 133–134]. «Поворотным моментом» западноевропейского искусства в сторону реализма считается эпоха Возрождения. Ренессансная литература – это литература, которая утвердилась в новой эстетической находке, ею и стал реализм. В эпоху Возрождения реализм становится такой эстетической системой, в которой личность самостоятельна, детерминирована обстоятельствами.

На примере творчества Ф. Рабле Е.О. Преображенская пишет, что «восхищаясь гармоничными связями в природе, неоднократно подчеркивая взаимозависимость отдельных явлений как в макрокосме, так и в микрокосме – человеческом организме, – стихийный материалист Франсуа Рабле ощупью ищет эти связи и в человеческом обществе» [Преображенская, 1962, с. 135]. П. Корнель и Ж. Расин раскрывают мир «человеческих страстей», переплетение чувств. Рассматривая литературу XVII–XVIII вв., исследователь останавливается на проявлениях эстетики «бытового реализма» в жанре романа (Ш. Сорель «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона», Скаррон «Комический роман», А. Фюретьер «Буржуазный роман»), говоря о том, что просветители развивают эстетическую мысль по пути реализма: с помощью анализа концепции героя в творчестве Дидро, Руссо, Вольтера показано движение от эстетики XVIII в. к эстетике XIX в.

Статья «К вопросу о специфике художественного обобщения в литературе романтизма (на материале французской литературы первой половины XIX в.)», продолжая размышления предыдущей статьи, начинается также с разговора о дискуссии вокруг реализма, но более обстоятельного, чем в проанализированной ранее статье. Е.О. Преображенская рассматривает точки зрения Г. Поспелова, С. Петрова, Г. Фридлендера, Б. Сучкова. Споры о реализме привлекли внимание к проблемам романтизма: «началась своего рода реабилитация романтизма», представленная работами А. Елистратовой, Б. Реизова, Л. Тимофеева, И. Волкова, В. Днепров, А. Гаджиева [Преображенская, 1967, с. 8]. Опираясь на материал конкретных французских романов XVIII в., проводя анализ образов героев этих романов, исследователь делает вывод о близости романтизма и реализма во Франции в 20–40-е гг. XIX в.: и романтики, и реалисты опирались на французскую действительность, на жизнь Франции, интересы французского народа, «обобщали в своём творчестве, “идеализируя” и типизируя, характерные для эпохи явления» [Преображенская, 1967, с. 19]. Отмечает отличие реалистов и роман-

тиков¹: представители критического реализма создавали «типичные образы в типичных обстоятельствах», «воспроизводили правдивые детали, раскрывая обусловленность характеров своих жаждущих славы и богатств героев конкретно-исторической средой» (Бальзак), тогда как романтики «в первую очередь показывали тех, кто не принимал “формулу буржуазного века”, кто так или иначе протестовал против неё, кто не хотел жить по законам этого века (Ш. Нодье, В. Гюго, Ж. Санд)» [Преображенская, 1967, с. 19–20].

Размышления Е.О. Преображенской, представленные в данной статье, соотносились и с концепцией читаемых ею лекционных и практических занятий по курсам «Зарубежная литература эпохи романтизма» и «Зарубежный реализм XIX в.». «Эти два курса предстали как некое единство, как весьма слитный в аспекте традиций и новаторства период в развитии мировой литературы на стыке XVIII–XIX вв. Лектор демонстрировала любопытное переплетение романтического и реалистического в позднем творчестве Байрона, в творчестве Гюго, Гейне, Бальзака, Стендаля, Мериме» [Проскурнин, 2016, с.159].

Заключение

Исследование Е.О. Преображенской творчества Ж. Санд отвечало запросам советского литературоведения, как и само творчество французской писательницы. Однако исследовательница внесла свой вклад в анализ эстетических взглядов писательницы и путей их формирования, жанра романа и категории героя, проблематики публицистических работ Ж. Санд и в целом своеобразия периода французской литературы первой трети XIX в. Положения ряда статей, в которых Е.О. Преображенская выступила методистом в области преподавания иностранных языков студентам и аспирантам языковых и неязыковых специальностей, сегодня воспринимаются актуально и могут быть исследованы с точки зрения педагогических методов и приемов. Проводимое нами исследование отражает саморефлексию гуманитарной науки, анализ путей развития и источников возникновения современного научного направления кафедры мировой литературы и культуры.

Список литературы

1. Васильева Н. Е. Дом. Екатерина Осиповна Преображенская // Филолог, 2004. Вып. 6. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_145 (дата обращения: 22.08.2018).
2. Васильева Н.Е. Преображенская. Кресло Вольтера // Университет. 2011. С. 62–67.
3. ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 623. Преображенская Екатерина Иосифовна. 1938–1945.
4. ГАПК Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 2546. Протоколы заседаний кафедры иностранных языков за 1952–1961 гг.
5. ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 12. Д. 2547. Отчет о научно-методической работе за 1959–1965 гг.
6. ГАПК. Ф.Р.-180.Оп. 12. Д. 3319. План научной работы кафедры иностранных языков на 1960–1967 гг.
7. Елизарова М.Е., Гидждев С.П., Колесников Б.И., Михальская Н.П. История зарубежной литературы XIX века. Москва: Просвещение, 1957. 576 с.
8. Закирова Е.Х.Вл. Каренин (В.Д. Комарова-Стасова) и Жорж Санд (к вопросу о русско-французских литературных связях) // Rhema. Рема. 2011. № 2. С. 19–26.
9. Кафанова О.Б. Жорж Санд как феномен русской литературы и культуры // Вестник ТГПУ. 2000. Вып. 6. Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 18–22.
10. Красавцева Н.А. О приоритетах в преподавании иностранных языков при смене образовательных парадигм в XXI веке // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 56–60.
11. Лейтес Н.С. Из истории моей семьи: страницы воспоминаний /под ред. Р.С. Спивак. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2015. 184 с.
12. Новокрещенных И.А. Научное наследие Е.О. Преображенской // Тезаурус и личность ученого: материалы Междунар. науч. конф. XXX Пуришевские чтения (11–13 апреля 2018 г.) / Отв. ред. М.А. Дремов. Москва: МПГУ, 2018а. С. 89–91.

¹ «Аналогии и противопоставления реализма и романтизма» являются ведущими принципами в отборе материала для изучения литературы XIX в. в вузе в одном из последних учебных изданий [Седова, 2018, с. 11, 14, 39].

13. Новокрещенных И.А. Западноевропейская литература XVII–XVIII вв. в трудах пермских литературоведов: контекст и идеи // *Мировая литература в контексте культуры*. 2018b, вып. 7(13). С. 201–215.
14. Обломиевский Д.Д. Французский романтизм. Москва: Художественная литература, 1947. 356 с.
15. Преображенская Е.О. Послесловие // Гете. Годы учения Вильгельма Мейстера. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1959. С. 537–544.
16. Преображенская Е.О. К вопросу об эстетических и общественно-политических взглядах поэтов-рабочих эпохи июльской монархии во Франции. Сборник «Социальная поэзия рабочих» Оленда Родрига // *Ученые записки Пермского государственного университета*. 1957. Т. 10. Вып. 3. С. 183–206.
17. Преображенская Е.О. К вопросу о социальных взглядах Ж. Санд в эпоху июльской монархии и в годы февральской революции // *Ученые записки Пермского государственного университета*. 1959. Т. 15. Вып. 1: Русский яз. и литература. С. 109–144.
18. Преображенская Е.О. К вопросу об основных этапах развития реализма во французской литературе. Статья первая. От Возрождения до конца XVIII века // *Ученые записки Пермского государственного университета*. 1962. Т. 23. Вып. 2: История зарубежных литератур. С. 131–147.
19. Преображенская Е.О. К вопросу о специфике художественного обобщения в литературе романтизма (на материале французской литературы первой половины XIX века) // *Проблемы метода и стиля в прогрессивной литературе Запада XIX–XX веков*. Пермь, 1967. С. 5–20 (УЗ ПГУ; 157).
20. Преображенская Екатерина Осиповна. URL: <http://crusader.org.ru/preobrazhenskaja-ekaterina-osipovna-2.html> (дата обращения: 04.12.2018).
21. Проскурнин Б.М. Изучение мировой литературы в Пермском государственном университете: исторический взгляд в будущее // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2016. № 4(36). С. 156–165.
22. Пустовалов А.В. Екатерина Осиповна Преображенская. URL: <http://www.psu.ru/fakultety/fakultet-sovremennykh-inostrannykh-yazykov-i-literatur/kafedry/kafedra-mirovoj-literatury-i-kultury/eo-preobrazhenskaya> (дата обращения: 27.11.2018).
23. Седова Е.С. История зарубежной литературы XIX века. Реализм: практикум. Челябинск: Изд-во «Южно-Уральского государственного гуманитарного педагогического университета», 2018. 72 с.
24. Труды ученых Пермского университета 1916–2015 гг. Факультет современных иностранных языков и литератур [Электронный ресурс]: библиографический указатель / Пермский государственный национальный исследовательский университет; сост. Е.А. Чурилова. Пермь, 2016.
25. Усть-Качкинцева С. Тихо падают листья // *Университет*. 2011. С. 67–69.
26. Хрестоматия по французской литературе (средние века, эпоха Возрождения, XVII, XVIII века) / сост. Т.А. Попова; ттв. ред. Е.О. Преображенская. Пермь, 1968. 60 с.
27. Шерстневская Т. С. Она была... светоносная // *Культура* (приложение к газете «Местное время»). 1998, № 3. Переопубликовано в: Васильева Н.Е. Дом. Екатерина Осиповна Преображенская // *Филолог*. 2004. Вып. 6. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_145 (дата обращения: 22.08.2018).
28. Яшенькина Р.Ф. Из истории зарубежной литературы: Проза французского романтизма: Текст лекций. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2000. 148 с.

Novokreshchennykh I. A.

*Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Department of World Literature and Culture
Perm State University*

HISTORY OF LITERATURE IN THE WORKS OF E. O. PREOBRAZHENSKAYA

The article is devoted to the diversity of the activities of the teacher, scientist, editor Ekaterina Osipovna (Iosifovna) Preobrazhenskaya during her period of working at Perm University. We conducted informative, historical and literary analysis of four literary articles in the context of biography. The relevance of the article is connected with the self-reflection of literary criticism and the attempt to re-emphasize some ideas and problems of philology.

Key words: Ekaterina Osipovna Preobrazhenskaya, George Sand, aesthetics, social, realism, romanticism, novel, poetry, revolution.

УДК 811.134(09)

Чагина Анастасия Петровна

Магистр филологии,
преподаватель кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Дзержинского, д. 2.
Тел.: 8 (908) 2410649
E-mail: liolio@list.ru

**АВТОРСКИЕ СНОСКИ В СИСТЕМЕ РОМАНА МАНУЭЛЯ ПУИГА
«ПОЦЕЛУЙ ЖЕНЩИНЫ-ПАУКА»**

В статье анализируется функционирование авторских сносок как элемента художественной системы романа аргентинского писателя-постмодерниста Мануэля Пуига «Поцелуй женщины-паука». Будучи непрерывным диалогом, роман практически лишен слов нарратора. Тем не менее, авторская речь дана в восьми сносках, опирающихся на ряд психологических исследований гомосексуальности. Их наличие позволяет рассматривать документ как единицу сюжетостроения. Сделан вывод о том, что сноски являются средством раскрытия образов главных героев романа. Вместе с тем они не только объясняют поведение и мотивацию героев, но углубляют сюжет. Кроме того, в ходе «игры» с читателем и документом, автор создаёт «псевдодокумент», выдавая придуманное им исследование за реальное, что обнажает авторскую точку зрения и поиск себя.

Ключевые слова: Мануэль Пуиг, авторские сноски, документальность, роман, автобиография, постмодернизм.

Введение

Мануэль Пуиг (Manuel Puig, 1932–1990 гг.) является одним из ярчайших представителей латиноамериканской литературы XX в. Примечательно, что мечтавший ещё с юношеских лет создавать кино М. Пуиг стал известен широкой публике именно как писатель. Тем не менее, одержимость автора кинематографом находит отражение в каждом его романе (см. [Levine, 2012]). Это проявляется в многочисленных отсылках к миру кино и использовании киноприёмов. Произведения М. Пуига представляют собой красочную смесь элементов поп- и массовой культуры и бытовых будничных сцен, которая в умелых руках писателя превращается в настоящее произведение искусства. Роман «Поцелуй женщины-паука» («El Beso de la Mujer Araña», 1976 г.) не является исключением.

История повествует о двух заключённых, сидящих в аргентинской тюрьме. Первый – Валентин – революционер-коммунист, осуждённый по политическим причинам. Второй – Молина – гомосексуалист, получивший срок за совращение несовершеннолетних. Роман представляет собой диалог двух героев, в котором практически нет слов нарратора. До начала повествования Молина, чья мать серьёзно больна и нуждается в поддержке и уходе, соглашается на сделку с директором тюрьмы, чтобы выйти на свободу как можно быстрее и позаботиться о матери. По замыслу директора тюрьмы, он должен заслужить доверие соседа по камере и добыть информацию о его товарищах-революционерах. Чтобы сделать это, Молина рассказывает фильмы, которые смотрел на свободе. Обсуждая их, герои раскрывают свои жизненные взгляды и позиции, рассказывают о прошлом, а главное – начинают приходить к взаимопониманию.

Основная часть

В романе можно выделить несколько повествовательных уровней, один из которых состоит из авторских сносок, содержащих размышления писателя о природе гомосексуальности.

Заметим, что обращение к сносам приобретает концептуальное значение именно в эпоху постмодернизма [Маньковская, 2000, с. 21], поддерживая постмодернистскую традицию деконструирования художественной реальности через прямой авторский голос. В романе М. Пуига авторские сноски образуют параллельный дискурс, который полифонически взаимодействует с действием и диалогами романа [Dunne, 1995, p. 128], добавляя ещё одну точку зрения, отличную от присутствующих в основной части произведения [Maloney, 2005, с. 165]. Некоторые также видят в сносах своего рода ироничный ответ, который так и не решает вопроса идентичности Молины [Boling, 1990, p. 79]. Однако представляется, что роль сносок в романе имеет комплексный характер.

В первых двух сносах автор обращается к биологическим теориям [Puig, 2001, p. 44–46] и наивному пониманию гомосексуальности [Puig, 2001, p. 69] и доказывает их несостоятельность. Рассмотрев труды таких исследователей, как Д.Дж. Вест, Дж. Ман, Ф.Дж. Каллман, Г.М.Б. Паре, Т. Ланг и других, М. Пуиг приходит к заключению о том, что гетеросексуальность и гомосексуальность не зависят от физиологии и обусловлены лишь психологическими причинами. В связи с этим в оставшихся шести сносах автор обращается к психологическим теориям. Именно они представляют больший интерес для исследования.

С одной стороны, сноски позволяют полнее и глубже понять характеры главных героев и их мотивацию. Автор обращается к теории З. Фрейда и его последователей. В частности, А. Фрейд связывает гомосексуальность с Эдиповым комплексом (инцестуозные желания в отношении родителя противоположного пола). Иначе говоря, если у ребёнка сложились слишком близкие отношения с родителем другого пола, то обострённое чувство вины из-за Эдипова комплекса не позволит ему строить нормальные отношения с человеком другого пола, что и может стать причиной гомосексуальности [Puig, 2001, p. 91]. Заметим, что архетип матери является одним из центральных в романе. Автор обращается к нему и через пересказанные фильмы, и через обсуждения и воспоминания героев. Интересно, что Валентин испытывает трудности в отношениях с матерью, тогда как Молина, наоборот, очень привязан к ней. Хотя теория З. Фрейда не является полностью достоверной, по мнению М. Пуига, сложно не заметить некоторые проявления Эдипова комплекса как у Молины, так и у Валентина.

Кроме того, М. Пуиг ссылается на труд О. Феничела «Психоаналитическая теория неврозов», согласно которому вероятность гомосексуализма выше, если мальчик идентифицирует себя с матерью, что происходит, когда отец отсутствует или вызывает отвращение и/или недоверие (например, когда отец слишком строг или деспотичен). Добавим, что О. Феничел связывает мужскую линию поведения, противопоставляя её женской, с агрессивностью [Puig, 2001, p. 97], что можно заметить в паре противоположных героев Молина/Валентин, где Валентин олицетворяет мужское, грубое, агрессивное, а Молина – женское, нежное. Заметим, что Молина никогда не упоминает своего отца и говорит только о матери. Он всегда отождествляет себя с женщиной и говорит о себе в женском роде, ему свойственны «женские» привычки и некоторая жеманность.

Обращаясь к теории З. Фрейда, изложенной в «Трёх эссе о теории сексуальности», М. Пуиг указывает на то, что современное общество находится во власти патриархальной системы, для которой характерны униженное положение женщин и усиленное подавление сексуальности. На прямую связь между сексуальным подавлением и патриархальным устройством указывают О. Ранк, Д. Олтман и Р. Тейлор. А.Г. Маркузе пишет, что сексуальное раскрепощение подрывает основы традиционного капиталистического общества [Puig, 2001, p. 106–107]. Тема подавления человека морально-нравственными нормами общества и политической системой является одной из ключевых в романе. С одной стороны, Молина подрывает нравственные устои, будучи человеком нетрадиционной сексуальной ориентации, но делает это неосознанно. Иначе говоря, разрушение системы не является его целью. С другой стороны, Валентин открыто выступает против сложившегося строя, стремясь разрушить его,

однако сам он олицетворяет патриархальное начало. Положения Молины и Валентина противоположны и, в некоторой степени, их образы парадоксальны.

Важными для понимания главных героев становятся и размышления о роли сублимации в обществе. Так, М. Пуиг ссылается на Н.О. Брауна, который писал, что агрессивные импульсы неестественны и являются результатом подавления. А Г. Маркузе ввёл термин «излишнее подавление», которое необходимо для поддержания правящего класса, но без которого общество могло бы существовать. Он считал, что, осознав в себе разлад, человек должен не примириться с ним и подстроиться под репрессивный строй общества, а понять необходимость его изменения [Puig, 2001, p. 115]. М. Пуиг также обращается к мнению Дж.С. Анвина, считающего такое полное раскрепощение путём к краху цивилизованного общества и признающего необходимость поиска компромисса между избыточным подавлением сексуальных желаний и полной распущенностью [Puig, 2001, p. 116]. К похожему компромиссу движутся и герои романа, находящиеся на разных полюсах: Валентин, подавляющий все свои желания во имя революционного долга, что объясняет его агрессивное поведение, и Молина, принимающий свои желания.

Далее, М. Пуиг приводит мнение Дж.С. Флюгеля о том, что дети, отвергающие родительский авторитет, будут придерживаться радикальных взглядов, отрицать классовые различия и с пониманием относиться к людям с нетрадиционной ориентацией [Puig, 2001, p. 135]. Отметим, что это положение исчерпывающе описывает Валентина, который наперекор родителям отказался от обеспеченной и благополучной жизни и вступил в подпольное антиправительственное движение. Борясь за идеалы марксизма, Валентин не признаёт классовые и расовые различия. Более того, он терпимо относится к ориентации товарища по тюремной камере.

Продолжая размышления о подавлении, автор ссылается на слова Т. Розака о том, что в освобождении нуждается только женщина, в том числе и женщина внутри каждого мужчины [Puig, 2001, p. 136]. Обращаясь к роману, отметим, что это положение справедливо для обеих персонажей. С одной стороны, Валентин должен принять женское начало, отказавшись от подавления своих желаний. С другой стороны, Молина должен перестать мириться с притеснением его как женщины, пусть и «неполноценной». Иначе говоря, герои должны отказаться от роли угнетатель/угнетаемый, чтобы достичь гармонии с самими собой и разрешить внутренний конфликт.

В завершении М. Пуиг приводит теорию несуществующей датской исследовательницы Аннели Таубе, выражая, на самом деле, свои собственные взгляды. Документальность сносок, таким образом, превращается в псевдодокументальность. Писатель увлекает читателя в постмодернистскую игру, заставляя его поверить в реальность приведённой теории. Этому способствует обширная преамбула, изобилующая фактологическими данными (имена видных учёных, названия их трудов и т.д.).

Основная идея А. Таубе, как пишет М. Пуиг, состоит в том, что отвращение к властному отцу и отказ от роли эксплуататора происходят осознанно, а отсутствие другой модели поведения не оставляет иного выбора кроме как принять модель поведения матери, что объясняет подражательность гомосексуалистов-мужчин женщинам. Также она характеризует мир матери через нежность, терпение, любовь к искусству и, вместе с тем, подчинение; поэтому гомосексуалисты стремятся к бесконфликтности любой ценой [Puig, 2001, p. 144]. Предположения А. Таубе справедливы для образа Молины: он видит прекрасное во всём (и даже нацистская пропаганда для него – искусство), терпеливо заботится о грубом Валентине, с готовностью подчиняется требованиям директора тюрьмы, лишь бы помочь своей матери.

Благодаря последней сноске, становится очевидно, что автор строит свою теорию на личном опыте. Сноски, представляя собой размышления автора, часто автобиографичные, могут быть рассмотрены как эго-документ. Согласно Л. Луцевич, эго-документ аутентичен, реален, правдоподобен. Именно эго-документы, будучи своего рода «записями для себя», способны раскрыть «кухню» личностного мышления и творчества писателя [см. Луцевич, 2008].

Заключение

Ещё Д.В. Затонский связывал документализм в литературе второй половины XX в. с растущим интересом к «осязаемо-конкретной» личности, которую писатель наблюдает «в тех, с кем сталкивается в собственной жизни, и не в последнюю очередь – в себе самом» [Затонский, 1988, с. 170].

Таким образом, авторские сноски в этом случае представляют собой сложную и запутанную попытку самого автора понять людей с «подобными наклонностями», а значит – понять и себя. Заметим, что М. Пуиг был очень близок со своей матерью и проводил с ней много времени. Она всегда поддерживала сына во всех его начинаниях. Тогда как отец писателя имел строгий и авторитарный характер. Подобные пересечения биографии автора и предложенной им теории не оставляют сомнений в автобиографичности произведения. Авторские сноски дают ключ к пониманию не только образов каждого из двух главных героев, но к пониманию романа в целом. Именно авторские сноски в полной мере раскрывают мотив борьбы против системы и угнетения, поясняя мотивацию и причины поведения героев. Сноски также делают очевидной автобиографичность и определённую исповедальность романа, обнажая авторский поиск себя и понимания своей природы.

Список литературы

1. Затонский Д.В. Художественные ориентиры XX века. Москва: Советский писатель, 1988. 416 с.
2. Луцевич Л. Документальность и эго-документ // Литература и документ: теоретическое осмысление темы (материалы круглого стола), 2008. – URL: <http://imli.ru/index.php/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy#top> (дата обращения: 11.07.2018).
3. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 347 с.
4. Boling B. From Beso to Beso: Puig's Experiments with Genre. Symposium 44.2. 1990. P. 75–87.
5. Dunne M. Dialogism in Manuel Puig's Kiss of the Spider Woman. South Atlantic Review 60.2. 1995. P. 121–136.
6. Levine S.J. Manuel Puig: Edipo ronda La Pampa // Cuadernos de literatura n°31. 2012. P. 48–64.
7. Maloney M.J. Footnotes in Fiction: a Rhetorical Approach. The Ohio State University. 2005. 197 p.
8. Puig M. El Beso de la Mujer Araña. Libros Tauros, 2001. 196 p. URL: http://recursosbiblio.url.edu.gt/publicjlg/curso/be_muj.pdf (дата обращения: 26.10.2017).

Chagina A.P.

*Master of Philology, Lecturer, Linguistics and Translation Department,
Perm State University*

FOOTNOTES IN THE SYSTEM OF THE NOVEL «KISS OF THE SPIDER WOMAN» BY MANUEL PUIG

The article analyses footnotes as the systematic part of the novel «Kiss of the Spider Woman» by Manuel Puig. Being endless dialog the novel lacks narrative. However the author's speech is presented in eight footnotes based on a wide range of different researches of homosexuality. It is concluded that the footnotes aim to reveal main characters and explain their motivation and behaviour as well as to deepen the plot. The writer plays with a reader and the documentary and creates a pseudo document by assuming a made up research as the real one. It shows the writers perspective and his strive to identify himself.

Keywords: Manuel Puig, footnotes, documentary, novel, autobiography, postmodernism.

УДК 811. 411. 21' 243

Андросова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков,
Амурский государственный университет
675027, г. Благовещенск Амурской области,
Игнатьевское шоссе, д. 21, кор. 7, ауд. 210.
Тел.: 89622854654
E-mail: androsova_s@mail.ru

ПОДГОТОВКА ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЫ С ВИДЕОСЮЖЕТОМ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

Преподавание иностранного языка в вузе предполагает многократное обращение к аудио- и видеоматериалам. Подготовка видеосюжета к просмотру и работе с ним требует значительных усилий как со стороны преподавателя, так и обучаемых. Структурные элементы включают ключевые слова, онимы, вопросы, фонетические упражнения, лексические упражнения, предложения на перевод, коммуникативные задания на создание речевых произведений разной размерности в устной и письменной формах.

Ключевые слова: извлечение информации, анализ и синтез, критическое мышление, явления связной речи, речевое произведение.

Введение

Преподавание иностранного языка в вузе предполагает многократное обращение к аудио- и видеоматериалам. Это касается не только студентов, специализирующихся в иностранном языке, но и студентов неязыковых факультетов (см. напр., [Gritsenko E. A., Polyakova S. V., 2018]). В настоящее время их подбор и накопление не вызывают особых сложностей, поскольку значительное количество видеосюжетов находятся либо в свободном доступе на официальных сайтах теле- и радиоканалов (напр., VOA News и многих других), либо доступны для приобретения за плату через официальные интернет-магазины. Вместе с тем, необходимо помнить, что видеоматериалы должны отвечать целому ряду критериев. Помимо соответствия тематике, предполагаемой рабочей программой, материалы должны быть интересными и злободневными, стимулируя желание высказываться на иностранном языке и формировать навыки критического мышления, для которых важны самостоятельный поиск дополнительной информации, анализ информации видеосюжета и найденной самостоятельно и синтез собственного речевого произведения на иностранном языке в устной и письменной формах. Для преподавания английского языка весьма полезными могут быть некоторые фильмы известного американского документалиста Майкла Мура (Michael Moore), в частности, «Фаренгейт 9/11» («Fahrenheit 9/11», 2004 год) и «Система американского здравоохранения» («SICKO», 2007 год) производства компании Dog eat Dog Films. В первом фильме поднимается целый ряд острых внутренних и внешних проблем американского общества времён Джорджей Бушев (старшего и младшего): нечестные выборы, коррупция, терроризм и анти-террористические операции, нефтедоллары и отмывание денег, лоббирование и протекционизм и некоторые другие аспекты. Во втором фильме показано, как богатейшая страна мира на самом деле заботится о своих гражданах, нуждающихся в медицинской помощи: обогащение медицинских страховых компаний и официальных лиц, связанных с ними, за счёт

многочисленных страховых выплат простых граждан; политика страховых компаний относительно одобрения / неодобрения медицинской страховки и списка заболеваний, не попадающих под страховой случай; личные трагедии людей, пострадавших от незаконных действий медицинских страховых компаний. Изложенная тематика показывает, что оба фильма могут быть весьма полезны широкому кругу студентов, включая лингвистов, переводчиков, социологов, медиков, экономистов и политологов.

Учитывая катастрофическую нехватку аудиторных часов, необходимо таким образом подготовить разработку к видеосюжету, чтобы с ним можно было работать не только в аудитории, но и самостоятельно. Часто к сюжету имеются субтитры или скрипт (или и то, и другое), что существенно облегчает задачу преподавателя по формированию методических материалов. Однако данная работа, если делать её качественно, по-прежнему будет очень трудоёмкой. В настоящей статье представим разработку ко второму упомянутому фильму – SICKO.

Основная часть

2. Методические материалы к документальному фильму SICKO

Выбранный документальный фильм рассчитан на целевую аудиторию студентов-филологов, социологов и медиков, но будет полезен абсолютно всем, кто неравнодушен к проблеме здравоохранения как таковой. Итак, каждый видеосюжет рассматривается нами как речевое произведение, содержащее огромное количество информации.

2.1. Структура разработки

Продолжительность фильма составляет 2 часа 4 минуты – 6–8 сеансов просмотра. Фильм разделён нами на шесть логических частей; их протяжённость во времени варьирует в пределах 13–17 минут. При работе с видеосюжетом мы условно выделяем три фазы: 1) извлечение информации из речевого произведения; 2) анализ информации, содержащейся в речевом произведении; 3) синтез собственного речевого произведения. Строгих временных границ между ними нет, поскольку зачастую эти этапы задействованы одновременно.

Первый этап предполагает извлечение именно детальной информации. Общая картина ясна, даже если видеть только картинки без речевого звукового сопровождения (для этого даже знание языка не обязательно). Наш принцип – важны именно детали, которые не только обеспечивают абсолютно правильное понимание информации, но и дают благодатную почву для дальнейших этапов. Данный этап обеспечивается присутствием трёх структурных составляющих: ключевых слов и сочетаний слов (далее – ключевые слова), вопросов и фонетических упражнений.

Ключевые слова представляют собой не только потенциально незнакомые слова – это слова, которые можно назвать опорными для понимания текста, своего рода узлы каркаса речевого произведения. Количество ключевых слов варьирует в зависимости от размера видеосюжета или эпизода внутри него. Слова даются без перевода с тем расчётом, что обучаемые его сделают в ходе самостоятельной работы при необходимости. Ниже приведена часть списка таких слов.

- 1) *to work inside the health care industry;*
- 2) *to be fed up with smth/sb;*
- 3) *flat suck;*
- 4) *to be in charge of keeping sick people away;*
- 5) *call center, to call in;*
- 6) *to ask for insurance quotes;*
- 7) *preexisting condition;*
- 8) *diabetes ...*

Контроль перевода ключевых слов можно осуществлять дистанционно через личный кабинет, при этом следует практиковать индивидуальный подход: кому-то понадобится перевод всех ключевых слов из-за малого словарного запаса или просто потому, что так может

быть удобно для студента, а кому-то – только их части (незнакомых слов, идиом и т. п.). Обсуждение ключевых слов через личный кабинет можно вести как в общей группе, так и индивидуально.

Помимо ключевых слов следует давать различные онимы (подробнее об онимах разных видов см. [Беленов, 2019 ; Султанова, 2019]), присутствующие в видеосюжете: имена действующих лиц (антропонимы), организаций, топонимы (города, реки, озера, горы и т. п.). Преподаватели, работающие по данной методике, обязательно просят обучаемых отнести имя к тому или иному классу: *Is it a city (Where)? Is it a company / an organization (What kind of company)? Is it a person (male or female)?* и тому подобные. Ниже приведён один из списков таких онимов к фильму.

Names: *HMO (Health Maintenance Organization), Becky Malke, Diana, Laura, Caroline, Maria, BCS, Blue Shield, Horizon Blue Cross, Linda Pino, Humana, Tarsha Harris, Lee Inore, Julie Pierce, Tracy, St Joseph's Medical Center, Kansas City, Missouri.*

Вопросы – это некие дуги каркаса, помогающие собрать всю конструкцию. Вопросы следует конструировать, исходя из следующих критериев. Во-первых, это чёткая формулировка и простая грамматика (особенно синтаксис). Во-вторых, большинство вопросов должны быть специальными (так называемые *wh-questions*), поскольку именно они точно направляют на извлечение информации об участниках действий, объектах, времени, месте, причинах и следствиях. Использование основных и разделительных вопросов также полезно, особенно, требующих негативного ответа (когда в вопросе содержится заведомо ложная информация) и выдачи верной информации. В-третьих, вопросы могут быть комплексными, т. е. состоять из нескольких частей (двух-четырёх – не больше). Чаще всего все части только запрашивают информацию. Однако возможен и другой вариант. Первая часть запрашивает информацию. Вторая (или третья) может содержать посыл к выражению мнения, сравнению и т. п., исходя из собственных знаний и опыта, но при этом не предполагать производства слишком развернутого высказывания (это будет сделано позже, на завершающем этапе работы). Это начальные элементы формирования критического мышления (см. об этом также [Власова, 2017]). Понимание вопросов можно также обсудить через личный кабинет, чтобы к моменту начала просмотра не осталось невыясненных моментов, на которые пришлось бы тратить аудиторное время. Приведём некоторые вопросы из списка к первому эпизоду фильма продолжительностью 13,5 минут (общее количество вопросов – 15).

1. *What happened to Adam? Why was it especially problematic for him? How many other people faced the same problem?*

2. *What happened to Rick? What were his thoughts right after it? What choice did the hospital offer? How did Rick's wife feel about it?*

3. *What did Rick choose and why? What happened to the other top of Rick's finger?*

4. *What do people without health insurance pray about every day? How many of them die every year? Why?*

Приведённые вопросы носят исключительно информационный характер: они запрашивают информацию о произошедших событиях, их месте в ряду аналогичных событий, мыслей и чувств участников событий по поводу произошедшего, а также причинах этих событий. Соответственно, при ответах на вопросы более активно задействованы фазы поиска и синтеза; анализ также присутствует, но в меньшей степени.

И ключевые слова, и онимы, и вопросы предполагают предварительную работу обучаемых по переводу и выбору нужных значений, учитывая обозначенную тематику сюжета. Результат этой работы представляется в аудитории либо, как уже говорилось, обсуждается дистанционно через информационно-образовательную среду вуза, предполагающую общение через личный кабинет преподавателя и студента (см. об этом [Андрасова С.В., Андрасова Д.Е., 2018]). До просмотра очень полезно просить студентов рассказать, как можно подробнее, опираясь на ключевые слова, онимы и вопросы, о чём будет сюжет (задействовать рекомендуется как можно больше обучаемых) – технология мозгового штурма в действии.

Наконец, особо скажем о **фонетических упражнениях**. Мы предлагаем три вида таких упражнений на отработку следующих универсальных для английского языка фонетических явлений связной речи: 1) альвеолярного удара / скольжения (проще говоря, одноударных – taps / flaps); 2) явления глоттализации (glottalization and glottaling); 3) выпадений гласных, согласных и целых слогов [Андросова, 2015 ; Андросова, Караваева, 2015]. Ниже представлен типичный блок фонетических упражнений к одному из шести эпизодов фильма. Интересующие фонетические явления обозначены полужирным подчёркиванием; в круглые скобки взяты случаи выпадения сегментов, имеющиеся в первом и втором упражнениях, а в третьем – посвящённом только выпадениям, – они выделены полужирным подчёркиванием. Эта серия упражнений присутствует с первого года обучения английскому языку, начиная с вводного фонетического курса, продолжается в аудиопрактикуме и видеопрактикуме [Курс фонетики..., 2017 ; Изучаем..., Ч. 1, 2, 2017 ; Current Issues..., 2015], материалы которых весьма разнообразны и могут быть использованы в том или ином объёме для всех студентов вуза, изучающих английский язык. Материалы упражнений можно также подключать, развивая умение предугадывать содержание сюжета, однако их основная задача – снять фонетические трудности связной речи, скопление которых на небольшом по протяженности участке видеосюжета может существенно затруднить его детальное понимание.

Phonetic exercises

Taps

started, letters, fedd up, diabetes, thatt if you, in spitet of, a bitt of a pain, afforded, endedd up, treatt it, battling, investigating, throughoutt (h)er body, repeatedly, whatt it is, thatt is putt on all, medical, gott a bonus, laterr, matter, little bitter, whatt (h)appened, nott unintentional, nott a mistake, I don(t) know thatt I, necessityt, suitable, beating, submitted it, Boardd of, hospital, sympathetic, at all, escalating, executive, dutyt, dirty

Glottalization

certaint, thatt will nott be covered, heartdisease, nott going to, thatt will make, thatt phone call, you couldd, redd-carpet treatment, treatt it, removet it, all rightt, nott before, nott medical, threatening, that Caroline, exhibitt one, paymentt for, apparentlyt, gett yeast, it wen(t) away, nott a serious, werent able, hitt-man, to gett care, completely gett rid of it, gott home, written

Omissions

hundreds and hundreds, call centert, mostly likely, the husbandd was, dont worry, couple ofweeks, aroundd the house, breastcancer, treatmentt at, dont consider, throughouther, experimental, didnt have, stampp, sentt out, lefther job, the per centt approved, percentage, wentt away, independentt, behindher, whath happened, prudentt person, foundhim up, bestt friendd, accountable, invented

Выполнять эти упражнения студенту вуза дистанционно без предварительной подготовки и понимания, что это за явления (механизм артикулирования и акустический эффект) и когда они встречаются, невозможно. Важно хотя бы на двух эпизодах проделать их под контролем квалифицированного преподавателя, чтобы потом их можно было выполнять правильно самим. Упражнения должны либо быть начитаны преподавателем с соблюдением тренируемых явлений (при наличии соответствующего навыка), либо скомпонованы из соответствующих участков видеосюжета, сегментированных с помощью, например, программы свободного доступа Audacity – дополнительная работа, требующая немалых временных затрат, умений и навыков.

Тщательно организованный и успешно проведённый предпросмотровый этап (pre-watching) – залог успешного извлечения информации при просмотре (while-watching). В процессе просмотра настоятельно рекомендуется вести записи, фиксировать информацию любым удобным способом (по-английски, по-русски, на обоих языках), особое внимание уделяя цифрам и фактам.

Послепросмотровый этап (after-watching) включает в себя лексические и коммуникативные упражнения. Первые вполне стандартны для мировой практики обучения любому иностранному языку и призваны максимально способствовать усвоению ключевых слов и расшире-

нию словарного запаса: заполнение пропусков ключевыми словами (gaps filling), поиск синонимов и антонимов (rephrasing using synonyms and opposites) из списка ключевых слов, подбор предлогов, употребляемых в ключевых словах. Сюда же войдут предложения на перевод с русского на английский и лексические диктанты.

Вторые предполагают ролевые пересказы, составление и воспроизведение диалогов, реагирование на стимульное высказывание развёрнутым высказыванием объёмом 3–5 предложений, участие в дискуссии с докладами по проблеме (могут сопровождаться презентацией, раздаточными материалами, подготовленными студентами), написание эссе по стандартным схемам, доступным в качественной учебной литературе на английском языке англоязычных изданий (см., напр., [Evens, 2004, 2008]), которые, кстати, рекомендуется применять и для организации устного высказывания. Эти задания также организованы вокруг ключевых слов и способов их вpletения в контекст. Как уже было сказано, на каждом этапе задействованы все три фазы – поиск, анализ и синтез, но именно в коммуникативных упражнениях доли анализа и особенно синтеза очень высоки.

3. Заключение

Работа над видеоматериалами требует значительных энергозатрат как от преподавателя, так и от студента. Преподавателю приходится самому многократно просматривать сюжет по небольшим фрагментам, делать отбор ключевых слов и сегментов для фонетических упражнений, составлять вопросы, лексические упражнения, коммуникативные задания, разрабатывать схемы устных ответов и письменных работ, налаживать общение со студентами и студентов друг с другом на языке, проверять работы, исправлять и комментировать.

В ходе просмотра фильма SICKO, структура разработки к которому была представлена в настоящей статье, обучаемым пришлось работать с 220 ключевыми словами, ответить на 91 вопрос, написать 5 лексических тестов по ключевым словам, выполнить перевод с русского языка на английский 82 предложений с наиболее сложными ключевыми словами, написать по 2 эссе по 8 темам, предложенным на выбор, сделать по докладу с презентацией для дискуссии, представить по 2 ролевым пересказа и разыграть по 2 диалога по предложенным ролям и выполнить ряд других заданий.

Вместе с тем, усилия, потраченные обоими участниками учебного процесса, многократно вознаграждаются результатами: повышенной мотивацией обучаемых, расширением преподавательского и студенческого кругозора, улучшением навыков производства и восприятия речи на английском языке, большей организованностью мышления в целом. Немаловажно и то, что подобные сюжеты не только информируют и побуждают к дискуссии, но и вносят вклад в формирование гражданской позиции относительно злободневных проблем современного общества на глобальном уровне и в своей стране, своём регионе.

Список литературы

1. Андросова С. В. Проблемы обучения речепроизводству и речевосприятию на английском языке русских студентов: фонетические аспекты, которые действительно имеют значение // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 3. С. 5–15.
2. Андросова С. В., Андросова Д. Е. Из опыта использования электронно-образовательной среды вуза в преподавании английского языка студентам языковых и неязыковых специальностей // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 106–114.
3. Андросова С. В., Караваева В. Г. Одноударные аллофоны в американском и британском вариантах английского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 2. С. 5–20.
4. Беленов Н. В. Индоевропейские гидронимические форманты и изоглоссы самарского Поволжья в этноисторическом контексте // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5. № 1. С. 16–34.
5. Власова О. В. Развитие критического мышления посредством работы с видео на занятиях иностранного языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. С. 83–87.
6. Изучаем спонтанные английские тексты. Учебное пособие по развитию навыков аудирования спонтанной речи и говорения (на материале различных территориальных вариантов английского языка).

ка). Часть 1. / С.В. Андросова, Е.В. Барретт, С.В. Деркач, О.Н. Морозова, М.А. Пирогова, Г.Р. Шепелина / под ред. С.В. Андросовой. Изд. 3-е, испр. и дополн. Благовещенск: Изд-во «Амурский государственный университет», 2017. 186 с.

7. Изучаем спонтанные английские тексты. Учебное пособие по развитию навыков аудирования спонтанной речи и говорения (на материале различных территориальных вариантов английского языка). Часть 2. / С.В. Андросова, Е.В. Барретт, С.В. Деркач, О.Н. Морозова, М.А. Пирогова, Г. Р. Шепелина / Под ред. С.В. Андросовой. Изд. 3-е, испр. и дополн. Благовещенск : Изд-во «Амурский государственный университет», 2017. 112 с.

8. Курс фонетики американского варианта английского языка. Изд. 3, испр. и доп. / С.В. Андросова, С.В. Деркач, М.А. Пирогова, Е.А. Шамина. Благовещенск: Изд-во «Амурский государственный университет», 2017. 113 с.

9. Султанова А. Ш. Структурно-словообразовательные особенности поэтонимов произведения Мустая Карима «Долгое-долгое детство» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5. № 1. С. 123–144.

10. Current Issues of Society / С.В. Андросова, Е.В. Барретт, Ю.П. Иванашко, О.Н. Морозова. Благовещенск: Изд-во «Амурский государственный университет», 2015. 156 с.

11. Evans E. Successful writing. Intermediate. Express Publishing, 2008. 152 p.

12. Evans E. Successful writing. Upper-Intermediate. Express Publishing, 2004. 138 p.

13. Gritsenko E. A., Polyakova S. V. An ESP project: The film “Twelve angry men” in teaching law students // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 120–124.

Источники

1. Fahrenheit 9/11. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=HEGjBo0hKAE>

2. SICKO. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=WVRRu4cpVYs>

Androsova S. V.

Grand Ph.D. (Philology),

Foreign Languages Department,

Amur State University

PREPARING ENGLISH VIDEO MATERIALS FOR MORE EFFICIENT L2 TEACHING TO UNIVERSITY STUDENTS

Teaching a foreign language involves constant use of listening and watching materials. Preparing a video episode for watching and performing activities on its basis requires considerable efforts on the part of both teacher and students. The structural elements of the activities design include keywords, onyms, questions, phonetic exercises, lexical exercises, sentences for translation, communicative activities directed to producing speech samples of various size both oral and written.

Keywords: deriving information, analyzing and synthesizing, critical thinking, connected speech processes, speech sample.

УДК 658; 338

Карзенкова Елена Петровна

Старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, Букирева, 15.
Тел.: 8(342)2396256
E-mail: karzenkova_e@mail.ru

Попок Леонид Евгеньевич

Кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных систем,
Кубанский государственный аграрный университет
350004, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
8(861)2215773
E-mail: mail@kubsau.ru

Карзенкова Ольга Сергеевна

студентка факультета прикладной информатики,
Кубанский государственный аграрный университет
350004, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
8(861)2215773
E-mail: karzenkova_e@mail.ru

ГЕЙМИФИКАЦИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЁ ПРИМЕНЕНИЯ В ПРОЕКТИРОВАНИИ

В статье представлены толкования понятия «геймификация» в экономическом и психологическом аспектах; анализируется современное состояние возможностей геймификации как способа (приёма, принципа) при создании того или иного товара, той или иной услуги, того или иного сервиса, в частности, программного продукта.

Ключевые слова: геймификация; проектирование сервисов; теория и практика игр; рекреативизация.

Введение

Известная фраза «Вся наша жизнь – игра, а мы в ней...», приписываемая В. Шекспиру, как никогда становится актуальной в наши дни. Ибо «повсеместная сюжетизация и рекреативизация» [Пономарев, 2017, с. 347] (от *рекреативный* ‘содержащий в себе элементы развлечения, занимательности’ [Ушаков, 2006]) как постоянное стремление к развлечениям и как вечный поиск занимательности во всём привели к тому, что и в неигровой ситуации реальной жизни молодой человек постоянно ищет и находит возможности для проявления игрового мышления, для вовлечения себя в игры. А сама игра приобретает характер мощного инструмента воздействия на индивида и иногда становится стимулом к взаимодействию индивидов, обладая при этом огромной силой притяжения людей.

Геймификация (от английского gamification ‘превращение в игру’, ‘игрофицирование’, ‘игрофикация’) – использование игры и игрового мышления с целью привлечения внимания к товарам, услугам или IT-сервисам, например, то есть в «несобственно игровом пространстве» – стремительно развивающаяся современная бизнес-практика.

Такого рода маркетинговые технологии были вызваны к жизни тем, что современное поколение – «миллениалы», или «поколение Игрек» [Соколова, 2010; Stein, 2013; Почему, эл. ресурс и другие], как их называют – с раннего детства пользуются компьютером с его технологиями и терминологией, играют (вместо прежних дворовых – футбола, классиков,

казаков-разбойников) в видеоигры. Поэтому мотивация большинства из них строится не на понятиях долга или стремления к «правильности», а на увлечённости и стремлении к вознаграждению [Там же].

Эти почти инстинктивные моментальная «вовлекаемость» в игру и способность «повышать и повышать уровни», выполнять задания, ставя рекорды, далеко не всегда осознаются и миллениалами, и примыкающим к ним более старшим поколением, что и позволяет бизнесу использовать их в своих целях.

Основная часть

Во многих странах, в том числе в России, предпринимателями всё чаще стали использоваться рекомендации специалистов не только в области экономики, маркетинга, но и в области социологии, психологии, PR-технологий.

В результате такого взаимодействия сегодня «игрофицируют» свои приложения не только начинающие участники – игроки (!) – рынка: «стартапы» (от английского start-up ‘запуск’) и «молодые» организации. Многие крупные компании, которые преуспевают и предприимчивостью которых восхищаются миллионы, также признали целесообразность использования игровых технологий вне обычного игрового контекста.

В связи с этим можно упомянуть об учёте ряда психологических моментов при создании игрофицированных «продуктов» на «неигровом поле». Важнейшую роль в процессе создания «продукта» на основе рекреатизации и геймификации играет понимание создателями **эмоций** пользователя, на которые разработчик планирует так или иначе воздействовать и которые ему необходимо «стимулировать и поддерживать», а следовательно, ему приходится манипулировать с их помощью сознанием пользователя.

Важнейшая из эмоций – **эмоция интереса**; также могут быть важны эмоция догадки, жажда выигрыша, желание победить соперника, достичь того, что раньше не получалось. Здесь было бы уместно остановить внимание и на некоторых свойствах эмоций. Например, их доминантность проявляется так: «сильные эмоции обладают способностью подавлять противоположные эмоции» [Ильин, 2007, с. 80]. Именно благодаря этому свойству эмоции интереса все другие эмоции (и даже заботы) перестают иметь какое-либо значение. Также важными свойствами, которыми может воспользоваться разработчик, являются эмоциональная заразительность – перенос эмоционального состояния на другого человека – [Ильин, 2007, с. 81–82] и иррадиация – перенос эмоционального настроения на всё, что окружает человека и каким-либо образом им воспринимается [Там же]. И, конечно же, следует упомянуть об эмоциональной памяти: человек запоминает не только саму эмоцию, но и то, что именно вызвало её к жизни; он сохраняет в памяти не только сам настрой, стимул, вызвавший его [Там же].

Ещё одно свойство эмоций – переключаемость – означает, что предметом (объектом) одной эмоции может становиться другая, например: «наслаждаюсь своим страхом», «упиваюсь своей грустью» [Ильин, 2007, с. 83]; такие состояния можно называть «смешанными чувствами». Воздействие на человека, находящегося в эмоциональном состоянии, «погружённого в эмоцию», становится более доступным. Упомянутые представления о свойствах эмоций имеют самостоятельное значение и часто учитываются при разработке геймифицированных «продуктов».

Начало «эры геймификации», пусть и в непривычном для нас виде, было положено ещё в начале XX в., потому как элементы игры в бизнесе используются, как признано, с 1912 г. (см.: [Вербах, Хантер, 2015]). Тогда компания «Крекер Джек» добавила сюрприз-игрушку в каждую упаковку с попкорном или орешками. Для полноценного «звания» игрофикации в то время не хватало чёткого «дизайна процессов» и системности, которые позволили бы этим рекламным ходам стать более похожими на игру, способствуя значительному улучшению эффективности бизнеса, а проще говоря – увеличению продаж.

В 2002 г. движение «Серьёзные игры» (английское *Serious Games Initiative*) объединило целые группы людей из военной отрасли, сфер бизнеса и образования, которые использовали

уже полноценные игры для специальных тренингов и обучающих симуляций с разными – совсем неигровыми – целями. Тогда же подобную инициативу проявили представители направления «Игры для изменений» (английское *Games For Change*) – они использовали игры для запуска крупных изменений в социуме. Геймификация в современном понимании появилась в 2003 г. одновременно с основанием компании «Сopundra», которая предоставляла консультации по использованию разного рода игровых технологий в производстве, однако компания просуществовала недолго.

Так называемый пик игрофикации можно отнести к 2010 г. Тогда резко выросло число практиков, проявляющих интерес к такого рода «маркетинговым технологиям», стало более заметным их влияние на массы, а сам термин «геймификация» стал более широко распространён. Кроме того, специалистам и экспертам удалось в той или иной степени систематизировать знания в этой области и более чётко определить, что собой представляют способы «игрового стимулирования» в продажах.

По мнению К. Вербаха, существуют, по крайней мере, три направления, где могут быть использованы принципы игрофикации [Вербах эл. ресурс]: внешнее направление, внутреннее направление и направление изменения поведения. Внешнее направление игрофикации – действия вовне (в английском *actions outside*) – подразумевает всё внешнее по отношению к компании, затеваемой «геймификацию». В эту группу входят маркетинговые исследования и маркетинговые ходы; продажи; другие виды взаимодействия с клиентами.

Примером применения «внешней геймификации» может служить, в частности, рост продаж кредитных и дебетовых карт, а также трафика транзакций Сбербанка практически сразу после того, как был запущен игрофицированный веб-сайт программы лояльности «Спасибо-мания» (смотрите об этом: [О программе лояльности..., эл. ресурс]).

Внутреннее направление – геймификация различных бизнес-процессов внутри компании, служащая для повышения квалификации кадров и производительности труда. Так, например, компания Microsoft разнообразила работу тестировщиков, чья рутинная работа заключается в выявлении ошибок в программном обеспечении [Стародубцева, эл. ресурс]: за каждый найденный «баг» (от английского: *bug* ‘клоп’, ‘ошибка’) в программных продуктах команде сотрудников начислялись очки, которые можно «обменять» на различного рода «бонусы» и индивидуальные предпочтения. Первоначально эта игра имела тестовый формат, однако работники настолько увлеклись, что работали даже дома. Известно, что сейчас у Microsoft существует на постоянной основе виртуальная система PVL (по первым буквам: от англ. *points, badges and leader boards* – ‘очки, бейджи и рейтинги’), которая способствует поддержанию высокого уровня эффективности работы штатных работников и компании в целом.

Ещё одно направление геймификации – изменение поведения заинтересованного, но инертного игрока – связано с ситуацией, когда человеку не хватает мотивации. Желание, заинтересованность и удовольствие существуют, однако преодолеть сдерживающую причину (например, лень) не получается. Игрофикация, направленная на изменение поведения «пользователя», может быть применена в личностно ориентированных сферах, например: в сфере здоровья и оздоровления, в сфере личных финансов, а также в любой другой, требующей дополнительных стимулов и/или продолжительного времени.

Так, правительство Норвегии, например, задумало решить проблему с превышением скорости на автострадах, не привлекая дополнительных работников полиции с радарными. В качестве эксперимента на определённых участках дорог были установлены электронные табло, которые показывали, с какой скоростью едет конкретный водитель. В результате эксперимента действительно было обнаружено снижение скорости на этих участках [Основные направления деятельности... Эл. ресурс].

Компания Volkswagen, взяв за основу идею норвежцев, запустила (в Стокгольме) своеобразный конкурс: электронные табло не просто показывали скорость автомобилей, но и фиксировали номера тех, кто проезжал с разрешенной скоростью. При этом все законопослушные водители автоматически становились участниками лотереи, деньги на призы которой

брали из штрафов за превышение скорости. Результатом проведения этого конкурса стали ожидаемые изменения – автомобильный поток снизил скорость в среднем на 20 % (смотрите: [Вербах эл. ресурс]).

Анализ такого рода экспериментов показывает, что наблюдение (контроль) обратной связи, получаемой от внешнего мира в реальном времени, влияет на поведение «пользователя», изменяя его в требуемом направлении, то есть приёмы геймификации «вынуждают» участников процесса к определённым действиям.

Следует отметить, что наряду с термином *геймификация* в российском исследовательском пространстве используют его синонимы *геймизация* и *игрофикация* (от английского *gamification*, впервые использованного в современной интерпретации в 1980 г.).

Геймификация подразумевает применение особого подхода, который характерен для компьютерных игр, в несобственно игровых процессах и в несобственно игровых целях. Например, при разработке различных маркетинговых ходов, при организации веб-сайтов, а также – специфического прикладного программного обеспечения. Важно отметить именно неигровой контекст использования игровых технологий. При этом выигрыш – типичная цель обычной игры – не является целью разработчика – организатора игрофицированного процесса – и даже целью пользователя. Процесс может быть игровым, но истинная цель, как представляется, должна находиться и действительно находится за рамками игры, потому что сам смысл игрофикации совсем не в игре как таковой, а в использовании «игроком» продукта/услуги/сервиса и тому подобного.

Геймификация в сфере экономики используется для маркетинговых (коммерческих) целей. Какие это цели? Привлечение внимания клиентов, вовлечение пользователей в решение тех или иных «игровых задач», а в конечном счёте – использование предоставляемых продуктов, услуг и/или сервисов, что в свою очередь, повышает уровень продаж, развивает бизнес, использующий инструменты игрофикации.

Кроме того, геймификация может использоваться и как инструмент для повышения эффективности работы предприятия («внутреннее направление», в терминах Р. Вербаха), то есть в качестве метода мотивирования персонала той или иной организации и его обучения (смотрите также: [Першина, 2017]). Это позволяет руководителю компании (или другим лицам, принимающим решения) получать некую обратную связь, то есть сведения об успехах и неудачах подчиненных, проанализировав которые, можно вносить необходимые изменения в организацию труда.

Геймификация как психологический и педагогический инструмент может использоваться в целях повышения эффективности обучения и в качестве стимулирования частоты обращения к тому или иному программному продукту. Как известно, игровая форма подачи информации способствует более лёгкому восприятию её и быстрому запоминанию.

Кроме того, упомянутый ранее вариант применения геймификации внутри предприятия (в сфере управления персоналом) выступает в роли психологического стимула для работников на основе безобидного игрового соперничества. Однако успехи сотрудников могут подкрепляться реальными – не игровыми, не виртуальными – материальными стимулами, что в итоге может способствовать не только экономическому росту компании, но и созданию общей не-напряженной атмосферы в офисе.

Одним из методов применения игрофикации в качестве психологического стимула сравнительно часто выступает создание истории или легенды, по другому – сторителлинг (от английского *storytelling* ‘сочинение и рассказывание историй’). Тогда создание и рассказывание «истории» сопровождается сам процесс использования приложения, соединяя его с различными драматическими приёмами. Таким образом, пользователь может почувствовать свой вклад в общее дело, свою сопричастность. Так, с помощью сопереживания и других «психологических действий», стимулируется интерес (например, к достижению вымышленных игровых целей), который обычно и используется либо в познавательных, либо в развлекательных целях.

При игрофикации может также применяться метод постепенного усложнения целей или задач. Например, как только пользователь овладел соответствующими навыками, он переходит на другой – более высокий – уровень, и ему становятся доступны те или иные новые возможности прикладного приложения. Таким образом, может обеспечиваться и стимулироваться вовлечённость пользователя в процесс эксплуатации, например, программного обеспечения.

Важным аспектом геймификации выступает также и ориентация на конечного пользователя продукта/товара/сервиса. Это связано с тем, что самому разработчику игрофицированного продукта важно получить постоянную и доступную для измерения обратную связь с пользователем. Это способствует динамичности корректировки продукта/товара/сервиса с целью влияния на пользовательское поведение и придания ему необходимого разработчику (продавцу) направления.

Таким образом, игра выступает универсальным инструментом во многих сферах, так как игровое пространство может быть ограничено лишь фантазией разработчиков.

Ещё одним из примечательных примеров использования игрофицированного приложения с целью непосредственного повышения эффективности продаж является система «Nike+» от фирмы «Nike» – компания производит кроссовки и, естественно, заинтересована в увеличении количества продаж. Маркетологи фирмы, в частности, придумали, разработчики создали устройство (в английском: *device* ‘устройство’, ‘прибор’, ‘приспособление’) со встроенным акселерометром, которое помещалось в подошву кроссовок новой линейки (смотрите: [McClusky, 2009]). После пробежки вся информация об использовании кроссовок могла быть загружена на смартфон или в компьютер пользователя. После чего специальные приложения обеспечивали игрофикацию, а именно: определяли самую длинную дистанцию, которую пользователь преодолел, самую высокую скорость бега пользователя.

Программное обеспечение позволяло сравнивать результаты с другими «участниками игры» (в том числе, с друзьями пользователя) и получать виртуальные медали и кубки за достижения. Более того, приложения позволяли самому участнику игры ставить себе цели и «организовывать вызовы», за самые выдающиеся из которых фирма «Nike» поощряла участников игры ценными материальными призами.

Таким образом, маркетологи «Nike» не только повысили процент продаж, но и, возможно, сделали некий вклад в физическое развитие людей, покупающих их продукцию. Сейчас рейтинги приложений «Nike+» сдали свои позиции, в том числе из-за появления других видов приложений, вносящих «более захватывающее разнообразие» в занятие бегом. Так, например, игрофицированный продукт «Zombies, Run!» буквально переносит пользователя в игровой мир, в котором его преследуют зомби с соответствующим звуковым сопровождением, а за определённые достижения разработчики снабжают игрока виртуальными аптечками, оружием и другими припасами. Привлекательным и «втягивающим в действие» приложение делает аудио-формат – ведь на пробежке человеку неудобно постоянно смотреть на экран смартфона или водить пальцем по экрану, ему удобнее – слушать. Кроме того, невнимательность к дороге, по которой он бежит, небезопасна.

В приложении «Zombies, Run!» предусмотрено 40 разнообразных миссий (например, сбор предметов, спасение раненых), также доступна интеграция с другим не игрофицированным программным продуктом «Run Keeper», хранящим статистику о беге и весе пользователя [Информация о геймифицированном... эл. ресурс], что делает этот необычный трекер (от английского *tracer* ‘выслеживающий’) популярным. Однако, как нам представляется, «искушённые пользователи» после прохождения всей игры, скорее всего, перестанут использовать это приложение, если разработчики, конечно, не будут постоянно обновлять игровые «механизмы».

Что касается специальной терминологии, используемой в игрофицированных приложениях, необходимо отметить, что пользователей принято обозначать как *игроки* (в английском *players*), реакции пользователя называются *действиями* (в английском *actions*), а создание

самых побуждений к такого рода действиям названо *мотивацией*. Кроме того, в геймифицированном программном обеспечении, например, есть так называемые «уровни мастерства», представляющие собой стратификацию (ранжирование) пользователей по уровням достижения ими определённых результатов.

У любого игрового процесса существует некий «жизненный цикл», «особым образом организованный» его стадиями: введение – развитие – кульминация – завершение. Временные границы этих этапов могут быть размыты, но именно на них обычно основывается сценарий разработчиков во время работы над игрофицированным приложением. Так, на этапе *введение* важно познакомить *игрока* с приложением, с основными элементами управления и возможностями взаимодействия.

Развитие подразумевает непосредственное передвижение по ходу игры, смену игровых позиций и тому подобное. На стадии *кульминации* игрок и разработчик приложения должны прийти каждый к своей цели. Для создателя это – получение обратной связи. Для игрока такой высшей точкой может служить, например, получение знаний иностранного языка на определённом уровне и тому подобное. Последняя стадия – *завершение* – своеобразный финал, позволяющий суммировать все достижения; игрок может заново запустить жизненный цикл геймифицированного приложения.

Для того чтобы играть, следует также «знать правила и принципы» игры, как указано в известном учебнике по маркетингу, при этом однако «вы должны о них забыть, то есть научиться играть, не думая о правилах» [Райс, Траут, 2000, с. 254]. Это означает, что те, кто планирует геймифицировать свои продукты/услуги/сервисы, должны мастерски владеть принципами создания игр и настолько вовлечь в игру пользователя, что и его действия должны быть доведены до автоматизма. Пример, приведённый Э. Райсом и Д. Траутом: теннисист, который «не думает во время матча, как держать ракетку или с какой точки наносить удар» [Райс, Траут, 2000, с. 254–255]. Однако разработчику и/или продавцу игрофицированного продукта/товара/сервиса следует знать, что за игрока (пользователя) думает сама игра, то есть её организатор, который стимулирует игрока на новые и новые повороты «игровой судьбы».

Заключение

В ходе создания геймифицированного программного продукта/товара/сервиса представляется необходимым отразить следующие аспекты, использовать следующие принципы. Динамичность – главный принцип при подготовке сценариев, которые привлекали бы внимание пользователя и требовали бы пользовательской реакции в реальном времени, а также вынуждали бы к реакциям определённого рода. Механика – использование характерных для компьютерных игр элементов сценария (таких как: вручение виртуальных наград, присвоение статусов, начисление очков, продажа виртуальных товаров и тому подобное). Эстетичность – принцип, которому подчиняются графические средства создаваемого (созданного) продукта и который способствует созданию определённого общего игрового впечатления. Возможность взаимодействия в социуме – многообразные техники, обеспечивающие характерное для игр межпользовательское взаимодействие, создающие иллюзию реального общения.

Для разработчика программного обеспечения (IT-услуг, сервисов) весьма важно не только создать геймифицированное приложение определённой направленности, но и увлечь пользователя, то есть не позволить ему заскучать и, как следствие, отказаться от использования предложенного продукта. Для таких целей в тех или иных «объектах продукта» следует использовать характерные игровые компоненты, создающие дополнительное социальное взаимодействие пользователей, добавочную мотивацию и стимулирующие «дух соревновательности», например: подсчёт очков, формирование рейтинговых таблиц, демонстрация достижений, создание шкалы выполнения заданий, предоставление возможности расчёта виртуальными валютами и тому подобное.

Всё это способствует вовлечению пользователя в процесс, удержанию его внимания и наполняет форму неким содержанием, предоставив игроку именно те инструменты и средства, которые он ожидает, но не следует исключать и сюрпризов.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Москва: Аспект Пресс, 2009. 363 с.
2. Вербах К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй: Игровое мышление на службе бизнеса / Пер. с англ. А. Кардаш. Москва: Манн, Иванов, Фербер, 2015. 208 с.
3. Вербах К. Геймификация: курс лекций. URL: <https://www.coursera.org/learn/gamification> (дата обращения 05.09.2018).
4. Ильин Е.П. Свойства эмоций // Ильин Е.П. Эмоции и чувства. Москва; Санкт-Петербург; Нижний Новгород: Питер, 2007. С. 79–83.
5. Информация о геймифицированном приложении «Zombies, Run!» URL: <https://geekrunner.org/software/zombies-run-iphone> (дата обращения 05.09.2018).
6. Карзенкова О.С., Попок Л.Е. Краткий обзор рынка мобильных приложений с элементами технологии геймификации // Цифровизация экономики: Направления, методы, инструменты. Сборник Материалов I Всероссийской научно-практ. конф. Краснодар: Изд-во «Кубанский аграрн. ун-т», 2019. С. 57–59. URL <https://cloud.mail.ru/public/HLWp/bFDVCraCF> (дата обращения 26.02.2019).
7. Леонтьев А.А. Общение в массовой коммуникации // Леонтьев А.А. Психология общения. Москва: Смысл; АCADEMiA, 2008. С. 271–291.
8. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы. Москва; Новосибирск: ИНФРА-М, 2000. 230 с.
9. Моргенштерн О., фон Нейман Дж. Теория игр и экономическое поведение. Москва: Книга по требованию, 2012. 708 с.
10. Никитин С.И. Геймификация, игрофикация, играизация в образовательном процессе // Молодой учёный, 2016, № 9. С.1159–1162. URL // <https://moluch.ru/archive/113/28806/> (дата обращения: 26.02.2019)
11. О программе лояльности от Сбербанка. URL: <https://www.retail-loyalty.org/news/spasibo-ot-sberbanka-klyuchevye-factory-uspekha-programm-loyalnosti> (дата обращения 05.09.2018).
12. Основные направления деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения: применение табло с изменяемой информацией. URL: http://spravochnik.madi.ru/part3_7_4.html (дата обращения: 05.09.2018).
13. Першина Е.Г., Масленников П.В., Подзорова Г.А. Использование геймификации в управлении персоналом на предприятии // Управление экономическими системами. 2017, №2(96). URL: <http://www.uecs.ru/uecs-96-962017/item/4269-2017-02-01-07-58-45?pop=1&print=1&tmpl=component>. (дата обращения: 05.09.2018).
14. Пономарев Н.Ф. Рекреатизация журналистики и политики // Материалы VII Международной научно-практической конференции «World science: problems and innovations» (Пенза, 28 февраля 2017). Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 345–347. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28762805> ISBB 978-5-9909727-0-4 (дата обращения: 05.09.2018).
15. Почему геймификация работает? URL: <http://gamification-now.ru/wtf/> (дата обращения: 05.09.2018)
16. Райс Э., Траут Д. Маркетинговые войны / Пер. с англ. С. Жильцова. Москва; Санкт-Петербург: Питер, 2000. 256 с.
17. Соколова Н. Поколение Игрек. // Профиль, 2010, № 34(685).
18. Стародубцева Е. Геймификация может стать отличным инструментом мотивации. URL: <https://www.rabota.ru/articles/hr/game-4919> (дата обращения: 05.09.2018).
19. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама: теория и практика / Пер. с англ. В.Б. Боброва. Москва: Прогресс, 1989. 630 с.
20. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Москва: Альта-Принт, 2006. 1239 с.
21. Joel Stein. Millennials: The Me Me Me Generation. Magazin. Time. 20 May 2013/ URL: <http://time.com/247/millennials-the-me-me-me-generation/>(дата обращения: 05.03.2019).
22. McClusky M. The Nike Experiment: How the Shoe Giant Unleashed the Power of Personal Metrics. Med-Tech: Health. 17 (7). Wired. Retrieved. June 29, 2009. URL: <https://www.wired.com/2009/06/lbnp-nike/> (дата обращения: 05.03.2019).

Karzenkova E. P.

*Senior Lecturer of Russian Language and Stylistics Department,
Perm State University*

Popok L.E.

*Associate Professor, Information Systems Department,
Kuban State Agrarian University*

Karzenkova O. S.

*Student of the Applied Informatics Faculty
Kuban State Agrarian University*

GAMIFICATION AND ITS APPLICATION IN DESIGNING A PRODUCT

The article discusses the economic and psychological aspects of the concept of "gamification". The current state of gamification features as a way (approach or principle) to create a service or a product, in particular, a software product is analyzed.

Keywords: gamification; service design; game theory and practice; recreation.

УДК 372.881.581:008

Красноярова Анна Александровна

Преподаватель кафедры русского языка, Нанчанский университет
330000, Китай, провинция Цзянси, г. Наньчан, ул. Сюефу, 999
Тел.: +86 13117803138
E-mail: annaporkova1909@gmail.com

Чивиленко Светлана Владимировна

Магистрант экономического факультета, Нанчанский университет
330000, Китай, провинция Цзянси, г. Наньчан, ул. Сюефу, 999
Тел.: +86 13576088404
E-mail: sve-zxc93@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ УПРАЖНЕНИЙ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье разрабатывается классификация упражнений в методике преподавания китайского языка как иностранного. Разработка упражнений и их классификация являются важнейшими проблемами методики преподавания иностранного языка. В процессе обучения китайскому языку использование упражнений необходимо для закрепления навыков письма, аудирования, говорения, чтения и грамматики. Предложенная система упражнений предполагает последовательную подачу материала и соотнесена с разделами изучения китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, классификация, упражнения, методика, навыки, система упражнений.

Введение

В современной методике преподавания иностранного языка вопрос о классификации упражнений является одним из наиболее сложных. Любая деятельность основывается на наличии определенных навыков и умений. Если иметь в виду развитие *речевой деятельности*, то особое внимание необходимо обращать на формирование навыков и умений, с помощью которых осуществляется использование иностранного языка в сфере общения. Поскольку навыки и умения при изучении иностранного языка формируются именно в упражнениях, проблема последовательности выполнения упражнений, определения их типов и видов является на сегодняшний день одной из *актуальных* проблем методики преподавания китайского языка.

Основная часть

1. Общая характеристика упражнений по иностранному языку

Упражнение – это важнейшее средство обучения иностранному языку, способ организации взаимодействия учащихся с преподавателем или учащихся с учебником (в процессе самостоятельной подготовки). Поэтому типология упражнений – одна из основных составляющих изучения иностранного языка.

Различные виды упражнений, сведенные к одной системе на основе определенных типовых признаков, называют *типологией*. Основной задачей системы упражнений является обеспечение организации процесса обучения и усвоения полученных знаний. Однако методическая характеристика упражнений не может гарантировать успешного усвоения получаемого материала по иностранному языку.

Работа с системой упражнений включает в себя:

- 1) выбор упражнений, соответствующих определенным навыкам или умениям;

- 2) разработку упражнений, которая осуществляется согласно последовательности подачи материала и создается на основе методических правил;
- 3) понимание соотношения подвидов, видов и типов упражнений, которые позволяют эффективно осуществлять учебный процесс;
- 4) контроль за освоением материала;
- 5) учёт взаимосвязей между всеми уровнями системы [Гез, 1969, с. 37-39].

2. Классификация упражнений в методике преподавания китайского языка как иностранного

Классификация упражнений является одной из актуальных проблем преподавания иностранного языка. Попыток классифицировать упражнения для изучения иностранного языка было предпринято немало. Такие известные методисты, как Б.А. Лapidус и Н.Д. Гальскова предлагали разные классификации упражнений.

Например, Б.А. Лapidус подразделял упражнения на две большие группы: упражнения, направленные на развитие речевых умений (коммуникативная группа), и упражнения, направленные на формирование навыков (некоммуникативная группа) [Лapidус, 1970, с. 11].

Изучение китайского языка предполагает использование классификации упражнений, которые делятся на такие виды, как: имитативные, дифференцированные, подстановочные, конструктивные, трансформационные и комбинированные. Использование упражнений помогает закреплять навыки письма, аудирования, говорения, чтения и грамматики. Каждый тип подразумевает использование разных видов упражнений в соответствии с изучаемым материалом.

Китайский исследователь Ли Шаолин писал: 对外汉语教学的课型一般分为听力课、口语课、阅读课和写作课四种,课型之间的不同除了在其他一些方面有所表现外,还主要反映在教学目的上。教学目的是教学中预期要达到的结果,每种课型都有特有的教学目的。教学时要达到教学目的,需要各个教学环节的共同配合,作为教学环节之一的练习当然也要为完成教学目的服务。(Процесс изучения китайского языка делится на несколько этапов: аудирование, говорение, чтение и письмо. Учебные программы этих предметов отличается друг от друга, поскольку указывают на разные цели обучения. Когда цель обучения достигнута, появляется результат, таким образом каждый предмет обладает собственной уникальностью и собственными целями. Для того, чтобы достигнуть цели, необходимо учитывать все аспекты обучения, поэтому выбор и использование упражнений по разным аспектам обучения является неотъемлемой частью достижения цели преподавания) [Ли Шаолин (李少林), 2003, с. 36].

Н.Д. Гальскова разделила упражнения по видам речевой деятельности: письмо, говорение, аудирование, чтение. Каждый вид деятельности соотнесен с определенным типом упражнений:

1. Письмо:

- упражнения направлены на описание различных событий, каких-либо фактов, собственных впечатлений (личное письмо развернутого характера);
- учебные записи – написание ключевых слов, предложений или выражений, а также логически связанных между собой абзацев.

2. Аудирование делится на контактное и дистанционное. Контактное аудирование предполагает слушание речи непосредственно от человека к человеку. Дистанционное – с помощью технических приборов и СМИ (радио, телевидение, аудиозаписи).

Упражнения, развивающие слуховые навыки, должны учитывать темп речевых сообщений, объем речи, аудиотексты.

Основные разновидности упражнений по аудированию:

- прослушивание текста, ответы на вопросы;
- прослушивание текста, пересказ, составление плана;
- оценка прослушанного текста.

3. Говорение:

Основными способами развития речевых навыков является участие в диалогической и монологической речи.

Разновидности упражнений по говорению:

- тренировочные, основная цель которых – формирование речевого высказывания и реализации данного высказывания в речи;
- подготовительные – комбинирование и группировка слов, вопросно-ответные задания;
- речевые, способствующие формированию речевых навыков, что предполагает использование речевых сообщений, которые находятся в определенной речевой ситуации или в условиях, максимально приближенных к естественному общению;
- игровая деятельность: коммуникативные, языковые и деловые игры.

4. Чтение имеет несколько разновидностей: ознакомительное, изучающее и поисковое.

Разновидности упражнений по чтению:

- ознакомительное чтение: составление плана текста, выделение основной мысли, оглавление текста, пересказ в устной или письменной форме;
- изучающее чтение: распределение фактов в определённой последовательности, составление рецензии;
- поисковое чтение: определение проблемы текста, анализ и оценивание фактов, разделение текста на части [Гальскова; Гез, 2006, с. 161–260].

Предложенная классификация позволяет эффективно формировать речевые навыки и умения в разных видах речевой деятельности. Для каждого вида предложена типология упражнений, которая направлена на закрепление и успешное усвоение изучаемого материала.

Ли Шаолин уточняет: 语言练习和典型的的教学目的要相一致切忌流于空泛, 应该有具体的操作程序。教学内容有难易, 学生水平有高低, 所以即使同一种课型的练习受各种主客观因素的制约也不能完全相同, 有很多具体的值得注意的东西。(Цели использования речевых упражнений должны находиться в системе, соответствуя целям обучения по отдельным предметам. Уровень изучения китайского языка может варьироваться от начального до продвинутого; учебная программа может быть несовершенна, использование одной типологии упражнений по всем предметам невозможно, в каждом разделе изучения китайского языка учитываются свои аспекты преподавания) [Ли Шаолин (李少林), 2003, с. 36].

3. Типы грамматических упражнений по китайскому языку

Упражнения учащимся не только позволяют накапливать языковые средства языка, но и формируют базовые знания, которые необходимы для и развития разных форм общения.

Основной целью изучения иностранного языка (в данном случае китайского) является практическое использование языка в сфере общения. Особую роль играют упражнения направленные на развитие грамматических навыков, поскольку они развивают навыки и умения в сфере говорения, чтения, письма или аудирования.

Можно выделить следующие типы грамматических упражнений:

- упражнения, направленные на *активизацию языкового материала* (такие упражнения могут быть *тренировочными, элементарными* или *комбинированными*);
- *ситуативные упражнения*, которые предназначены для активизации речевой деятельности – в зависимости от условий, поставленных преподавателем. Используя коммуникативный подход, преподаватель распределяет изучаемый материал закрепляет грамматические в речевых ситуациях. Такие упражнения выполняются в условиях, максимально приближенных к естественным: дискуссиях, беседах, диалогах. Выполнение таких упражнений должно быть организовано так, чтобы ситуации носили естественный характер.

Одной из проблем изучения китайского языка является отсутствие достаточного количества упражнений по грамматике. Существует несколько разновидностей упражнений, выполняемых на грамматическом материале:

- упражнения на использование местоимений;

- упражнения на использование счётных слов в предложении;
- упражнения, направленные на изучение модальных глаголов;
- упражнения на использование числительных;
- упражнения на использование союзов в сложных предложениях;
- упражнения, направленные на усвоение значений времени;
- упражнения на использование частиц 的地 и 得;
- упражнения, направленные на усвоение глаголов с направлением модификатора движения;
- упражнения на использование иероглифов 把 и 被;
- упражнения на определение порядка слов.

Это основные группы упражнений, которые способствуют развитию речевых, письменных и аудиовизуальных навыков.

На начальном этапе изучения китайского языка используются тренировочные и трансформационные упражнения, позволяющие повторить изученный ранее материал и закрепить его перед освоением новой лексики или новых грамматических правил. Отметим, что отдельное место в изучении китайской грамматике занимают китайские частицы и их значимость, как служебных слов. «При непосредственном общении с носителем языка или при чтении произведений на китайском языке, мы можем заметить, что почти каждое предложение содержит разного рода частицы, без которых предложение или потеряет смысл, или будет незаконченным» [Береза, 2018, с. 37]

Грамматические упражнения, основной задачей которых является перевод с родной речи на иностранную, представляют полезный и эффективный способ употребления форм грамматического материала и активизации языковой деятельности. Перевод, осуществляемый учащимся, требует максимальной активизации умственных способностей и позволяет осознано понимать то, что он говорит [Соловова, 2008, с. 220–222].

Использование комбинированных упражнений осуществляется на более поздних этапах изучения китайского языка. Такой вид упражнений затрагивает несколько аспектов грамматического материала и предлагает использование ранее изученного материала с целью формирования у учащихся собственной мысли, способности построения самостоятельного высказывания [Лapidус, 2011, с. 18–23].

Комбинированные упражнения могут быть направлены на изучение небольшого по объему текста (ответы на вопросы, пересказ или высказывание собственной точки зрения по поводу прочитанного).

Основное место в системе упражнений, направленных на развитие речевых навыков занимает игровой вид деятельности. Игра раскрывает творческие способности учащихся, а также дает им уверенность в процессе практического использования полученных знаний. В условиях игры мыслительная деятельность учащихся обостряется и вызывает интерес, направленный на решение поставленной проблемы [Маслыко; Бабинская; Будько; Петрова, 2003, с. 190–195].

Игровая деятельность способствует выполнению основных методических задач, способствует выбору нужной речевой формы, которая – в свою очередь – готовит к ситуативной спонтанности:

- формированию психологической готовности или уверенности при взаимодействии с преподавателями или другими учащимися.
- эффективному повторению ранее изученного материала.

Рассмотрим один из вариантов игровой деятельности. Студенты делятся на две команды: первая команда задает вопросы, вторая отвечает на них. Вопросы и ответы составляются с использованием изученного материала по грамматике.

Предложения с глаголом «иметь» (有).

Вопросы:

你有没有朋友? – Есть ли у тебя друг?

他的包有什么东西?— Что в его сумке?

你的妈妈有没有车辆?— У твоей мамы есть машина или нет?

Ответы:

我有朋友。— У меня есть друг.

他的包有一本书。— У него сумке [находится] книга.

我的妈妈有一辆车。— У моей мамы есть машина.

При выполнении упражнений необходимо использовать лексику из предыдущих тем. Это помогает развивать навыки устной речи.

4. Разработка грамматических упражнений по китайскому языку

Подготовка системы эффективных грамматических упражнений по китайскому языку является одной из актуальных проблем методики. Разрабатывая собственную систему, необходимо помнить о том, что каждое упражнение должно выполняться в определенном комплексе. Классификация упражнений Н.Д. Гальсковой как нельзя лучше подходит для разработки заданий по грамматическим темам китайского языка, поскольку она позволяет учитывать возрастные особенности учащихся и виды речевой деятельности (письмо, говорение, чтение и аудирование). Используя данную классификацию, можно подготовить комплекс собственных упражнений по грамматике.

Один из самых сложных аспектов изучения китайского языка – освоение его письменности: запоминание ключей, написание иероглифов, изучения связи слов в предложении. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что грамматические упражнения при изучении китайской письменности действительно необходимы.

Рассмотрим систему разработанных нами упражнений, направленных на освоение китайской письменности.

Упражнение № 1:

Используя грамматическую конструкцию **有 (没有)**, составить несколько связанных по смыслу предложений с такими словами, как: **大学, 老师, 学生, 手机, 教师, 忘**

Пример выполненного упражнения:

上午在大学有很多老师, 学生。那一天一个学生跟老师有了很多事情, 可是忘了拿手机, 没有机会给他打电话, 找一找他以后, 没找到, 没有手机, 没有他的电话号码, 学生回家了。

Упражнение № 2:

Выберите одну из тем и напишите краткое сочинение, используя такие грамматические конструкции, как **因为……所以, 虽然……但是**

Темы:

- 1) 到了中国
- 2) 中国的菜
- 3) 留学生的生活

Пример сочинения:

我到了中国的以后, 在大学就开始了学习汉语。虽然我什么都不懂, 但是我有很多外国朋友, 他们总是帮助我了。可是因为我的中文不怎么样, 所以我老师打算了给我介绍一个学生。因为这个学生学习汉语, 所以他跟我说话, 所以也会帮助我。

虽然我新朋友几乎没有时间, 但是他真想教我中文。因为每个周末我们看见了, 说一说中文或者俄文, 所以我的汉语水平提高了。现在我的中文不错是因为我有好的老师, 朋友。

Большую роль в процессе изучения языка играет **говорение**. Упражнения по разделу «Говорение» направлены на развитие речевого общения через усвоение основных грамматических форм. Упражнения имеют вид ситуативных диалогов, монологов, бесед и дискуссий.

Упражнение № 1:

Составьте устно пять предложений, используя грамматическую сравнительную конструкцию **A 不如B**

Пример составления предложений:

- 1) 听CD 不如听音乐会。

- 2) 我的汉语不如一年以前了。
- 3) 他的汉语不如我的汉语好。
- 4) 我的房间不如我朋友的房间大。
- 5) 他的电脑不如我的电脑新。

Упражнение № 2:

Выскажите собственную точку зрения по теме «Изучение китайского языка». Используйте грамматическую конструкцию 对.....来说

Пример выполнения:

对我来说, 学汉语真太难了。对中国人来说, 每个外语都很难学。可是对大部分外国人说, 学汉语是一种最重要的目标, 因为如果你会说中文, 你一定会找到很多的工作, 还有认识很多朋友, 进步自己的语言水平。

Большую роль в процессе изучения китайского языка играет **аудирование**. Специально разработанных упражнений по этому разделу, предназначенных для закрепления грамматических навыков, немного. Используя аудирование, учащиеся легче запоминают грамматический материал. Такие упражнения могут включать грамматические конструкции, которые имеют аналогичное значение, но разное употребление в предложениях [Пассов; Кузовлева, 2010, с. 211].

Рассмотрим варианты упражнений по грамматике, направленные на развитие слуховых навыков.

Упражнение № 1:

Прослушайте аудиозапись. Выпишите сравнительные грамматические конструкции.

Текст аудиозаписи:

今天比昨天冷, 天气没有那么好。我开始了住在中国的时候, 清楚了中国的冬天没有我的国家冷, 可是还是不喜欢冷的天气。特别是小雨或者刮风。在我的城市天气一般比较暖和, 可是冬天的时候也是一样的不舒服。

Упражнение № 2:

В прослушанном тексте выпишите предложения с употреблением пассивного залога.

有一天我出去宿舍以后看了我的自行车被偷了。我不知道怎么办, 给了我中国的朋友打电话, 说明了怎么回事儿。他对我说不要担心, 就来了, 他问了我的钥匙是在哪儿? 我找一找了, 明白了, 钥匙也被偷了。我们一起去警察说这个事情。第二天, 朋友告诉了我, 警察找到了我的自行车, 可是自行车被坏了, 钥匙被丢了, 最惨的是买了一辆新的自行车。太糟糕了。

Следующим разделом изучения китайского языка является **чтение**. В комплексе упражнений, направленных на развитие речевых навыков, чтение позволяет эффективно осваивать грамматические правила китайского языка, так как ученик наглядно видит предложения и смысловые связи, выраженные при помощи грамматических конструкций.

Рассмотрим примеры таких упражнений.

Упражнение № 1:

Прочитайте диалог. Найдите в диалоге результативность выполненного действия. Объясните разницу между 的地 и 得

A: 你的声音太小了; 我听得清楚。

B: 我大点儿声, 这样听得清楚吗?

A: 坐在后边的同学听得见吗?

B: 听得见。

A: 中国人说话你听得懂吗?

B: 有的听得懂, 有的听不懂。

Упражнение № 2:

Прочитайте текст. Ответьте на вопросы после текста. При ответе используйте конструкции 因为.....所以.....; 虽然.....但是.....

大部分的男生认为女性结婚以后应该做全职主妇。他们一般说出

几个理由: 一, 女生需要照顾照顾孩子们, 教育他们, 做饭, 打扫等等; 二, 如果男生有钱, 有好的工作, 妻子不要上班。

可是这些理由靠得住吗? 我认为靠不住的。下面阐述我的观点。

先说第一条理由。一般男生自言所有的女生不想工作，从古代的时间她们都管丈夫的钱，在家里做家务的任务，照顾孩子，别的什么都妻子不感兴趣。可是这不是真的。那时的问题就是女子没有那么多权利自己决定在生活中她们想做什么，丈夫也不想靠妻子的看法。所以我不能说所有的妻子想做全职主妇。

再说“做全职主妇”的第二理由。这条理由是：因为男生有钱，女生不要工作。这一条根儿站得住脚吗？我认为也是站不住脚的。女子没有工作的话，没有什么兴趣，觉得自己的生活很无聊，没有意思。她们不会发展自己的能力，自己的性格。当然照顾孩子是挺重要的事情，可是孩子长大以后，一般都不需要妈妈的帮助。所以女生要自己评价做全职主妇的好处。

综上所述，我认为在现代社会女生有自己的自由，有权选择自己的目标。如果男生说女子结婚以后应该做全职主妇，这个意味着他们有一点担心女的有机会成为比男得更厉害，进步更好。

Вопросы:

- 1) 为什么丈夫一般不想妻子工作？
- 2) 为什么“我”觉得这些理由靠不住吗？
- 3) 现在妻子有什么选择？啊？

Примеры упражнений демонстрируют, что изучение китайского языка, а особенно его грамматики, должно происходить системно.

Заключение

Упражнения являются неотъемлемой частью изучения иностранного языка. В процессе преподавания правильно продуманная типология упражнений становится важнейшим фактором, способствующим обучению языковым навыкам.

Специфика предложенной классификации упражнений заключается в возможности параллельного изучения грамматики китайского языка в разных разделах, формирующих языковые навыки. Последовательная подача материала обеспечивает системное изучение языка и его практическое применение. Основываясь на предложенных принципах, мы предложили собственную систему упражнений по китайскому языку.

Список литературы

1. Береза Е.В. Частицы в системе служебных слов современного китайского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 33–38.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур». Москва: Academia (Москва), 2004. 335 с. (Сер. «Высшее профессиональное образование. Иностранные языки»).
2. Гез Н.И. Система упражнений и последовательность развития речевых умений и навыков // Иностранные языки в школе. 1969. № 6. С. 29–40.
3. Лapidус Б.А. Интенсификация процесса обучения иноязычной устной речи (пути и приемы). Москва: Высшая школа, 1970. 128 с.
4. Лapidус Б.А. Комбинированные упражнения при обучении устной речи // Иностранные языки в школе. Москва: Золотые страницы, 2011. № 8. С. 18–23.
5. Маслыко Е.А., Бабинская П.К., Будько А.Ф., Петрова С.И. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справочное пособие. 9-е изд. Минск: Вышэйшая школа, 2004. 522 с.
6. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Урок иностранного языка. Ростов н/Д: Феникс; Москва: Глосса-Пресс, 2010. 640 с.
7. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс пособие для студентов пед. вузов и учителей. Москва: Астрель, 2008. 238 с.
8. 绍林《对外汉语教材练习编写的思考》北京, 北京语言大学汉学院, 云南师范大学学报. 7月, 2003, 34–39 页 [Ли Шаолин. Размышления об использовании упражнений в процессе преподавания китайского языка // Вестник Юнаньского педагогического университета. Факультет изучения китайского языка. 2003. № 3: июль. С. 34–39].

Krasnoyarova (Popkova) A.A.
*Department of Russian Language,
Nanchang University*

Chivilenko S.V.
*Master student,
Nanchang University*

**THE SYSTEM OF EXERCISES AS AN IMPORTANT PART
OF TEACHING THE CHINESE LANGUAGE**

This article explores the classification of exercises in teaching Chinese as a foreign language. The development of exercises and making classifications are modern challenges of teaching a foreign language. In the process of learning the Chinese language, the use of exercises is necessary to practice the skills of writing, listening, speaking, reading and grammar. The system of the exercises described in the article involves the sequential presentation of the material and corresponds to the sections of learning Chinese.

Key words: the Chinese language, classification, exercises, method, skill, system of exercises.

УДК 811.111

Лучникова Алёна Вячеславовна

Старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396833
E-mail: lav168@mail.ru

Тутынина Татьяна Ивановна

Старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396833
E-mail: tandasek@gmail.com

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ**

В статье рассматриваются психологические и методические особенности и трудности преподавания английского языка как иностранного студентам-иностранцам. Приведены результаты обучения английскому языку студентов из стран Ближнего Востока, обучающихся на химическом факультете ПГНИУ по специальности «Фармация». Авторами рассмотрены вопросы повышения мотивации и познавательной активности на занятиях по английскому языку.

Ключевые слова: методика преподавания, английский язык, ESL, EFL, студенты-иностранцы, мотивация, Болонское соглашение.

Введение

Процесс глобализации касаются сегодня не только коммерческих и деловых структур, но и образовательных систем. В настоящее время страны, ратифицировавшие Болонское соглашение, стремятся развивать национальную систему высшего образования в целях её сопоставления с образовательными системами остальных стран – участниц Болонского процесса, а также для поддержки академической мобильности студентов и преподавателей и совместных образовательных программ. Последние, в свою очередь, являются важным инструментом в повышении качества образовательных программ и исследований [The Bologna Process]. На всемирной конференции по вопросам высшего образования ЮНЕСКО 2009 было отмечено, что академическая мобильность, которая так же включает в себя и кросс-границное получение образовательных услуг, являются факторами повышения качества и эффективности высшего образования [2009 World Conference]. В связи с этим вопросы интеграции российских вузов в международную систему высшего образования являются весьма актуальными.

Основная часть

Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ) уже достаточно давно и продуктивно развивает международную деятельность, которая направлена и на привлечение иностранных студентов для обучения по разного рода специальностям и направлениям в стенах вуза. В связи с этим, актуальной задачей для Пермского университета является организация эффективного процесса обучения всё увеличивающегося числа иностранных студентов. Под эффективным обучением мы понимаем такой процесс, который обеспечивал бы высокое качество образовательных услуг и позволял бы эффективно реали-

зовывать современные концепции преподавания по выбранным студентами специальностям. Безусловно, эта задача является комплексной, многоплановой, а её решение требует смены методологии в области преподавания английского языка.

Цель данной работы – проанализировать трудности, возникающие в процессе обучения иностранных студентов английскому языку на примере студентов химического факультета ПГНИУ, специализирующихся по направлению «Фармация», для того, чтобы в дальнейшем определить сильные и слабые стороны, которые могут лечь в основу разработки способов улучшения данного вида педагогической и методической деятельности в вузе.

Согласно последним оценкам, одна шестая населения планеты говорит или использует английский язык как средство коммуникации, как официальный язык международной авиации, как основной, но пока неофициально, язык спорта, средств массовой информации, стремительно развивающихся технологий, как язык представления результатов научных исследований мировому сообществу [Broughton, 2003, p. 1–3]. Изучение английского языка в качестве иностранного (EFL) в таких странах как Россия, Китай, Ливан, Саудовская Аравия и др. способствует техническому, культурному и экономическому прогрессу этих стран, поскольку владение английским языком рассматривается как существенная основа перспективного образования [Savigno, 2002, p. 19; Spicer-Escalante, 2014, p. 2439].

Эти и многие другие факторы способствуют изменению отношения к изучению и, следовательно, к методам преподавания английского языка, который из статуса иностранного (EFL) переходит в статус второго по значению языка (ESL) для населения многих не англоговорящих стран [Broughton, 2003, p. 6–7].

В связи растущим числом иностранных студентов, которые приезжают в российские вузы получать образование, с включением этих студентов в состав групп русскоговорящих студентов, традиционные методы преподавания английского языка, основывающиеся, в том числе, на переводе английских слов, словосочетаний и грамматических явлений на родной язык с целью проверки понимания материала обучения, утрачивают свою актуальность и целесообразность. Трудности, с которыми сталкивается преподаватель английского языка при обучении студентов-иностранцев, связаны с тем, что английский язык для таких студентов преподаётся без опоры на родной для них язык, т.е. посредством другого иностранного (русского). Следовательно, это приводит к языковым барьерам среди студентов-иностранцев, поскольку они не могут опираться на родной язык при решении коммуникативных задач [Глазкова, 2017, с. 180] и, как результат, у студентов создаётся психологический дискомфорт, который, при отсутствии должного внимания со стороны преподавателя английского языка, может привести к потере интереса и снижению мотивации к изучению английского языка [Глазкова, 2017, с. 180].

В результате мы имеем довольно неутешительную картину: пока отсутствует профессиональная или социальная мотивация, скорость овладения английским языком как иностранным невелика [Вадбольская, 2018, с. 430].

Недостаточное количество учебной и учебно-методической литературы по преподаванию английского языка для студентов-иностранцев без опоры на родной язык усугубляет и без того сложную ситуацию в этой области. Кроме выше упомянутых смешанных групп, когда студентов-иностранцев вынуждают обучаться совместно с русскоговорящими студентами, наблюдается тенденция к увеличению числа студентов в академических группах до 15 человек. Что так же создаёт трудности как в работе преподавателя английского языка, который вынужден применять иные методы преподавания, так и в освоении иностранного языка студентами-иностранцами.

Кроме того, педагогами и психологами в области преподавания иностранного языка рекомендуется учитывать национально-психологические особенности студентов дальнего зарубежья в процессе адаптации, которая, по мнению данных специалистов, влияет на успешность учебной деятельности иностранцев в российском вузе.

Согласно последним исследованиям студенты арабских стран Ближнего Востока, которые являются одними из тех, кто приезжает в ПГНИУ на учебу, характеризуются следующими особенностями: открытость, интерес к другим людям; отсутствие боязни критики; недисциплинированность, конфликтность, раздражительность [Рахимов, 2010, с.125].

Кроме того, как правило, их характеризует завышенная самооценка, неумение работать с тетрадью и делать записи, отсутствие навыков самостоятельной работы, а также сильная эмоциональность. Важно отметить, что знание и умение на практике учитывать личностные особенности студентов способствуют сокращению сроков успешной адаптации иностранных студентов, которая напрямую влияет как на обучение английскому языку, так и на эффективность учебного процесса в вузе в целом.

У преподавателей, работающих с данной категорией студентов, появляется необходимость создания условий для оптимизации процесса адаптации их к учебному процессу в высшей школе. Необходимо понимать национальные особенности личности учащихся, временные психические состояния студентов; улавливать изменения в их внутреннем состоянии.

Преподаватели ПГНИУ стремятся создать самую доброжелательную обстановку на занятиях и за пределами аудиторной деятельности, чтобы студенты могли почувствовать наше гостеприимство и тем самым снизить первый шок от столкновения с реалиями жизни в другой стране, так сильно отличающейся по культуре и традициям от их привычного окружения. Особенно следует учитывать, что семьи их далеко, и иногда они не ездят домой продолжительное время. Более того, преподаватели, работающие с иностранной молодежью, должны привлечь их внимание к тому, что, несмотря на бросающиеся в глаз отличия между странами, общие принципы жизни, правила общежития и поведения в обществе едины. Решение такой сложной психолого – педагогической задачи, наряду с решением учебных задач, позволяет подготовить высококвалифицированных специалистов. Прибывшие абитуриенты проходят медицинское обследование; знакомятся с правилами проживания и передвижения по территории России, законами Российской Федерации; знакомятся с речевым этикетом, культурой, традициями и обычаями нашей страны. Преподаватели создают благоприятный психологический климат в учебной группе, следят за построением отношений сотрудничества между будущими специалистами двух национальностей, русскими и арабами.

Учитывая вышесказанное, так же нужно иметь в виду проблемы интерференции со стороны родного языка, когда ранее приобретённые навыки не соответствуют новым нормам. Часто эта интерференция охватывает все уровни – фонетику, грамматику, лексику. Преподавателям английского языка приходится опираться на имеющиеся во всех языковых культурах единые компоненты речи – согласие/несогласие, единственное и множественное число, обращение, связь «субъект – объект» и др. Обращая внимание студентов на схожесть лингвистического материала, можно снизить тревожность студентов и даже невосприимчивость нового материала. Понятно, что чем более похож родной язык на иностранный, тем меньше отрицательной интерференции мы имеем. В случае с арабским языком мы получаем полный набор отличий – от правостороннего письма до техники арабской вязи. Для нейтрализации трудностей необходимо целенаправленное педагогическое воздействие, постоянное, мягкое, но систематическое и настойчивое, которое включает коррекцию лексико-грамматических навыков и умений, опираясь на имеющиеся у них знания системы родной речи, на их лингвистическое мышление. Чем лучше развита у обучаемых их собственная система речи, тем проще проходит изучение иностранного языка.

Язык профессионального общения – важная составляющая подготовки студентов – фармацевтов. Наличие международных терминов, единых символов (например, таблица Менделеева) значительно облегчает работу преподавателя. Греко-латинская терминология является глоссарием студентов-фармацевтов. Знания химии, математики и других смежных наук тоже выступают соратниками в преподавании. Использование наглядности, карт, формул, уравнений, все идет в помощь.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что преподавание EFL студентам-иностранцам требует от современного преподавателя английского языка полной мобилизации его личностных и профессиональных качеств, полной самоотдачи и умения решать сложные практические задачи на каждом занятии, при этом, не теряя из виду конечную цель процесса обучения английскому языку как иностранному.

Список литературы

1. Глазкова Т.К., Сидорчук И.С. Психолого-педагогические аспекты обучения студентов-иностранцев английскому языку как второму иностранному // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2017. Т. 1. № 2(10). С. 179–184.
2. Вадбольская Н.В. Лучникова А.В. Формирование положительной мотивации к изучению английского языка у студентов неязыковых специальностей // Аллея Науки. 2018. № 5(21). С. 427–433.
3. Рахимов Т. Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направления его развития // Язык и культура. 2010. № 4(12). С. 123–136.
4. The Bologna Process 2020 – The European higher education area in the new decade, communique of the conference of European ministers responsible for higher education, Leuven and Louvain-la-Neuve, 28–29 April 2009. URL: https://edu.ro/sites/default/files/u39/Leuven_Louvain-la-Neuve%202009.pdf (дата обращения: 01.11.2018)
5. Broughton G., Brumfit, C., Flavell, R., Hill, P. & Pincas, A. Teaching English as a foreign language. London, Routledge. 2003. 256 p.
6. 2009 World Conference on Higher Education: The New Dynamics of Higher Education and Research for Societal Change and Development (UNESCO, Paris, 5-8 July 2009) COMMUNIQUE. [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.net/1704546-2009-world-conference-on-higher-education-the-new-dynamics-of-higher-education-and-research-for-societal-change-and-development.html> (дата обращения: 01.11.2018).
7. Savignon S.J. Interpreting communicative language teaching: Contexts and concerns in teacher education. London, Yale University Press. 2002. 256.
8. Spicer-Escalante M. L., de Jonge-Kannan K. Cultural mismatch in pedagogy workshops: Training non-native teachers in communicative language teaching // Theory and practice in language studies. 2014, 4(12), С. 2437–2444.

Luchnikova A.V.

*Senior Lecturer, English for Professional Purposes Department,
Perm State University*

Tutynina T.I.

*Senior Lecturer, English for Professional Purposes Department,
Perm State University*

PSYCHOLOGICAL AND METHODOLOGICAL FEATURES OF TEACHING ENGLISH AS A SECOND LANGUAGE TO FOREIGN STUDENTS

The psychological and methodological peculiarities and some characteristic features of English teaching for foreign students are considered in the article. The results of English teaching for students from the Arab countries of the Middle East specializing in Pharmacy at Chemistry faculty of Perm State University are provided. The significant issues of motivation and cognitive increase during the course of studying are discussed.

Key words: teaching methodology, the English language, ESL, EFL, foreign students, the Bologna agreement.

УДК 371.3

Родионова Елена Витальевна

Кандидат экономических наук,

доцент кафедры экономики и финансов,

Поволжский государственный технологический университет

424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Тел: 8 (8362) 686075

E-mail: rodionovaev@volgatech.net

**CLIL И ДРУГИЕ ПОДХОДЫ К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И УЧЕБНОГО ПРЕДМЕТА: СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ**

В статье проводится сравнительный анализ методик Content and Language Integrated Learning (CLIL) и других подходов к междисциплинарной интеграции иностранного языка и учебного предмета: EMI, ESP, CBI, языкового погружения. Проведённое исследование позволило выявить их сходства и отличия, определить возможности практического использования.

Ключевые слова: Content and Language Integrated Learning (CLIL); English as a Medium of Instruction (EMI); English for Specific Purposes (ESP); Content-Based Instruction (CBI); языковое погружение.

Введение

Концептуальной основой реформирования системы российского образования является компетентностный подход, который подразумевает стремление достичь баланса между обучением и самообразованием, передать обучающимся актуальные знания, развить умения и сформировать навыки, востребованные реальными условиями жизни и профессиональной деятельности человека [Исаева, 2018, с. 132]. В рамках компетентностного подхода обучение в вузах нацелено на формирование у студента комплекса универсальных (общекультурных) и специальных (профессиональных) компетенций. В связи с глобализацией и интернационализацией общества в составе универсальных компетенций возрастает значимость знания выпускниками иностранного (прежде всего, английского) языка на таком уровне, который позволил бы им стать полноценными членами международного научного, делового, культурного сообщества. При этом даже хорошего владения иностранным языком для повседневного общения часто оказывается недостаточно для свободной ориентации специалистов в информации отраслевого рынка, профильной литературе, эффективной коммуникации с деловыми партнерами из зарубежных стран.

Только изучение иностранного языка для профессиональных целей даёт выпускнику вуза возможность участвовать в профессиональном межкультурном общении, выступает ключевым фактором формирования профессиональной и коммуникативной компетенций и в целом – социально успешной, конкурентоспособной, профессиональной личности [Там же, с. 133]. Эффективной методикой, обеспечивающей формирование профессиональной и иноязычной компетенции, является «предметно-языковое интегрированное обучение» (Content and Language Integrated Learning – CLIL), являющееся одним из способов междисциплинарной интеграции иностранного языка и учебного предмета.

Основная часть

Термин «предметно-языковое интегрированное обучение» (CLIL) был введён в образовательную среду в 1990-е гг. группой исследователей из европейских стран [Senoz et al., 2014, p. 243] для обозначения методики одновременного изучения учебной дисциплины и иностранного языка за счёт использования иностранного языка в качестве средства изучения содержания предмета. С тех пор методика CLIL завоевала популярность в системе образования

многих стран; использование рекомендовано Европейской комиссией, а результативность её доказана исследованиями многих специалистов в области образования.

В настоящее время понятие CLIL интерпретируется достаточно широко, а в научно-методической литературе имеется множество различных его определений. Несмотря на широкое распространение самого термина CLIL, дискуссии по поводу сущности этого подхода, поиски его специфики по сравнению с другими методиками обучения продолжают. Некоторые авторы придерживаются категоричной позиции, считая, что разнообразие определений CLIL делает невозможной идентификацию ключевых характеристик этой методики, которые позволили бы выделить её в качестве действительно оригинальной и самостоятельной [Ibid.].

Автор работы согласен с теми исследователями, кто не рассматривает CLIL в качестве кардинально нового подхода, поскольку иностранный и второй языки уже давно использовались для преподавания различных дисциплин в системе среднего и высшего образования [Попова, 2018, с. 31]. Однако полагаем, что не следует понимать CLIL как разновидность English for Specific Purposes (ESP) или уравнивать понятия CLIL и English as a Medium of Instruction (EMI), как это делают некоторые авторы (смотрите, например: [Сидоренко, Рыбушкина, 2017, с. 186]). Приведём несколько аргументов, подтверждающих нашу точку зрения.

Во-первых, хотя на практике преобладающая часть образовательных программ с использованием предметно-языкового интегрированного обучения реализуется на основе английского языка, что, на первый взгляд, превращает CLIL в CEIL (Content and English Integrated Learning), однако в целом методика CLIL шире ESP или EMI, так как может быть реализована и на основе других языков.

Во-вторых, CLIL представляет собой конвергенцию предметного контента и языковых категорий, что позволяет рассматривать предметно-языковое интегрированное обучение в одном ряду с названными методиками, однако CLIL отличается многочисленными специальными дидактическими способами обеспечения интегрированного обучения (fusion), несущими в себе новизну подхода. Так, элементами новизны признаны, например, проблемное обучение, обучение в сотрудничестве, презентационное мастерство, ролевые игры, упражнения на составление интеллект-карт и т.д.

В-третьих, методика ESP нацелена (как показано на рис. 1) главным образом на обучение непосредственно иностранному языку, при этом содержательные аспекты имеют второстепенное значение [Попова, 2018, с. 31]. Программы ESP направлены на формирование языковой компетенции студентов, поэтому центральным звеном её применения является совершенствование иноязычных коммуникативных умений, при этом оценивается владение терминологией, особенностями грамматики и дискурса, свойственными профессиональной сфере [Халяпина, 2017, с. 100].

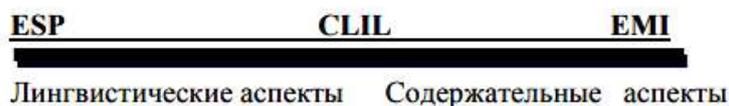

Рис. 1. Условная шкала методик интеграции иностранного языка и учебного предмета [Попова, 2018, с. 31]

Как видим, CLIL имеет амбивалентную направленность как на специальный компонент, так и на иностранный язык, в то время как EMI вообще не является методикой преподавания иностранного языка: это использование иностранного языка как средства изучения учебных предметов [Попова, 2018, с. 31]. Поскольку методика ESP предназначена для изучения языка, то преподавателями не ставится задача сформировать логически выстроенный и последовательно раскрывающий тему учебный материал (подразумевается, что у студента уже есть знания по предмету и нужно лишь облечь их в новую форму на иностранном языке). EMI, наоборот, предполагает достаточный уровень владения студентами иностранным языком и концентрируется на содержании специального учебного предмета, почти не уделяя внимания языковой составляющей.

щей. Максимально устранить недостатки каждого из этих подходов, интегрировать преподавание языка с содержанием специальной дисциплины позволяет именно CLIL [Силина, Суринова, 2017, с. 12].

Методика CLIL также имеет пересечения с базовыми идеями метода языкового погружения и обучения, основанного на предметном содержании – Content-Based Instruction (CBI). Погружение в языковую среду существенно ускоряет процесс усвоения иностранного языка, при этом изучение нового не о языке, а о конкретном предмете, повышает мотивацию студентов. Кроме того, как и при использовании CBI, преподаватели языка и дисциплины при использовании методики предметно-языкового интегрированного обучения часто работают совместно [Вьюшкина, 2015, с. 83], направляя свои усилия к решению общих задач. Поэтому некоторые исследователи (например: [Вьюшкина, 2015; Cenos, 2014]) считают, что термины CLIL и CBI имеют одинаковое содержание, в то время как другие указывают на важное отличие между ними. CLIL применяется в тех аудиториях, где изучается неязыковой предмет, а CBI – методика обучения иностранному языку на материале, связанном с предметной тематикой [Dalton-Puffer, 2013].

Таким образом, интегрированный предметно-языковой подход охватывает ситуации преподавания неязыкового предмета «через среду» иностранного языка. CLIL представляет собой способ обучения учебным предметам «через иностранный язык» (teaching content through foreign language) и обучения иностранному языку «через сам предмет» (teaching foreign language through content). CLIL предполагает двуединство предметного содержания и обучения языку. Таким образом, язык используется как средство изучения содержания, а содержание, в свою очередь, используется как ресурс для изучения языка [Зарипова, 2015, с. 506].

Отличительной чертой CLIL является то, что это не просто подход к обучению иностранному языку или предмету, а интегрированная форма обучения и тому, и другому. Происходит не только преподавание дисциплины посредством иностранного языка, но и создается иноязычная среда, в которую погружаются обучающиеся. На занятиях они работают с аутентичными материалами, используя иностранный язык для изучения реального мира. Преподаватели используют не только методики преподавания языка, но и дидактические приемы обучения неязыковым дисциплинам.

В процессе использования методики CLIL обучающимся предоставляется возможность изучения одной или нескольких учебных дисциплин на иностранном языке. При этом не предполагается, что студенты умеют говорить на профессиональном иностранном языке перед началом изучения профильного предмета. Они изучают язык в то же самое время, что и специальный предмет [Батурина, 2017, с. 10]. В контексте CLIL язык, выступающий в качестве средства обучения, может быть либо иностранным, либо вторым государственным, либо языком национального меньшинства [Григорьева, Яхина, 2017, с. 485]. Как правило, язык преподавания – это иностранный язык, который редко или никогда не используется в социальном контексте вне учебной аудитории. Аудиторные занятия формируют основную, а часто единственную среду, в которой студенты могут использовать изучаемый язык [Филипович, 2015, с. 75].

Заключение

Таким образом, CLIL имеет как сходства, так и отличия по сравнению с другими методиками, использующими иностранный язык в процессе получения предметных знаний. Следует отметить, что разнообразие подходов к разграничению методик интеграции языка и учебных дисциплин во многом связано с особенностями использования терминологии в различных регионах. CBI представляет собой американский опыт и сопоставим с ESP; появление термина CLIL связано с европейскими странами, однако в последнее время этот подход получил широкое распространение за пределами Европы и используется в широком международном контексте. На наш взгляд, задача чёткого разделения методик и их определений не имеет существенного практического значения. Более важна возможность использования в междис-

циплинарной интеграции иностранного языка и профессиональных дисциплин высшей школы сочетания методологических и методических элементов различных подходов с целью достижения запланированных результатов обучения и формирования требуемых компетенций обучающихся в зависимости от особенностей конкретных учебных ситуаций.

Список литературы

1. Батурина Н.В., Рукавишникова Ю.С., Батунова И.В. Использование приемов, методов и моделей системы CLIL в процессе обучения английскому языку студентов бакалавриата // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 10(64). Ч. 1. С. 9–13.
2. Вьюшкина Е.Г. Опыт использования предметно-языкового интегрированного обучения в юридическом вузе // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета*. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 2(26). С. 82–92.
3. Григорьева К.С., Яхина Р.Р. К вопросу применения билингвальных технологий в процессе обучения английскому языку в высшей школе // *Вестник РУДН*. Серия: Информатизация образования. 2017. Т. 14. № 4. С. 484–492.
4. Зарипова Р.Р., Салехова Л.Л., Тюкарева М.Н. Интегрированный предметно-языковой подход (CLIL) в обучении математике // *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 11–4. С. 506–509.
5. Исаева Е.В. Формирование терминологической компетенции на английском языке: фундаментальная информатика и информационные технологии // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2018. № 3. С. 132–136.
6. Попова Н.В., Коган М.С., Вдовина Е.К. Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) как методология актуализации междисциплинарных связей в техническом вузе // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 173. Т. 23. С. 29–42.
7. Сидоренко Т.В., Рыбушкина С.В. Интегрированное предметно-языковое интегрированное обучение и его перспективы в российских технических вузах // *Образование и наука*. 2017. Т. 19. № 6. С. 182–196.
8. Силина Е.К., Суринова Е.А. Интегрированное профессиональное обучение в аспекте новой парадигмы научного знания // *Вопросы методики преподавания языка в вузе*. 2017. Т. 6. № 20. С. 10–18.
9. Филипович И.И. Предметно-языковое интегрированное обучение. Новый шаг в развитии компетенций // *Научный вестник ЮИМ*. 2015. № 4. С. 74–78.
10. Халяпина Л.П. Современные подходы к обучению иностранным языкам на основе идей CLIL // *Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сб. научных статей XXVII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. М.В. Пименовой*. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», 2017. С. 97–104.
11. Cenoz J., Genesee F., Gorter D. Critical Analysis of CLIL: Taking Stock and Looking Forward // *Applied Linguistics*, 2014, Vol. 35, Issue 3, pp. 243–262.
12. Dalton-Puffer C., Llinares A., Lorenzo F., Nikula T. You Can Stand Under My Umbrella: Immersion, CLIL and Bilingual Education. A response to Cenoz, Genesee & Gorter (2013). *Applied Linguistics*. 2014. No. 35 (2). Pp. 213–218.

Rodionova E. V.

Ph.D (Economics), Associate Professor, Department of Economics and Finance, Volga State University of Technology

CLIL AND OTHER APPROACHES TO INTERDISCIPLINARY INTEGRATION OF A FOREIGN LANGUAGE AND A CURRICULAR SUBJECT: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

The paper is devoted to the comparative analysis of Content and Language Integrated Learning (CLIL) and other approaches to interdisciplinary integration of a non-native language and a curricular subject: EMI, ESP, CBI, language immersion. The study identifies similarities and differences of these methods and determines the possibilities of their practical use.

Key words: Content and Language Integrated Learning (CLIL), English as a Medium of Instruction (EMI), English for Specific Purposes (ESP), Content-Based Instruction (CBI), language immersion.

УДК 811:378(045)

Утехина Альбина Николаевна

Доктор педагогических наук, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Удмуртский государственный университет
426034, г. Ижевск, ул. Удмуртская, д. 1.
Тел.: 8 (3412) 916173
E-mail: kafnemfil@udsu.ru

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИДАКТИЧЕСКИХ ОСНОВ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

В настоящей статье проводится анализ степени разработанности вопросов межкультурного образования отечественными и зарубежными учеными. Дается обзор диссертационных исследований научной школы автора, в которой разрабатываются инновационные подходы к созданию научно-дидактического обеспечения современного иноязычного и межкультурного образования на разных ступенях обучения. Обозначаются задачи и пути моделирования обучения, стоящие перед межкультурной дидактикой в контексте информатизации.

Ключевые слова: иноязычное образование, научная школа, межкультурная дидактика, информатизация.

Введение

Каждый новый этап исторического развития требует от педагогического сообщества новых подходов к осмыслению научно-педагогического знания и созданию на этой основе актуальных образовательных практик. Современное общество, развитие которого определено тенденциями эпохи глобализации, может быть определено как транскультурное или поликультурное. Для современного общества характерны разнонаправленные тенденции, среди которых выделяются свободные информационные потоки, множественность языков, культур, их сетевое взаимодействие, разветвленность и рассеянность межкультурной коммуникации, появление новых контекстов межкультурного взаимодействия (визуальных, виртуальных и тому подобных), смешение идентичностей и размывание культурных границ. Кроме того, всё чаще проявляется стремление представителей различных культур сохранить свои национальные особенности.

В связи с этим актуализируются проблемы повышения качества иноязычного образования, для решения которых требуются обобщение имеющегося теоретического и практического дидактического материала, выработка новых – более современных – методологий, которые обеспечили бы определение педагогических условий для органичного включения нового научно-педагогического знания в контекст существующего. И наконец, философско-методологическое осмысление позволило бы по-новому взглянуть на перспективы развития российского образования, в частности, иноязычного. Политическая, экономическая и культурная интеграция современного мира делает актуальными проблемы подготовки молодежи к межкультурному взаимодействию.

Основная часть

Мировая языковая педагогика предлагает богатую палитру теоретико-дидактических основ межкультурного образования на философско-методологическом, общетеоретическом и научно-методическом уровнях. Проблема межкультурной коммуникации всегда была и будет актуальной, так как человечество от моноцентризма и замкнутости движется к культурному плюрализму и гармоничному балансу между культурами. Поиск модели педагогического воспитания в человеке «культуросозидающего» начала был одним из актуальнейших вопросов не одного столетия.

Исследование степени разработанности вопроса межкультурного образования выявило основные направления, освещённые отечественными учеными: общефилософское обоснование проблем взаимоотношений между языками и культурами, их взаимовлияние и взаимообогащение (М.М. Бахтин, В.С. Библер, Л.С. Выготский, М.С. Каган); теоретические положения функционального обучения иноязычной культуре (В.П. Фурманова, Л.Г. Кузьмина, О.С. Постовалова); теория и практика межкультурной коммуникации (С.Г. Тер-Минасова, В.П. Садохин, О.А. Леонтович, Е.В. Леонтович); лингвокультурологическая парадигма исследования языковых и межкультурных явлений (Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, В.Г. Костомаров, В.А. Маслова); социокультурные основания языкового образования в контексте изучения мировой, отечественной и национальной культуры (В.В. Сафонова, В.П. Сысоев, А.Н. Утехина); теория и практика формирования межкультурной компетенции (Н.И. Алмазова, Г.В. Сафонова).

Среди зарубежных педагогических систем, определяющих специфику межкультурного образования, выделяются концепции Л. Беннета, М. Байрама, Р.Л. Гарсия, Д. Катца, Д. Керча, С. Морган, Г. Нойнер, Г. Хунфельд, Д. Хупс и другие. Классификация мультикультурного образования представлена в трудах Дж. Бенкс, К. Слиттер. О необходимости формирования межкультурной компетенции в процессе взаимосвязанного обучения языку и культуре писали Л. Альварес, М. Лоренцо; ученые А. Флерак, Дж. Элиот подчеркивали необходимость межкультурного обучения, что является источником успешного сотрудничества в межкультурной коммуникации.

Изучение вопросов моделирования межкультурного образовательного пространства показывает, что в российском образовании идёт процесс становления нескольких моделей, среди которых следует отметить несколько моделей: (1) обучение второму иностранному языку в системе школьного и вузовского образования (Б.А. Лапидус, И.Л. Бим, Л.В. Садова, Э.И. Соловцова и другие), (2) обучение в условиях билингвизма (Н.Д. Гальскова, Н.Ф. Коряковцева, Е.В. Мусницкая, Н.Н. Нечаев и другие), (3) этнолингводидактика (И.А. Арабов, З.Б. Абдуллаева, З.В. Корнаев, В.А. Власов и другие), (4) обучение иностранным языкам на основе нескольких родственных языков (Я.Р. Хайдаров).

В Институте языка и литературы Удмуртского государственного университета сформировалась научная школа развития теоретико-практических основ дидактики межкультурной коммуникации (20 преподавателей УдГУ и других образовательных структур защитили кандидатские диссертации по данной проблематике, научный руководитель – профессор А.Н. Утехина). Научные исследования в нашей школе идут в трех направлениях:

1) разработка теоретико-методологического, социально-педагогического и научно-методического обеспечения раннего языкового и межкультурного образования (предшкольная и младшая школьная ступени) (Н.Н. Ажмякова, Т.И. Белова, О.А. Замятина, Р.А. Кузнецова, Т.В. Попова, Т.С. Ходырева);

2) теоретическое обоснование основных положений программно-дидактического обеспечения иноязычного и межкультурного образования для общеобразовательной и высшей школы (М.А. Бекк, Н.Е. Брим, О.Н. Голубкова, О.К. Козлитина, Ю.Ю. Коротких, Н.В. Маханькова, Н.Ю. Милютинская, Г.Е. Поторочина, И.В. Стрелкова, Е.В. Тарабаева);

3) разработка, обоснование, внедрение инновационных технологий межкультурного обучения и воспитания молодежи в полиэтничном регионе (Е.В. Тройникова, С.Ю. Трофимов, Л.В. Филиппова, Л.И. Хасанова).

Представленный обзор диссертационных исследований учёных научной школы УдГУ позволяет увидеть следующие основные достижения в развитии, обосновании и внедрении инновационных подходов к созданию научно-дидактического обеспечения современного иноязычного и межкультурного образования.

Определены основные *методологические подходы* к межкультурному образованию: системный, культурологический, коммуникативно-когнитивный, субъектно-деятельностный, личностно-ориентированный, социокультурный, компетентностный, синергетический, интеллектуально-развивающий.

Выработаны *требования*, предъявляемые к формулированию целей межкультурного обучения и воспитания – соответствие диагностически обусловленному целеполаганию.

Создан перечень *критериев отбора* культуроведчески ценного содержания обучения, проводимого на основе теории дидактического единства содержательной и процессуальной сторон межкультурного обучения.

Выделены *специфические принципы* отбора и дидактической организации межкультурного обучения: принцип генерализации, принцип научной целостности обеспечения внутренней логики науки, дидактической изоморфности, перспективности развития научного знания, на основе которых были выделены *частнометодические принципы* – культуросообразности, диалога культур, доминирования проблемных культуроведческих заданий, культурной вариативности.

Изучены *способы учебной деятельности*: когнитивные, компенсаторные, метакогнитивные, социально-эмоциональные, интеллектуально-развивающие.

Разработаны, обоснованы и апробированы *педагогические технологии*, базирующиеся на интеграции диалогового и проектного методов с приёмами развития критического мышления, включающие познавательные-поисковые, исследовательские, проблемные задания, культуроведческие ролевые игры и дискуссии, тренинги. Среди наиболее успешно реализуемых технологий, позволяющих овладеть культуроведческими знаниями: таксономия учебных задач Дж. Блума, способствующая поэтапному проникновению в текстовую информацию (понимание, осмысление, применение, анализ, синтез, оценка); технология развития критического мышления, реализуемая в работе с иноязычным текстом в алгоритме вызов – осмысление – включение в речь – рефлексия. Формы текстовой деятельности в рамках данных технологий расширены нами за счёт применения методики «мозгового штурма», а также методик составления семантических карт, перекодирования информации, проектного метода и метода кейс-study, представляющих потенциал имитационного моделирования и позволяющих примерить на себя ту или иную ситуацию межкультурного взаимодействия.

Технология культуроведчески ориентированной интерпретации текстов художественных произведений иноязычной литературы способствует определению лингвокультурных концептов, понятий, явлений, конкретных языковых образов, которые являются базовыми для определенного национального менталитета.

В составе коммуникативной компетентности выделены *ключевые компетенции*, представляющие собой совокупность личностных качеств, знаний, системы ценностей и отношений, опыта их практического применения: лингвокультуроведческая, когнитивно-познавательная, эмоционально-оценочная, субъектно-деятельностная.

Также определены *способы диагностирования* динамики показателей межкультурной компетентности – анкетирование, тестирование, наблюдение, оценивание, парное сравнение индивидуальной, экспертной оценки, самооценки по следующим методикам: методика определения когнитивного компонента межкультурной компетентности В.А. Ключевой, опросник эмпатии В.В. Бобко, шкалы межкультурной чувствительности G.M. Chen, W.I. Starosta, методика О.П. Елисеева «Потребность в общении», опросник коммуникативного поведения англичан и русских (модифицированный опросник И.А. Стернина), опросник К. Томаса «Как вы ведёте себя в конфликтной ситуации», «Оценка самоконтроля в общении» М. Снайдера, методика определения межкультурной компетенции INCA.

Приведём пример разработки компетенций интерпретативной переводческой деятельности с аутентичными публицистическими текстами с целью обогащения культуроведческой осведомленности [Утехина, 2011, с. 130-138].

1. *Познавательная-когнитивная компетенция*:

- владение системой иностранного языка и знаниями культурно-языковых норм изучаемого языка;
- владение умениями обобщать и систематизировать культуроведческую информацию;

– владение умениями анализа и интерпретации переводимых текстов в контексте культуроведческой тематики;

– проявление социокультурной наблюдательности при работе с аутентичной информацией.

2. *Социально-эмоциональная компетенция:*

– знание культурно-исторических аспектов системы ценностей культуры изучаемого иностранного языка;

– умение проводить аналогии и противопоставления при сравнении фактов и явлений культуры;

– знание системы универсальных и специфических культурных ценностей в иноязычной и родной культуре;

– владение бикультурными умениями, умение аргументировать национально-культурные традиции, стереотипы, нормы взаимодействия.

3. *Коммуникативно-деятельностная компетенция:*

– проявление социокультурной чувствительности (сенсбилизации) в распознавании культуроведчески-языковых реалий, распределение их содержания на родном языке;

– умение решать и сопоставлять культуроведческие файлы, викторины, ребусы, кроссворды на материале зарубежной культуры;

– проявление готовности к устному выступлению по культуроведческой информации, используя содержание переведенных текстов (в проектной деятельности);

– проявление непредвзятости и вежливости при обсуждении различных аспектов жизни в родной и иноязычной культурах.

Межкультурное образовательное пространство развивается сегодня в контексте информатизации общества, процесс которой принял информационный взрыв. Как констатирует педагогическое сообщество, проникновение в образование новых информационных технологий требует рассматривать современный дидактический процесс как информационный, в котором происходит получение учебной информации, ее переработка и использование. Поэтому мы понимаем, что информатизацию надо рассматривать как новый подход к организации обучения межкультурному взаимодействию.

Информационный подход к обучению ставит перед дидактикой следующие задачи:

– определить методологических подходов к разработке информационного оснащения;

– освоить и внедрить современные информационные технологии, созданные на основе научных исследований по информационной дидактике;

– разработать продуктивные методы, формы работы, наполненные информативным учебным содержанием;

– сформировать информационную культуру обучаемых, то есть их умение работать с учебной информацией, «общаться» с помощью информационных технологий;

– обучать учителей, преподавателей вузов информационным технологиям представления информативного учебного содержания, методам интерпретации, учебно-познавательным операциям, а также способам мультимедийной презентацией учебного содержания.

Информатизация общества как глобальный социальный процесс, при котором доминирующим видом образовательной деятельности является сбор, накопление, обработка, передача информативного материала с помощью информационных технологий в системе образования, в частности, в подготовке квалифицированных интеллектуальных кадров, в нашем случае – специалистов по межкультурной коммуникации. Информационные технологии являются педагогическими, поскольку суть их состоит в создании как для педагогов, так и для учеников благоприятных условий для свободного доступа к культурной, учебной и научной информации.

Основу информационной технологии составляют:

– моделирование процесса обучения;

– наряду с использованием традиционными дидактическими способами представления и обработки учебной информации, применение грамотно разработанных приёмов подачи предметных и психолого-педагогических знаний;

– автоматический аргументированный подбор рациональной стратегии обучения для каждого студента;

– определение самим студентом (в соответствии с планом, предложенным преподавателем или разработанным им самим) способа обработки учебной информации;

– автоматизированный контроль усвоения знаний, обеспечивающий обратную связь, позволяющий студенту выбирать самостоятельно последовательность и темп работы с учебным материалом;

– внесение в базу данных он-лайн (и предоставление преподавателю) информации о динамике работы студента по итогам тестирования уровня овладения знаниями.

Новые возможности информатизации образования открывают в иноязычном образовании ряд стратегий работы с иноязычными текстами как совокупностью, которые способствуют овладению межкультурными компетенциями: лингвистической, лингвокультуроведческой, социокультурной.

Для студентов языковых вузов и факультетов текст как учебная информация является ценнейшим элементом культуры и фундаментальным проявлением языковых и культуроведческих знаний. Поэтому представляется необходимым рассмотреть специфику текста, содержащего культурно-языковую информацию. В контексте логико-информационного подхода [Федоров, 2004, с. 5–6] к современному иноязычному образованию видится возможным выделить следующие типы информационных текстов:

– культуроведчески-познавательные;

– информационно-познавательные;

– учебно-информационные;

– познавательно-межкультурные тексты;

– тексты для учебного диалога;

– тексты, содержащие универсальную систему контроля усвоенных культурно-языковых знаний.

Критериями логико-информационной корректности представленных типов текстов являются: последовательность, ясность, доказательность, информативность, диалогичность, открытость.

Педагогическим научным сообществом признано, что иноязычное образование в современном образовательном пространстве имеет широкие возможности использования учебной информации в виде аутентичных текстов. Рассматривая аутентичность как соответствие содержательных, организационных и индивидуальных аспектов обучения иностранному языку, исследователи выделяют ряд аспектов аутентичности текстовой информации (см., например: [Носонович, 2016, с. 10–14]):

– *культуроведческая* информационная аутентичность формирует представления об основных особенностях жизни носителей изучаемого языка во всех сферах функционирования данного языка;

– *информативная* аутентичность содержит актуальную значимую информацию, соответствующую возрастным психофизиологическим, ценностным характеристикам обучающихся;

– *ситуативная* информационная аутентичность демонстрирует естественную ситуацию коммуникации в виде учебной иллюстрации, вызывает интерес и естественность обсуждения темы;

– *реактивная* аутентичность информации вызывает эмоциональный, мыслительный и речевой отклик;

– *аутентичность оформления* информации привлекает внимание студентов, облегчает понимание коммуникативной задачи текста;

– *аутентичность* учебных заданий к текстовой информации стимулирует взаимодействие студентов с текстом; решение заданий основано на операциях, совершаемых во внеучебное время при работе с различными источниками информации.

Вслед за Г.И. Ворониной [2014, с. 23–25] в числе аутентичных информационных текстов мы выделяем *функциональные* (пояснения, инструкции, рекламные проспекты, театральные программки и тому подобные) и *информативные* тексты (новостные заметки, статьи, интервью, опросы, объявления). Интересен опыт перевода и изучения публицистических текстов из молодежного немецкого журнала Vitamin.de, являющих собой сложную публицистически эстетическую систему, в которой образно-смысловые категории актуализируются в сопряжении с культуроведческими компонентами.

Основная цель работы над аутентичной иноязычной информацией – выстроить другую картину мира, характерную для иноязычной культуры, чтобы средствами текстов помочь студентам приобрести глубокие знания о мире, обществе, культуре поведения людей, системе ценностных ориентаций. Студенты сами определяют актуальные задачи работы с иноязычной информацией – развивать способность воспринимать и критически анализировать функционирование информационных материалов, синтезировать и эффективно использовать аутентичную информацию. При этом перед студентами ставятся задачи поиска и интерпретации лично-значимой информации для каждого студента. А это уже можно с полным основанием можно назвать необходимой деятельностной предпосылкой и движущей силой информационного общества, которое учёные понимают как новую историческую фазу развития цивилизации, главными продуктами производства которой являются информация и знания [Берулава, 2012, с. 26–30; Ермаков, 2013, с. 10–13].

В условиях интенсификации информационных потоков особую актуальность приобретают осознанный отбор информации, анализ и создание собственной информации и, может быть, интеллектуальными фильтрами будет не компьютер с его фантастическими возможностями, а результативно-целевая основа работы с информацией, получившая достаточно научное обоснование.

Информационная грамотность, то есть готовность оценивать информацию, понимать задачи, стоящие перед работой над информацией, уметь вычлнять необходимое, анализировать и синтезировать ценную информацию, эффективно использовать имеющуюся и создавать собственную информацию, редактировать её, сопровождая разработанной презентацией (Power Point).

Информационная образованность, которая представляется как владение культурно-языковыми знаниями на основе ценностных ориентаций (отношение к природе, времени, пространству, труду, власти). Если студент дополняет полученную информацию собственным опытом творческого применения знаний, опытом эмоциональной личностной включённости в познание и преобразование полученных знаний, то можно говорить о его информационной образованности.

Информационная компетентность, то есть способность / готовность реализовать себя в таких видах информационной текстовой деятельности, как умение отбирать качественную необходимую информацию, анализировать и выбирать информацию, обогащающую культуроведческие знания обучающего. Такая информация послужит источником новых знаний и будет вести обучающегося к овладению межкультурной компетентностью, включающей в себя не только культурно-языковые знания, но и готовность / способность корректно воспринимать и интерпретировать аутентичную речь native-speaker, а также владеть знаниями норм, способов их проявления в институтах иноязычного общества.

Межкультурная информационная компетентность обогащает обучающегося социокультурным опытом в процессе овладения информационными культуроведческими знаниями о ценностных ориентациях, духовно-нравственной и речевой культуре, может называться ещё информационной культурой.

Владение системой ценностей обеспечивает конкретное проявление культуры на различных уровнях, благодаря чему индивиды и коллективы могут общаться в рамках одной культуры.

Заключение

На современном этапе развития мировой системы образования происходит интенсивная информатизация всех сфер жизни. Особенности информационного общества активно обсуждаются в научной литературе. Нами описаны способы освоения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их внедрения в образовательную деятельность на уровне создания, восприятия, использования письменных, музыкальных, графических материалов, поиска и хранения информации, анализа, моделирования и управления информационными потоками [Полат, 2007, с. 297–319]. Ответом на вызовы времени, без сомнения, может стать разработка инновационной методологической базы, определяющей модернизацию целей, содержания, форм, методов и средств обучения на всех ступенях образования. Данное обстоятельство не могло не отразиться, в частности, на межкультурном иноязычном образовании, которое в современных условиях не может ограничиться подготовкой к иноязычной межкультурной коммуникации и формированием соответствующих компетенций. На этапе информатизации важнейшим компонентом развития общества становятся проблемы организации образования, обеспечивая цель подготовки реального субъекта этого развития. Сегодня видится актуальным подготовка молодежи к жизнедеятельности в условиях информационного межкультурного взаимодействия, что во многом зависит от разработки и внедрения в учебный процесс новых информационных технологий в рамках гуманистической парадигмы культурологического типа, увеличение «культуроёмкости» содержания учебной информации и внедрения новых технологий как механизма формирования грамотных специалистов по языку, культуре и межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Берулава Г.А., Берулава М.Н. Новая методология развития личности в информационном образовательном пространстве // Педагогика. 2012. № 4. С. 10–13.
2. Воронина Г.И. Организация работы с аутентичными текстами молодежной прессы в старших классах с углублённым изучением иностранного языка // ИЯШ. 2014. № 2. С. 23–25.
3. Ермаков Д.С. Информационная компетентность в информационном обществе // Педагогика. 2013. С. 26–30.
4. Носонович Е.В., Мильруд Г.П. Критерии содержательной аутентичности учебного текста // ИЯШ. 2016. № 2. С. 10–14.
5. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. Москва: Академия, 2007. С. 297–319.
6. Утехина А.Н. Межкультурная дидактика. Москва: Флинта; Наука, 2011. С. 130–138.
7. Федоров Б.И. Алгоритмы обучения. Санкт-Петербург: Просвещение, 2004. С. 5–6.

Utekhina A.N.

Grand Ph. D. (Education), Professor of the Department of Translation and Applied Linguistics (English and German Languages), Udmurt State University.

MODELING OF DIDACTIC BASICS OF INTERCULTURAL EDUCATION IN INFORMATION SPACE

The paper analyzes publications by Russian and international researchers on intercultural education to identify the degree of the subject development. It gives an overview of dissertation theses belonging to the author's research school and exploring innovative approaches to the development of research-based didactic materials for different levels of modern language and intercultural education. The author identifies the challenges and ways of learning modeling that face intercultural didactics in the context of informatization.

Keywords: language education, research school, intercultural didactics, informatization.

УДК 378

Филиппова Анастасия Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396477
E-mail: filippovasmvfl@list.ru

**ОБУЧЕНИЕ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ЗАОЧНОМ ОТДЕЛЕНИИ
В РАМКАХ БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ**

В статье рассматриваются вопросы организации и оценивания контрольных мероприятий при обучении второму иностранному языку на заочном отделении в условиях балльно-рейтинговой системы. Представлены возможные критерии оценки одного из итоговых мероприятий, выступления с презентацией.

Ключевые слова: студент заочного отделения, второй иностранный язык, балльно-рейтинговая система, многоязычие.

Введение

В системе российского образования заочное обучение всегда было востребовано. Современные жизненные реалии таковы, что вряд ли у человека есть возможность получить стабильную, высокооплачиваемую работу без наличия диплома о высшем образовании. Причём конкуренция на рынке труда такова, что желание молодого специалиста сразу устроиться на работу по специальности не всегда осуществимо. Именно поэтому нередко встречаются выпускники вузов, которые, имея на руках документ о первом высшем образовании, поступают вновь в высшие учебные заведения уже на заочное отделение для получения второго высшего образования и для того, чтобы иметь более широкий круг поиска места работы. Также среди студентов вузов встречаются такие, кто одновременно обучаются на дневном отделении одного факультета и получают высшее образование на заочном отделении другого факультета, экономя таким образом своё время.

Обучение на заочном отделении, безусловно, имеет свои плюсы, главный из которых заключается в возможности получения высшего образования в более поздний «возрастной срок» в случае отсутствия возможности получения такового сразу после окончания среднего общеобразовательного или начального профессионального учреждения. Учащиеся заочного отделения представляют собой особую категорию студентов, как правило, работающих, имеющих уже свои семьи, то есть совмещающих учёбу, семью и работу. Естественно студентам-заочникам приходится сталкиваться и с определёнными трудностями, которые в первую очередь проявляются в отсутствии постоянной помощи со стороны преподавателя (поскольку большая часть часов отводится на самостоятельное изучение) и соответственно в необходимости самостоятельно решать возникающие проблемы по тому или иному предмету.

Особую сложность для студентов заочного отделения неязыковых факультетов, на наш взгляд, представляет собой дисциплина «Иностранный язык», поскольку вся работа осуществляется на неродном языке. И лишь в некоторых высших учебных заведениях согласно современному компетентностному подходу в образовании, в русле которого провозглашается концепция многоязычия, вводится дисциплина по выбору «Второй иностранный язык». Исследователи считают, что «многоязычие возникает по мере расширения в культурном аспекте языкового опыта индивидуума от языка, употребляемого в семье, до языка, употребляемого в обществе, и далее до овладения языками других народов, (выученных в школе, колледже); индивидуум не «хранит» эти языки и культуры обособленно друг от друга, а формирует коммуникативную компетенцию на основе всех знаний и всего языкового опыта» [Общев-

ропейские компетенции, 2003, с. 4]. Исходя из этого, в качестве цели обучения иностранным языкам рассматривается формирование и развитие у учащегося коммуникативной компетенции как первого, так и второго языков.

Основная часть

Помимо введения второго иностранного языка в российском высшем образовании существенно изменяется система оценки качества образования, и дисциплина «Иностранный язык» не является исключением. В высших учебных заведениях вводится балльно-рейтинговая система, которая представляет собой систему «непрерывной накопительной количественной оценки качества освоения студентами учебных дисциплин, совокупности учебных дисциплин за семестр, основной образовательной программы в целом» [Положение, 2013, с. 1]. Данная система была разработана с целью обеспечения объективности и достоверности оценки образовательных результатов студентов [Там же].

Многие преподаватели, имеющие опыт работы в рамках балльно-рейтинговой системы, отмечают её положительное влияние: повышение уровня учебной дисциплины и заинтересованности студентов результатами обучения [Бурцева, Чепак, 2014; Солоненко, 2008], уровня организованности деятельности учащихся [Короткова, 2009], уровня мотивированности студентов к активной самостоятельной внеучебной деятельности [Павлюк, 2009; Богдан, 2010; Ильина, Кузнецова, Косарева, 2010] уровня конкуренции с положительной точки зрения [Ямпольская, 2015]. Некоторые исследователи указывают на снижение «проблемы страха» у студентов, который они испытывали во время сдачи семестровых экзаменов, поскольку сейчас им предоставляется возможность получения оценки за зачёт или экзамен по результатам набранных баллов [Ессина, Ефимова, 2014, с. 205]. Преподавателями разрабатываются подходы, с помощью которых создаётся возможность распределения баллов за выполнение заданий в соответствии с уровнем сформированности компетенций [Якимова, 2013].

Балльно-рейтинговая система в каждом вузе может реализовываться по-разному, но основная цель её одна: улучшение качества образования. В рамках данной системы руководством учреждения определяется минимальное количество контрольных мероприятий в течение семестра, максимальное суммарное количество баллов для них, определённое количество баллов для дополнительных заданий. По каждой дисциплине преподавателями разрабатываются контрольные мероприятия, определяется максимальное количество баллов для каждого, пороговый уровень, критерии и параметры критериев каждого контрольного мероприятия.

Учитывая специфику обучения на заочном отделении, а именно в значительной степени преобладающее количество самостоятельных часов, большинство контрольных мероприятий имеет смысл проводить в часы, отведённые для самостоятельной работы. Это могут быть лексико-грамматические тесты, поисковое чтение с последующими заданиями на понимание прочитанного, задания на контроль формирования умения письма. Однако специфика дисциплины «Иностранный язык» заключается в том, что для достижения основной цели изучения иностранного языка, формирования коммуникативной компетенции, контролироваться должны все виды речевой деятельности: чтение, письмо, аудирование, говорение. С помощью контроля, как известно, реализуются несколько педагогических функций, среди которых не только диагностическая, позволяющая своевременно оценить успешность / неуспешность обучения, но и обучающая функция, обеспечиваемая системой контрольных упражнений и заданий, синтезирующих ранее усвоенный материал, а кроме того – управленческая, с помощью которой обеспечивается управление процессом овладения языковым материалом и речевыми умениями [Азимов, Щукин, 2009, с. 112]. Говорение представляется самым сложным видом речевой деятельности и в тоже время важным показателем для определения уровня владения иностранным языком. На контроль говорения на заочном отделении может быть отведено итоговое контрольное мероприятие, проводимое в аудиторские часы на последней паре. Контроль говорения может осуществляться разными путями: в диалогической или монологической формах.

Одним из примеров итогового контрольного мероприятия может служить выступление с презентацией. Презентация является таким видом деятельности, при подготовке которого возможна реализация творческого потенциала студентов, повышение мотивации к изучению дисциплины. Презентация часто используется для представления проектов [Снегова, Полякова, 2018], что также может использоваться в качестве контрольного мероприятия. Условно работа над презентацией может быть разделена на четыре больших этапа: сбор материала, составление текста доклада, компрессия текста, то есть создание самой презентации, и выступление с последующими ответами на вопросы преподавателя. Критериями презентации могут быть следующие: «содержание», «порождение речи», «восприятие речи», «произношение», «дизайн и грамматическая корректность». Под критерием «содержание» понимается полнота раскрытия темы, объём использования новой лексики по той или иной теме. Критерий «порождение речи», на наш взгляд, является основным, поскольку отражает уровень владения речевой компетенцией. Как известно, речевая компетенция «входит в состав коммуникативной компетенции и означает владение способами формирования и формулирования мыслей посредством языка и умение пользоваться такими способами в процессе восприятия и порождения речи» [Азимов, Щукин, 2009, с. 251]. По данному критерию оценивается умение говорения без использования текста доклада как подсказки, а также умение давать логичные ответы на вопросы преподавателя по заявленной теме. Оценивание ответа учащегося по критерию «восприятие речи» предполагает процент понимания студентом вопросов преподавателя по представленной презентации. Критерий «произношение» отвечает за степень сформированности фонетических навыков. Под критерием «дизайн и грамматическая корректность» понимается умение логично и корректно с точки зрения графики, грамматики и лексики оформить презентацию. В частности, в тексте не должно быть лексических и грамматических ошибок или опечаток; должен быть подобран «читабельный» шрифт, а также фон, не мешающий пониманию; графика должна логично дополнять текст, не перегружать его. Очевидно, что данный критерий не является ведущим среди всех прочих, однако он тоже играет свою роль, поскольку показывает аккуратность в работе и в какой-то степени «лицо» студента.

Как уже было отмечено, в каждом конкретном вузе определяется своё минимальное количество контрольных мероприятий в течение семестра / триместра. Например, в Пермском государственном национальном исследовательском университете за триместр должно быть проведено минимум три контрольные точки. Учитывая специфику распределения аудиторных и самостоятельных часов на заочном отделении, по дисциплине «Второй иностранный язык» в рамках одного триместра может быть проведено, на наш взгляд, две контрольные точки по 30 баллов за каждую в самостоятельные часы (например, лексико-грамматический тест и чтение) и итоговая работа, оцениваемая максимально в 40 баллов в аудиторные часы. Итак, 40 баллов по критериям итогового мероприятия в виде выступления с презентацией могут быть распределены следующим образом: «содержание» (9 баллов), «порождение речи» (12 баллов), «восприятие речи» (7 баллов), «произношение» (7 баллов), «дизайн и грамматическая корректность» (5 баллов). При этом параметрами данных критериев может явиться степень сформированности тех или иных навыков. Например, критерий «содержание» может разбиваться на следующие параметры: тема раскрыта в полной мере, представлена разнообразная лексика (9 баллов); тема раскрыта в достаточной степени, предъявлены смысловые отношения, лексика по теме представлена (7 баллов); тема изложена кратко, охвачен не весь материал, лексика представлена скудно (4 балла); материал изложен фрагментарно, представлено небольшое количество новых лексических единиц по заданной теме (2 балла); учащийся не способен излагать свои мысли по теме (0 баллов). Критерий «порождение речи» может быть разделён на следующие параметры: свободное говорение без использования текста доклада, ответы на вопросы звучат уверенно и в быстром темпе, лексико-грамматических ошибок нет (12 баллов); практически без использования текста доклада, в среднем темпе, допущены случайные лексические и / или грамматические ошибки (10 баллов); говорение с частичной опорой на текст, с небольшими паузами, допущены незначительные лексические и / или грамматические ошибки, не мешающие пониманию (8 бал-

лов); с постоянной опорой на текст, с большими паузами, допущен ряд лексических и / или грамматических ошибок (5 баллов); чтение теста доклада, ответы только на некоторые вопросы и с большими паузами, допущен ряд лексических и / или грамматических ошибок, мешающих пониманию (3 балла); учащийся не способен высказываться по теме, отвечать на вопросы преподавателя (0 баллов).

Критерий «восприятие речи» может включать следующие параметры: понимание без затруднений (7 баллов); небольшие затруднения при понимании преподавателя (6 баллов); необходимость в наводящих вопросах (5 баллов); необходимость в неоднократных наводящих вопросах (3 балла); наличие ошибок, несмотря на неоднократность наводящих вопросов (2 балла); учащийся не понимает преподавателя (0 баллов).

Что касается контрольного мероприятия «чтение», то на начальном этапе обучения оно может быть представлено двумя видами: (1) чтение с целью контроля фонетических навыков или (2) чтение с целью извлечения информации. Как известно, фонетические навыки подразделяются на две группы: ритмико-интонационные и слухо-произносительные [Соловова, 2005], поэтому при контроле фонетических навыков сформированность обеих групп навыков имеет своё – особое – значение. Параметрами критерия сформированности фонетических навыков могут явиться следующие: (1) степень сформированности навыков артикулирования звуков и звукосочетаний; (2) словесное, логическое ударение; (3) интонирование в различных видах предложений. Каждый иностранный язык имеет свои особенности, возникшие в ходе истории его развития. Согласно мнению исследователей наибольшие сложности, например, при письме представляют собой языки, орфография которых базируется на историческом принципе образования, поскольку «написание отдельных слов не соответствует морфологическим и фонетическим фактам современного языка», к таким относится и английский язык [Гальскова, Гез, 2004, с. 254]. Соответственно, и чтение таких слов, как правило, сопряжено с трудностями в запоминании. Однако чтение слов, образованных по морфологическому принципу как ведущему, например, в немецком языке [Гальскова, Гез, 2004, с. 254], также может вызывать у учащихся затруднения. При контроле сформированности фонетических навыков следует обращать внимание на долготу и краткость гласных, поскольку от данного параметра иногда зависит значение слова, а также на дифтонги и умлаут. Как показывает практика, наибольшие сложности у учащихся во время изучения немецкого языка как второго иностранного возникают именно по этим параметрам.

Если рассматривать в качестве контрольного мероприятия чтение с целью извлечения информации, то ссылаясь на методическую литературу, в которой выделяются различные виды чтения [Азимов, Щукин, 2009, с. 347], оптимальным видом может явиться поисковое чтение. Для данного вида чтения используются, как правило, небольшие тексты или объявления с целью поиска определённой информации. Ввиду малого объёма таких текстов на контроль сформированности данного вида чтения выделяется небольшое количество времени, что является плюсом для использования его на заочном отделении неязыковых факультетов.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что введение второго иностранного языка на неязыковых факультетах осуществляется согласно современной концепции образования, в которой многоязычие играет важную роль. Балльно-рейтинговая система, призванная обеспечить улучшение качества образования и объективность оценивания знаний студентов, несомненно, является одним из моментов продвижения в системе высшего образования. Внедрение данной системы на заочном обучении может рассматриваться, на наш взгляд, положительно и служит для корректировки структуры процесса обучения и контроля в самостоятельные часы. Однако с введением балльно-рейтинговой системы, в частности, по дисциплинам «Иностранный язык», «Второй иностранный язык» всплывает и ряд проблем, с которыми непрерывно сталкивается профессорско-преподавательский состав и которые в дальнейшем предстоит решать за счёт накопленного собственного опыта и обмена данным опытом с российскими и зарубежными коллегами.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий: теория и практика преподавания языков. Москва: ИКАР, 2009. 488 с.
2. Богдан Н.В. Балльно-рейтинговая система как метод оценки качества образования в вузе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2010. № 3 (179). С. 42–45.
3. Бурцева Э.В., Чепак О.А. Опыт и проблемы применения системы балльно-рейтингового контроля в обучении иностранному языку студентов неязыковых факультетов // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 15. С. 79–84.
4. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. Москва: Академия, 2004. 336 с.
5. Ессина И.Ю., Ефимова И.И. Использование балльно-рейтинговой системы для аттестации учебной работы студентов на кафедре английского языка, теоретической и прикладной лингвистики Саратовской государственной юридической академии // Вестник Саратовской юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 202–206.
6. Ильина Н.А., Кузнецова Е.В., Косарева О.Е. Повышение эффективности управления качеством образования в вузе // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3-2. С. 200–205.
7. Короткова Е.Г. Применение балльно-рейтинговой системы оценки деятельности студентов при изучении иностранного языка // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. 2009. № 24 (157). С. 43–46.
8. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка / Московский гос. линг. ун-т / Департамент по языковой политике. Страсбург, 2003. 256 с.
9. Павлюк Н.С. К вопросу о рейтинговой оценке знаний студентов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 9. С. 154–158.
10. Положение о балльно-рейтинговой системе оценки образовательных результатов студентов Пермского государственного национального исследовательского университета. 2013. 14 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/normativnaya_baza/base_nd/polozh_brs.pdf (дата обращения: 21.05.2018)
11. Снегова С.В., Полякова С.В. Использование междисциплинарного проекта как средства обучения TEFL // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 2. С. 107–111.
12. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учит. Москва: Просвещение, 2005. 239 с.
13. Солоненко В.А. Балльно-рейтинговая система контроля знаний студентов по иностранному языку // Вестник Брянского государственного университета. 2008. № 1. С. 76–81.
14. Якимова З.В. Возможности применения конструктора задач для контроля уровня сформированности компетенций в контексте балльно-рейтинговой системы оценки успеваемости студентов (на примере дисциплины «Основы управления персоналом») // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 3 (21). С.110–118.
15. Ямпольская Д.Ю. Преимущества и недостатки балльно-рейтинговой системы оценивания качества образования // Развитие современного образования: теория, методика и практика: Материалы VI Междунар. научно– практ. конф. (Чебоксары, 13 ноября 2015 г.) / редкол.: О.Н. Широков. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. № 4 (6). С. 185–187.

Filippova A.A.

*Ph.D. (Philology), Linguodidactics Department,
Perm State University*

***TEACHING A SECOND FOREIGN LANGUAGE TO THE STUDENTS OF THE
CORRESPONDENCE DEPARTMENT WITHIN THE SCORE-RATING SYSTEM***

The article deals with applying the score-rating system to tests developing and evaluating in the course of a second foreign language at the correspondence department. The possible criteria for the evaluation of the oral presentation as one of the tasks are suggested.

Keywords: off-campus student, the second foreign language, score-rating system, multilingualism.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
4. Графики, диаграммы не допускаются.
5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 6–15 страниц, а для аспирантов – 6–8 страниц.
7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:
 - 1 – код УДК;
 - 2 – фамилия, имя, отчество автора (полностью);
 - 3 – ученая степень, ученое звание;
 - 4 – должность, место работы (если таковое имеется).
 - 5 – контактная информация (адрес, e-mail, телефон – для размещения на сайте в сведениях об авторе);
 - 6 – название статьи;
 - 7 – аннотация (300–400 знаков с пробелами) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;
 - 8 – ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и / или словосочетаний);
 - 9 – ссылки.Сведения, указанные в подпунктах 2–8, приводятся как на русском, так и на английском языках.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Иванов, 2005, с. 25].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первоисточника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения 22.12.2014). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же» или "Ibid." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или "Op. cit." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом

(4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, решением редакционного совета отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы:

Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2004. 207 с.

Бондарко А.В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А.В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 51–63.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

УДК 81-13

Шустова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396477
E-mail: lanaschust@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

В настоящей статье исследуется функциональный потенциал английских глаголов с инкорпорированными актантами to cycle, to ferry, to jet, входящих в семантическое поле «перемещение в пространстве». Анализ синтаксической и семантической валентности данных глаголов, основанный на изучении эмпирического материала, позволил сделать вывод об их высоком функциональном потенциале.

Ключевые слова: функциональный потенциал, инкорпорация, актант, глаголы с инкорпорированными актантами, синтаксическая и семантическая валентность, индекс функционального потенциала.

Введение

Текст Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1.

Shustova S.V.

*Grand Ph.D. (Philology),
Linguodidactics Department,
Perm State University*

FUNCTIONAL POTENTIAL OF ENGLISH VERBS OF TRANSPORTATION

The article explores functional potential of English verbs with incorporated actants to cycle, to ferry, to jet, which are part of the semantic field "transportation". Corpus analysis showed that the syntactic valence of the verbs in question exceeds their semantic valence and it allows us to conclude that the verbs in question have a high functional potential.

Keywords: functional potential, incorporation, actant, verbs with incorporated actants, syntactic and semantic valency, functional potential index.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (1 месяц).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://evrazgumzhurnal.blogspot.com>